

A decorative blue floral border with intricate scrollwork and leaf patterns, framing the central text.

Павшее королевство

Пользователь Windows

•

Павшее Королевство

Год: 2017

Автор: Элизабет Мэй

Жанр: Фэнтези

Серия: Охотницы / The Falconer, книга #3

Язык издания: английский

Перевод группы: **БЕСТСЕЛЛЕРЫ** **Книжные романы!**

Перевод: Маргарита Козловская (1-6гл), с 7гл - Елена Курак

Сверка: Елена Курак

Корректор: Victoria Malafeeva

Редактор: Анюта Солнцева

Книга предназначена только для ознакомительного чтения. Любая публикация данного материала без уведомления администрации группы и ссылки на сообщество - строго запрещена. Любое коммерческое и иное использование материала, кроме предварительного ознакомления, запрещено. Пожалуйста, уважайте чужой труд! P/S/ Перевод любительский!

Команда группы БЕСТСЕЛЛЕРЫ не несет ответственность за использование и распространение данных материалов иными лицами. Внимание - перевод любительский

Аннотация

Айлиэн Кэмерон, воскрешенная магией древних фейри, возвращается в мир, который она когда-то знала, без воспоминаний о своем прошлом и с опасными способностями, которые она изо всех сил пытается контролировать. Отчаянно пытаюсь разрушить

проклятие, которое стравливает два лагеря фейри друг против друга в борьбе, которая решит судьбу человеческого и фейского миров. Ее единственная надежда скрыта в древней книге, охраняемой легендарной Морриган, фейри обладающей огромной силой и жестокостью. Чтобы спасти мир и людей, которых она любит, Айлиэн должна научиться использовать свои новые темные силы, даже если они медленно убивают ее.

Для моих читателей.

Кто посылал мне электронные письма и сообщения, которые заставили меня улыбнуться.

Кто рассказал своим друзьям о моих книгах.

Кто оставался с этой серией от начала до конца.

Кто знал меня задолго до этого,

и кто поощрял меня все эти годы.

Я написала эту последнюю книгу для всех вас.

—Элизабет Мэй

Глава 1

Я появилась девушкой: отчаянно прорывающей себе путь на землю слабыми, дрожащими конечностями, с криком на губах и горлом, наполненным пеплом...

Прорываюсь на поверхность. Открываю глаза, чтобы увидеть

серое небо. Воющий вскрик пронзает воздух – я понимаю, что он мой.

Мои ногти погружаются во влажную почву, пока я выталкиваюсь из земли. Я падаю на живот, щека прижимается к грязи. Я задыхаюсь, пытаюсь произнести слова, которые застряли у меня в горле: бессмысленный перечень чего-то на языке, без воспоминаний, без каких-либо причин для них. Передаваемая информация становится более рваной, как и мое дыхание, все более и более бессвязной, пока я прихожу в себя. Затем начинают формироваться мысли. Они затуманивают мой разум, их слишком много.

«Где я? Как сюда попала?»

Не помню.

Пошатываясь на ногах, хватаю соседнюю ветку, чтобы устоять. Моргаю от света, мое зрение проясняется, когда я смотрю перед собой.

Я в лесу, который сожжен дочерна, каждое дерево вырвано с корнями и лежит на земле. Скрученные ветви, будто поймавшие меня в клетку, тянутся к небу, словно корявые пальцы. Я кашляю из-за сильного запаха дыма от недавно потухшего огня. Воздух настолько насыщен, что мне приходится зажать нос рукой. Это едва помогает. Мои обнаженные руки покрыты сажей. Черное платье, которое на мне надето, в грязи.

Я провожу рукой по шелковистой ткани.

«Как случилось, что я оказалась в этом?»

Мне оно даже не знакомо. Ничего не знакомо. Я не помню свою

жизнь до этого. Мое дыхание сбивается.

– Думай, – мой голос грубый, резкий. Я прижимаю руку к груди, как будто это может замедлить сердцебиение, – должно же быть что-то.

Я пытаюсь найти какой-нибудь кусочек воспоминания, успокоить панические мысли, которые снова и снова всплывают в моей голове: «Кто я? Где я? Как я сюда попала?» Но ничего не приходит. Мой разум пуст. Бесконечная пустота там, где я знаю, ЗНАЮ, что должна быть целая жизнь воспоминаний.

Позади меня что-то шелестит. В нескольких футах ворон бьет своими крыльями и садится на почерневшую ветку. Его маленькие, чернильные глаза не мигают и сосредоточены на мне. Звук, который он издаёт, похож на что-то между рычанием и криком. Я отступаю, моя кожа покрывается мурашками.

Глаза черные, как смоль. Морщинистая кожа обволакивает кости.

«Я найду тебя. Куда бы ты ни пошла, я найду тебя».

Я вздрагиваю от быстрого, мимолетного образа в моем сознании – какофонии черных крыльев и смеха, который наполняет меня страхом. Тревожные вспышки длинных острых клювов, с которых что-то капает. Кровь? Затем голос, поднимающийся из затененных частей моего разума, старый и дрожащий, но наполненный злобой.

«С этого момента каждая секунда, прожитая тобой — это мой подарок, моя милость».

Кому принадлежит этот голос? Я не помню, но что-то говорит мне, что послание, которое она передала мне, то, которое я

проговаривала, когда выбиралась из земли, – важно. И что бы это ни было, это до чертиков испугало меня.

Голос явился снова, на этот раз слабее. Угасая, умирая.

«Я пришла, чтобы сделать тебе предложение».

Она растворилась в пепле на моих руках.

Я вырываюсь из воспоминания резким рывком, который напугал ворона. Он взлетает в шквале перьев, пролетая слишком близко от меня. Я отступаю так быстро, что одна из остроконечных ветвей дерева режет мою ладонь. Шипение от боли срывается с моих губ, когда я смотрю на текущую кровь, которая начинает змеиться по кончикам пальцев. Прежде, чем я могу остановить себя, прежде, чем понимаю, что делаю – сила вздымается по моим венам. Она мчится прямо к моему запястью, где кровь стекает по ладони. Энергия настойчива, требовательна. Она парит в воздухе, как будто ожидая приказ, все, что я пожелаю. Я могу сделать это реальностью.

«Я ничего не хочу. Просто что-нибудь знакомое. Воспоминание».

Я потрясённо смотрю, как ветка, которая меня порезала, деформируется в металл такой же острый, как заостренный край кинжала. Это настораживает. Я помню его форму глубоко в пустом пространстве моих воспоминаний. Когда я пытаюсь составить изображение, металл распространяется по дереву, его конечности превращаются в тысячу вращающихся мечей. Кошмарный образ, всплывший из мыслей о том месте, который я никогда, НИКОГДА, не хотела бы вспоминать. Где монстры с пилообразными зубами скрывались в тени темного леса.

«Верните то, что было. Сожгите его снова. Пожалуйста».

Черные выжженные ветви заменяют металл, но моя сила не останавливается на достигнутом. Она вспыхивает в потрясающих, ярко-синих огнях, которые лижут воздух и поглощают искривлённые, мертвые деревья вокруг меня.

Задыхаясь, я закрываю глаза, страх сковывает желудок.

«Мне следует уйти отсюда. Я должна уйти, пока не сделаю хуже. Я должна...»

Оглушительный звук заполняет тишину. Я открываю глаза прямо в тот момент, когда все деревья валятся на землю, подбрасывая тлеющие угли в небо, которые затухают один за другим, как тысячи умирающих звезд.

Теперь то, что осталось – это отлично вырезанный путь через остатки скрученных ветвей.

«Втяни её. Втяни её сейчас же»

Сила, причиняя мне боль, обосновывается в груди, ее тяжесть оставляет меня раздвоенной, задышающейся. Как будто она растягивает кости, сворачивается в пространство, которое ей не подходит – оно не было создано для нее.

Словно она изначально никогда мне не принадлежала.

Я снова слышу этот голос, который звучит, как у старухи в ее последние драгоценные моменты перед смертью: наполненный усталым, грустным осознанием смертности.

«Ты моя единственная кровь».

«Вспоминай», – говорю я себе. Я отчаянно рыщу по своей памяти, но воспоминания там слишком тонкие, хрупкие.

– Не могу, – я едва могу произнести эти слова.

«Я не могу, я не могу, я не могу».

«Старайся лучше».

Я начинаю идти по дорожке из сгоревших деревьев, прорываясь сквозь череду мимолетных воспоминаний. Они исчезают, как если бы они были песчинками, падающими сквозь кончики пальцев. «Сосредоточься». Я пытаюсь перенаправить свои мысли на что-то простое. Как я здесь оказалась. Где я.

Мое имя.

«Мое имя». Я не знаю своего имени.

Меня охватывает паника. Это невозможно. Кто забывает свое чертово имя?

Чувствуется, что оно должно вспомниться легко. Оно прямо здесь, в пределах моей досягаемости: буквы, звук, то, как мои губы образуют слоги. Но когда я напрягаю память, оно не хочет появляться.

Страх заставляет меня идти быстрее. Мои босые ноги двигаются по покрытой пеплом почве со скоростью, от которой горят ступни, но я слишком расстроена, чтобы об этом заботиться. Впереди, у кромки леса, проблеск солнечного света выглядывает сквозь облака и отражается на поверхности озера.

Я останавливаюсь ненадолго, когда образ этого озера затрепетал у меня в голове, быстро, как крылья птицы. Я летела – нет, я скакала на лошади так быстро, что казалось, будто лечу. Я гналась за темноволосым мужчиной и женщиной, которые тоже были верхом на лошади. Мы направлялись на битву, чтобы защитить людей, которые мне не безразличны. Но где они? Кто они?

«Может быть, мое отражение поможет вспомнить?»

Я срываюсь на бег, прорываясь сквозь ряды мертвых деревьев, игнорируя острую боль, когда ветки режут мои ноги. Прорываюсь через лес и спускаюсь по каменистому пляжу, направляясь к остаткам пристани. Дерево выглядит достаточно прочным, чтобы пройти по нему.

Моё имя у меня на губах; я пытаюсь как-то сформировать звуки. Оно из нескольких долгих слогов, но есть еще одно, сокращенное. Один слог, четкое и прямое обращение.

Оно приходит с воспоминанием о человеке, который отправился со мной на битву. Боже, у меня болит в груди при мысли о нем. Он шептал это сокращенное имя, словно любил то, как оно звучит. Как будто он рассказывал мне секрет. Словно, это означало «я люблю тебя» и «я хочу тебя». Словно, это было обещанием на его губах, заявлением. Клятва.

Мои ноги достигают пристани, которая застонет под моим весом. Я делаю последние шаги осторожно, чтобы доски не провалились. Затем ложусь на живот, выглядываю через край и смотрю в неподвижную воду.

«Это не мои глаза».

Это первое, что я замечаю. Они должны быть другими – карими,

наверное. Сочетание коричневого и насыщенного, темно-зеленого. Сейчас они цвета светло-янтарного чистого меда. Цвет богатый, яркий и тревожащий.

«Это не мои глаза. Они не могут быть моими».

Я изучаю черты лица, чтобы понять, что еще выделяется. Мое лицо смотрит на меня, и оно выглядит знакомым. Под тонким слоем грязи и сажки рыжие веснушки рассыпались по переносице, скулам и верхушкам плеч, где платье оставило их голыми. Мои кудрявые медные волосы опускаются к воде, и один локон едва касается поверхности. Я узнаю свое лицо точно так же, как узнала бы свое имя, если бы его слышала.

Остальная часть меня обычная, нормальная. Человеческие черты на человеческом лице. Мое внимание возвращается к глазам. Не мои. Не человеческие. Холодок проносится сквозь меня, когда я вижу блеск под радужной оболочкой, как тень, пересекающая воду.

Вынуждено тянусь к своему отражению. В тот момент, когда я дотрагиваюсь до воды, она пробуждает внутри меня силу. Боже, это больно. Боль утихает только тогда, когда я снова освобождаю ее из тюрьмы в моей груди.

Лед образовывается вокруг кончиков пальцев – но он не останавливается на этом. Лёд быстро распространяется по поверхности воды, расширяясь завитками инея. Гладкая, ровная поверхность так же прозрачна, как и зеркало. Это так прекрасно, что я не могу не восхищаться ею.

Пока я не понимаю, что лед не останавливается. Я пытаюсь вернуть его обратно, но уже слишком поздно. Я не могу. Сейчас мои силы не хотят быть запертыми, они не хотят, чтобы их сдерживали или останавливали. Лед продолжает распространяться по озеру, достигая скал вдоль дальнего берега.

«Остановись. Остановись».

Вдали раздаётся грохот, и я настораживаюсь. Солнечный свет, светивший на серебряные воды озера, исчезает за темными грозowymi облаками, которых не было минуты назад. Неожиданный ледяной ветер пронизывает меня сквозь тонкую ткань моего платья.

– Прекрати это, – говорю я своей силе приглушённым шепотом, изо всех сил пытаюсь затащить ее обратно в слишком маленькое пространство в груди. – Стой, стой, стой.

Моя сила возвращается так быстро и болезненно, что я вскрикиваю. Я поднимаюсь на ноги, пульс ускоряется. Озеро и пляж покрыты толстым слоем льда.

Что я только что сделала? Сила, как и мои глаза – она не ощущается правильной. Она не моя. Как такое может быть? Я не могу ее контролировать.

«Согласиться. Ты должна согласиться сейчас».

Скелетообразная рука обернулась вокруг моей в жесткой, оставляющей синяки, хватке. Увядающее тело обнимает меня и внезапно возникает мучительная, жгучая боль.

Я помню, как я откинула голову и закричала, кричала и кричала.

Поражаясь воспоминанию, я спешу уйти с этой проклятой пристани, прежде чем смогу сделать что-то похуже, чем заморозить воду и создать шторм.

«Что за чертовщина? Что я такое?»

Мои мысли шепчут мне слово. Ужасающее предположение, от которого я с тревогой замираю: «фейри».

Нет, я не фейри. Я смотрю на ноги, опухшие и изрезанные от ходьбы по лесу. Фейри не кровоточат так легко. Осознание этого немного успокаивает. Память приходит быстро: я сжимаю пальцы, впиваясь ногтями в ладони, чтобы вспомнить, что такое боль.

Боль, которая говорит, что я все еще человек. Я – все еще я. Кровоточат – это то, что делают смертные.

Я все еще смертна.

Резкий топот лошадиных копыт вырывает меня из размышлений. Ритм – слабый, устойчивый, отрывистый. Это не просто звук – я чувствую его в камнях, также, как моя сила взаимодействовала с водой. Он доносится из живого леса в дальнем конце озера. Три лошади. Каждая с всадником и...

Сила. Она ощущается так же, как воздух в дождливые дни. Тяжесть, сопровождаемая диким, земляным ароматом, похожим на цветочный. Что-то внутри меня с уверенностью даёт знать, что эти всадники – мои враги. Их сила становится ближе, скользя по земле как завитки, как темнота, как тени, брошенные деревьями.

Они ищут кого-то.

Я бросаю взгляд на руки, всё еще холодные от воды. Всадники, должно быть, ищут источник силы. Того, кто сжег лес дотла. Того, кто заморозил поверхность озера.

Меня. Они ищут меня.

Глава 2

Я срываюсь на бег. Мои босые ноги шлепают по ровным камням и поднимаются по берегу, пока не достигают рыхлой, обугленной земли мертвого леса. Из меня тянется сила, прорываясь к ветвям, сгибая их, образуя изогнутую дорожку, по которой могу двигаться дальше. Я бегу по пляжу к возвышающимся деревьям, туда, где лес остался нетронутым моими разрушительными способностями.

Всадники приближаются. Как будто чувствуют, что я поблизости, ритм лошадиных копыт становится быстрее, громче. Он соответствует ударам моего сердца, реву моего дыхания.

Живой лес полон высоких сосен, идеальное место чтобы спрятаться или атаковать. Деревья выросли настолько густо, что за линией чащи практически ничего не видно. Навес пышных, дрожащих листьев жадно поглощает солнечный свет, прежде чем тот касается земли, оставляя стволы окутанными непроницаемыми тенями. Когда я приближаюсь, ветви трещат и стонут, воздух становится холодней.

Я бегу, укрытая тьмой, и ощущаю необъяснимое волнение. Это успокаивает – я знакома с этим, создавать засады – это моя вторая натура. Я делала это раньше. Много, много раз.

Когда достигаю ряда деревьев, палки и камни в почве ощущаются острее на моих босых ногах. Ускоряюсь и перепрыгиваю последние несколько футов в чащу, ощущение, будто я ныряю в холодный ручей. Без света, который достигал бы земли, даже воздух становится холодным и суровым для моей кожи.

Я нахожу темное пространство между соснами и жду, когда придут фейри.

Лошади встают прямо за мной у входа в лес. Один из всадников

фейри выпускает свою силу мягким, изучающим рывком, когда они спешиваются и направляются вдоль деревьев. Её завиток задевает волосы у моей шеи, а следом в глубине моего разума раздаётся голос: «Нашел тебя».

Надеюсь, он услышит мой безмолвный вызов: «Тогда подойди и возьми»

Я передвигаюсь к дереву и крепко прижимаю спину к стволу, замедлив дыхание. Моя сила уходит в вены, и я подавляю ее, игнорируя то, насколько это больно. Она пульсирует в груди, и никак не может освоиться и утихнуть, потому что пространство, в котором она содержится, слишком мало и ограничено. Она стремится к свободе.

Еще не время. Скоро.

В этой густой чаще с моей сдерживающей силой, они не могут увидеть и почувствовать, где я. Я невидима. Улыбаюсь нарастающему волнению в моей груди. Близко. Они теперь так близко, что я могу почувствовать их.

Заглядываю за дерево, чтобы увидеть всадников. Их кожа сияет даже в тенистой роще. Хотя их лица не вызывают никаких воспоминаний, моя сила чувствует их и легко идентифицирует. Daoine sìth – самые сильные фейри в Благом и Неблагом королевствах, способные управлять элементами. Они специализируются на вхождении в разум людей и способны манипулировать ими одной мыслью.

Эти – Неблагие. Я уверена в этом. Даже когда они ищут меня, их голод за человеческой энергией ненасытен, требующий рев в глубине их разума. Моя сила может это почувствовать.

– Сюда, – говорит один из них. Из моего укрытия я могу увидеть

кроваво-красный цвет его волос, наклон его сильной челюсти. – След заканчивается здесь.

– Это королева? – произносит другой.

– Мне так не кажется, – тихо говорит первый. – Но она могла послать кого-то убить за нее.

Королева. Воспоминание зашевелилось внутри меня, но оно исчезает, как только фейри приблизился к моему дереву. Они двигаются по лесу, как призраки, каждый шаг контролируется таким образом, что ни один звук их не выдаёт.

Но они не знают, что я всего в нескольких футах от них. Судя по тому, как осторожно держатся и ищут взглядом на расстоянии. Они не чувствуют меня, прижатую к дереву, словно я его часть.

Оглядываюсь в поисках оружия, останавливая взгляд на листве у моих ног. Я думаю о том, что произошло на озере, как моя кровь смешалась с силой, чтобы превратить дерево в металл. Я могу сделать свой собственный меч.

Мои губы изгибаются в улыбке, когда я выдергиваю ветку из земли, чтобы разрезать кожу на руке. Сдерживаю дрожь во время пореза. Моя сила течет по запястью тонким импульсом, которого солдаты фейри не замечают. Предвкушение битвы держит меня сосредоточенной, полной решимости. Бесстрашной. Нет времени на страх.

Тонкая линия расплавленного металла образуется вокруг ветви, изгибается и уплощается, образуя тонкую грань. Затем она удлиняется, достаточно остро, чтобы легко прорваться сквозь кожу. Лезвие прекрасно, идеально подходит для меня, с его внутренним, огненным свечением. Предмет силы, сделанный из моей крови, созданный, чтобы убивать фейри.

Я двигаюсь с мечом в руке, скользя по земле вперёд быстрыми, тихими шагами. Мне не нужно помнить свое прошлое, чтобы знать, что я делала это раньше много раз. Мое тело помнит это за меня. То, как мои колени подгибаются, чтобы движения стали быстрее. Как на носочках я касаюсь почвы и переносу свой вес. Как затаиваю дыхание, чтобы выдохнуть так же тихо, как и воздух вокруг нас.

Так что фейри в самом конце их трио даже не догадался, что я здесь, пока не обернула руку вокруг него, пока не прижала ладонь к его губам и не скользнула клинком по его горлу.

Он умирает прежде, чем издать какой-либо звук.

Его энергия наполняет меня. Моя кровь воспекает в ответ гимн смерти, который только я и могу слышать. Остальные два фейри останавливаются, будто почувствовав что-то, но не поворачиваются.

Они уверены, что он позади, готовый защищать и охранять их спины.

Это их ошибка.

Первый указывает движением двух пальцев двигаться вперед. Превосходно.

Я осторожно кладу тело фейри на землю и огибаю дерево, прижимаясь к нему спиной, в то время как приближаюсь ко второму.

Я была не права в том, что охотилась так раньше. Это эффективно, жестоко и знакомо, но это другое. Моя сила гудит. Она заглушает мои шаги. Она заставляет мои суставы двигаться так же плавно, как вода, которая течет по камням. Есть в этом необузданность, которую, я уверена, никогда не чувствовала, словно

я знаю весь лес и знаю каждое движение, которое должен сделать мой враг.

Я скольжу позади него, как тень. Одной ладонью закрываю его рот, как делала это с другим. Радостный дикий шепот в его ухо пугает часть меня из той жизни, которую я забыла: «Попался».

Моя рука змеится вокруг фейри, словно обнимает его, а затем я погружаю острый край лезвия сквозь его ребра прямиком в сердце. Его приглушенный крик упирается в мою ладонь. Я вскидываю голову, чтобы посмотреть, заметил ли последний фейри.

Наши глаза встречаются.

Он с ужасом смотрит, как я вытаскиваю меч из его спутника и бросаю тело на землю. Кровь капает с моего клинка, кап, кап, кап, ударяется в грязь.

В ту же секунду, когда энергия второго мёртвого фейри наполняет меня, я улыбаюсь. В это мгновение я знаю, что выгляжу как смерть.

Его выражение лица меняется на узнавание. Он произносит лишь одно слово:

– Ты.

Мгновение назад это могло бы заставить меня остановиться. Этого было бы достаточно, чтобы прорваться сквозь туман моего замешательства. Но я слишком далеко зашла. Моя сила, наконец, затихает и удовлетворяется, напевая слова, рыком пульсирующим в ушах: «Закончи это, закончи это, закончи это». В конце концов, он не бежит.

Это его вторая ошибка.

Мои пальцы хватают рукоятку меча. Я резко дергаю запястьем, и лезвие рассекает воздух. Оно ударяет фейри в шею. Его ноги поджимаются под ним, как у подстреленного оленя на охоте.

«Мы все олени»

Кто мне это сказал? Я вздрагиваю от внезапной приступа уязвимости, который приносят эти слова.

«Останови это»

Ничего нет важнее, кроме ощущения его силы, проходящей по моим венам. Теперь моей. Он должен был умереть. Иначе он бы убил меня.

Поджав губу, я шагаю и вырываю лезвие из него.

Моя голова поднимается, когда я чувствую другой источник силы. Этот менее существенен; он не имеет ни такого большого веса, ни того же глубокого, ненасытного голода. Этот больше похож на солнечные лучики, которые пробиваются сквозь дымку моей собственной силы и призывают к чему-то уязвимому во мне.

Чему-то человеческому. От этой мысли хочется плакать от радости.

Я поворачиваюсь, лезвие висит в моем захвате. Вот оно: небольшое свечение в деревьях. Ореол света, который аккуратно поместился бы в моей ладони. Он шепчет имя, звук не громче дыхания. Словно это причиняет ему боль.

– Айлиэн...

Глава 3

Айлиэн. Это имя – бремя, что-то болезненное, острое и колючее. Шесть букв и три слога, которые царапают, царапают и царапают что-то внутри меня, отрывая это, как кожу, чтобы увидеть кровь под ней.

Айлиэн.

Моя память об этом фейри настолько сильна, что я практически ощущаю его крошечные стрекозы крылья, шелестящие под кончиками пальцев, мягкие и гладкие, как шелк. Его мелодичный смех звонкий, как колокольчик.

Айлиэн.

Нет. Нет, я не хочу этого. Что бы ни связывало с этим именем, каким бы тяжелым бременем это ни было, это слишком для меня, слишком угнетает. Это тяжелый груз, больше, чем любой человек может вынести.

– Айлиэн, – снова восклицает фейри в восторге. – Я почувствовал вспышку силы, и она ощущалась, как ты и ...– он делает паузу и слегка наклоняет голову. – Твои глаза выглядят иначе. Как ты смогла ...

Затем он подлетает ко мне, его движения настолько быстры, что я вырываюсь из своих воспоминаний. Возвращаюсь к успокоившимся инстинктам, боевой готовности. Это единственное, что я знаю. Это единственное, что чувствуется правильным с тех пор, как я прорвала свой путь наружу из грязи и открыла глаза, чтобы обнаружить себя одной посреди леса.

«Я тебя не знаю. Я не знаю этого имени. Тебя там не было. Никого не было»

– Стой! – мой клинок разрезает воздух между нами, кончик останавливается на коротком расстоянии от крошечного лица пикси.
– Остановись! – говорю на этот раз тише. – Не подходи ко мне.

Он поднимает руки, но глаза сужены.

– Убери это. Да что с тобой?

«Ничего. Все. Я не помню»

Он пытается облететь вокруг клинка, но я снова помещаю его между нами.

– Я же сказала, не приближайся ко мне, – я занимаю боевую позицию. – Не заставляй меня причинять тебе боль.

По какой-то непонятной причине я чувствую себя виноватой, говоря это.

– Ты спятила? – пикси бросает краткий взгляд на мою фейри-жертву, и он выглядит раздраженным. – Что ты собираешься делать, заколоть меня? – когда я не отвечаю, он фыркает. – Ради бога. Я видел, как ты умерла. По крайней мере, позволь мне сесть на твоё плечо и заплести твои волосы, прежде чем угрожать мне.

«Сесть на моё плечо? Заплести мои волосы? Что?»

Затем сказанные им ранее слова доходят до меня: «Я видел, как

ты умерла».

Внезапная призрачная боль пронзает мою грудь – прямо над сердцем. Она ощущается настолько реально, что я прижимаю к этому месту руку, практически ожидая обнаружить лезвие, торчащее из моих ребер. Вместо этого нащупываю только сморщенную кожу свежего длинного и тонкого рубца.

Я смотрю вниз и провожу пальцем по метке, оценивая форму и глубину раны, пытаюсь понять, что могло стать ее причиной. Три меньших отметки образуют вокруг неё полукруг – дизайн внутренней части рукоятки меча, ударившего достаточно сильно, чтобы оставить там такой отпечаток.

С достаточной силой, чтобы прорваться сквозь кожу, кость и сердце. Смертельный удар.

– Я умерла? – я едва сдерживаю свой ужас. Вот почему я была в земле?

«Тогда что вернуло меня?»

Снова шепот в глубине моего сознания, такой же тихий, как шелест перьев: «Согласиться. Ты должна согласиться сейчас»

Нетерпеливое фырканье пикси прерывает мои мысли.

– Да. Теперь мы можем перейти к той части, где ты согласишься меня в чертовы объятия?!

Я почти улыбаюсь, но потом другой голос всплывает у меня в голове, быстро, словно удар сердца. Слова молодой женщины, наполненные горем: «Я не могу исцелить это». Я моргаю, чтобы

прогнать жалящие слёзы.

– Как долго я была мертва?

Пикси упирает руки в бока так, словно он сопротивляется желанию прикоснуться ко мне.

– Два месяца и девятнадцать дней. Я считал.

«Два месяца и девятнадцать дней». И я не могу вспомнить ничего из этого времени, ничего из жизни до этого.

Я снова роюсь в своем разуме, но все, за что я могу ухватиться – это отпечатки, пережитки истинной радости и горя. Преследования монстров. Интимные прикосновения и обещания шепотом всю ночь. Ничего из того, что могло бы сказать мне кто я, или как я оказалась в лесу, окруженная милями мертвых деревьев и ничего не помнящая.

Опускаю свой клинок и провожу пальцами вниз по моим обнаженным, покрытым кровью и грязью предплечьям. Словно я могу найти там ответы. Как будто все должно внезапно стать таким ясным.

Ничего.

Под грязью – гладкая, безупречная кожа. И, тем не менее... это кажется неправильным. Мне удастся вспомнить только фрагменты, но мои пальцы вспоминают ощущение неровной кожи, испорченной отметками в виде полумесяцев. Очертание зубов. Десятки и десятки укусов, которые говорят о потере и одиночестве.

– Я не помню, – шепчу я.

– Тебе следовало бы уточнить, – говорит пикси. Он упёр руки в бока. – Ты помнишь, как умерла?

– Нет.

– Откуда взялись эти странные глаза?

– Нет.

– А откуда у тебя появилась сила, способная сравнять целый лес?

Я издаю небольшой смешок, неожиданно для себя.

– И снова нет. Слушай...

– Ты помнишь меня, верно? – вспыхивает пикси. Когда я качаю головой, его лицо каменеет. – Но... Я Деррик. Я жил в твоём шкафу. Ты мой друг – он отчаянно машет руками. – Я создавал твои платья!

Я опускаю хмурый взгляд на своё платье.

– Ты сшил это?

Теперь Деррик выглядит оскорбленным.

– Нет, этого я не делал. Оно ужасно. Я шил для тебя с лентами и воланами, и ты выглядела так, словно была на верхушке роскошного торта.

Пока я просто смотрю на него, моргая, он пользуется моментом моей неуверенности, чтобы подлететь ко мне. Потом, прежде чем я

успеваю запротестовать, Деррик зарывается в моих волосах.

Я почти отталкиваю его. Открываю рот, чтобы сказать ему: «Перестань трогать меня», потому что я начинаю чувствовать. Слишком многое. Убивать легко, это инстинкты. Для этого не нужно думать, вспоминать или сожалеть о моем пустом разуме. Это не имя, которое больше похоже на бремя.

Затем руки пикси скользят по моим волосам прямо за ухом, его щека слегка прижимается к моей, и я не могу ничего сказать. Каждого прикосновения достаточно, чтобы прорваться сквозь мои жестокие порывы заговорить с той частью меня, которую я забыла. Что-то во мне знает, что он делает это, чтобы убедиться, что я действительно здесь. В живых.

«— Как долго я была мертва?

— Два месяца и девятнадцать дней. Я считал»

Один вдох, другой, будто он вдыхает мой аромат. Деррик хмурится.

— Ты пахнешь иначе.

Его крылья ощущаются на моей коже настолько знакомо, что я закрываю глаза. Мое тело расслабляется. Все мои боевые инстинкты и ревушая сила утихают из-за непосредственного успокоения, которое вызвали его аромат и прикосновения, ощущение дома. Ничего не могу поделать, тянусь, чтобы погладить его крылья. Я дома. Я дома. Он мой дом.

— Как я пахну?

– Собой и не собой одновременно, – Деррик нюхает и хмурится.
– Мне это не нравится. Это слишком сильно напоминает мне... – Он поджимает губы, ореол вокруг него мерцает алым цветом.

– Скажи... – говорю я мягко. Он выглядит расстроенным, и что-то говорит мне, что расстроенный пикси – это нехорошо. Но я должна знать. – Ты не можешь начать говорить такое и не закончить.

– Прекрасно, – отрезает пикси. – Ты пахнешь, как он.

Мне вдруг становится больно глотать, и я не знаю, почему.

– Он?

Крылья Деррика спокойно развеваются, он сжимает челюсти.

– Ты многое пропустила. Давай отложим этот разговор. Я только что вернул тебя, – он осматривает меня, останавливая свой взгляд на смеси сажи и грязи на моем лице. Внезапно его мерцание потускнело, он выглядит пораженным. – О Боже. Пожалуйста, не говори мне, что ты все время блуждала ...

– Нет, – быстро ответила я. Затем, более спокойно продолжила – Я вылезла из-под земли и не могла вспомнить, как я туда попала, – и не было никого, кто мог бы напомнить мне. – Ты же не бросил меня?

Шокированные глаза Деррика встречаются с моими.

– Конечно, я не ... – затем он понимает, что я только что сказала.
– Ты вылезла из ...? Кровавый ад. Кровавый ад. Неудивительно, что ты навела на меня клинок. Никого больше здесь не было, за исключением этих проклятых Неблагих.

Теперь он прощупывает мои виски своими крошечными пальцами, проверяя на наличие травм.

– Ты ранена? Ударилась головой, когда вернулась? – спрашивает Деррик. – У вас, людей, очень хрупкие головы. Твой мозг ведь не вытечет из твоих ушей?

Я вздрагиваю, когда он касается мелкого пореза вдоль моих волос, где ветка, должно быть, зацепила меня, когда я бежала.

–Хм. Я так не думаю.

– Хорошо. Можешь ли ты сосчитать до пяти? – он машет рукой перед моим лицом. – Сколько пальцев я показываю?

Я отхожу.

– Прекрати это. Я не идиотка, и у меня нет зрительных нарушений.

– Ну, откуда мне знать? – спрашивает он, цокнув языком. После очередной минуты осмотра он говорит: – Хорошей новостью является то, что у тебя нет серьезных травм, и голова не разбита. Поздравляю.

– А плохая новость?

– Ты вылезла из-под земли, ничего не помнишь, и ты стоишь тут, уставившись на меня, как ничего не понимающая овца. Кроме того, ты воняешь. Самую малость.

Я смотрю на него.

– Есть какие-нибудь полезные наблюдения? Теории о том, почему я ничего не могу вспомнить?

Деррик откидывается назад, постукивая пальцем по губам.

– Я никогда не слышал, чтобы кто-то возвращался после того, как был мёртвым так долго, как ты. Тем более о тех, у кого осталось бы тело, чтобы вернуться. Вероятно, это и твой хрупкий человеческий мозг виноваты в потере памяти, – он щелкает пальцами.
– Я знаю кое-кого, кто может тебе помочь.

– Кого?

– Эйтинне, конечно, – когда я просто смотрю на него, он вздыхает. – Королева Благих. Болтает правда так, будто слишком пьяна большую часть времени, но она безвредна, если только не хочет тебя убить. Но сначала главное, – он движется к телам у наших ног, словно я должна знать, что с ними делать. – Нам нужно избавиться от них. Быстро. Мы провели здесь намного больше времени, чем должны были.

Деррик ныряет на землю и начинает рыть с помощью комбинации рук и небольших всплесков силы. Он перемещает тяжелую грязь и камни с удивительной скоростью и эффективностью для такого маленького существа, сваливая все в кучу недалеко. В мгновение ока отверстие вырастает на несколько футов в глубину и ширину, а пикси просто продолжает работать.

Когда он замечает, как я пялюсь, он нетерпеливо говорит:

– Ну? Не стой просто так. Ты их убила, и ты поможешь их закопать.

Я качаю головой и хватаю одного из мертвых фейри, ворча, пока тяну его по земле. Со всеми доспехами фейри тяжелее, чем выглядит.

– Есть ли причина, по которой мы их прячем? Почему мы не можем оставить их?

– Потому что, мой забывчивый друг, в отличие от остальных sìthichean, daoine sìth не разлагаются. Мы находимся посреди напряженного соглашения между Королевой Благих и Королем Неблагих, и как только он обнаружит тела своих мертвых солдат, все обречено превратиться в ужас очень и очень быстро.

Деррик говорит это спокойно, но есть какое-то беспокойство в его словах. Неотложность.

– Король может предположить, что Эйтинне объявила войну. Похоронив его разведчиков, мы выигрываем достаточно времени, чтобы предупредить ее.

Я только что вернулась из мертвых, и уже начала войну между двумя монархами. Блестяще.

– Я не хотела ...

– Нечего извиняться, – коротко говорит он. – Один из них должен убить другого, и они откладывают это в надежде на то, что представится другой выход. Но его нет. Это неизбежно.

Неудивительно, что другие фейри говорили о территориях и о Королеве, которая посылает кого-то убить за нее; мы должно быть на земле Короля. Это грызет меня на задворках памяти, что-то важное, что я не могу вспомнить.

Это связано с монархами. Король. Я не помню его имени, но эмоции, которые я испытываю, когда думаю о нем, сильны. Он был мне не безразличен. Достаточно сильно, чтобы слова Деррика наполнили меня страхом.

«Спроси что-нибудь еще».

– Должны?

– У них нет выбора, – говорит он.

– Тогда мне нужно поговорить с королем, – нужно, чтобы он знал, что я жива. – Я скажу ему, что это была я. Это не должно быть неизбежным, – я знаю, что не должно. Должно быть что-то ещё...

– Нет, – говорит Деррик.

– Деррик...

– Это ничего не изменит, – резко отвечает он. – У нас мало времени. – Земля гремит, его сила отбрасывает грязь с такой силой, что та попадает в соседнее дерево. – Мы должны принять то, что один из них умрет, а она – лучше, добрее в роли монарха. Она должна быть той, кому нужно выжить.

Во время перетаскивания третьего тела в яму я замираю от его слов: «Она должна быть той, кому нужно выжить. У нас мало времени»

Он видит мое выражение и замедляется.

– Черт, – бормочет он. – Прости. Я не должен был этого говорить.

Я не отвечаю. Размытые воспоминания поднимаются на поверхность. Они ударяют в меня изображениями и словами, ни одно из них не четко, кроме неотложности, которая бросает меня в дрожь. Отчаянное чувство, что еще не слишком поздно, что мы можем спасти их обоих. Но когда я пытаюсь прояснить каким образом, боль так сильно ударяет мне в виски, что в глазах начинают сверкать звезды. Я прикусываю язык, чтобы не закричать.

– Время на исходе? – спрашиваю хриплым голосом. Я качаю головой от разочарования. Какой смысл было возвращаться, если я ничего не могу вспомнить?

– Увидишь. Земля разрушилась прямо за лесом, – Деррик снова продолжает быстро копать, только на этот раз его движения более обеспокоенные. Теперь глубина ямы не менее шести футов, но фейри могут почувствовать запах их мертвых тел пройдя мимо. Он продолжает рыть. – Наш мир разваливается, потому что они отказываются убивать друг друга. Если один из них не умрет, умрём все мы.

«Наш мир»

Ну, вот опять; голос в моих воспоминаниях шепчет что-то про проклятия и силу. Когда я давлю на воспоминание сильней, моя голова снова начинает раскалываться. Вздрагиваю и прижимаю кончики пальцев к своим вискам.

Когда смотрю на Деррика, он отводит взгляд. Но я не я, если не настою. Я хочу знать, кто такой этот Король Неблагих. Почему мои чувства так сильны.

– Если ты считаешь, что он должен умереть, – тихо говорю я, – разве мне не стоит поговорить с ним прежде, чем все закончится?

Губы Деррика сжимаются в тончайшую линию.

– Тебя не было здесь, чтобы видеть, что он сделал, – спокойно говорит он. – Он зашёл слишком далеко, ему может быть плевать на тебя.

Я бледнею от этих слов, сморгнув слёзы, которые внезапно скопились у меня на глазах. Я не знаю, что ответить; нет ничего в моих воспоминаниях, чтобы настаивать на том, что Деррик ошибается. Только то, что я чувствую. И я не знаю, могу ли доверять этому.

Поэтому скидываю трупы в яму и помогаю Деррику засыпать их землей.

Глава 4

Деррик подгоняет меня через лес, требуя бежать быстрее. Если я замедляюсь, он подталкивает меня идти быстрее.

– Чем дальше мы уйдём от этих тел до наступления темноты, тем лучше, – говорит он. – Мне нужно предупредить людей.

Я почти спотыкаюсь о корень дерева. Мне так тяжело дышать, что сначала я просто ничего не могу сказать. Наконец, я собираюсь с силами.

– Может, полетишь вперёд?

Губы Деррика сжимаются в тонкую линию.

– Нет.

– Но...

– Я не оставлю тебя,— его крылья взволнованно трепещут. — Не тогда, когда я наполовину убежден в том, что ты являешься либо результатом какой-то безумной фантазии или моего сверх-активного воображения. И я только что получил назад свое место на твоём плече. А теперь шевели своей задницей.

Я ускоряю свой темп, бегу, пока мои мышцы не начинают гореть. Ни один из нас так и не заговорил даже спустя несколько часов, когда мы нашли заброшенную хижину глубоко в лесу. Деррик решил, что мы достаточно далеко от мертвого леса, чтобы остаться тут переночевать.

И это весьма своевременно, потому что я вот-вот свалюсь с ног.

Соломенная крыша достаточно прочная, чтобы не пропускать большую часть дождя. Воздух внутри затхлый. Единственное отверстие в углу каменной кладки пропускает дождь достаточно для того, чтобы вода и мох распространились по стенам.

У меня болят ноги. Я осторожно опускаю больное тело на холодный каменный пол и сижу, пока Деррик роется в сундуке в дальнем конце комнаты. Одежда, которые он находит внутри, грязные и съедены молью, старая шерсть просеяна дырками. С довольным вздохом он вытаскивает иглу и нитку из кармана своего пальто и начинает сшивать ткань.

– Деррик,—я проверяю вес его имени на своем языке, надеясь воспользоваться им, чтобы вызвать воспоминания. Чувство домашнего уюта возвращается, комфорт, но никаких воспоминаний. Нет картинок из моей прежней жизни.

– Айлиэн,—я пробую собственное имя, направляясь к мрачным уголкам моего разума. Я должна знать, почему вернулась. Как

вернулась. Я шепчу свое имя снова и снова, пока оно не становится дыханием на моих губах. Пока что это не больше, чем звук. Чувство огромного бремени снова возрастает, и я стараюсь выдержать его. Я позволяю шторму сформироваться и посмотреть, куда он меня приведет, но за его пределами все так же ничего нет.

Ох, я в тупике. Сдаюсь.

– У меня было ещё одно имя, – говорю я, раздраженная моей неспособностью вспомнить даже самые простые вещи, – так ведь? Оно было короче. Один слог.

Деррик замолкает, и его пальцы внезапно останавливаются. Он избегает моего взгляда.

– Да, было, – он протыкает иглу через материал и закусывает губу. Он усердно размышляет, это очевидно.

Я сужаю глаза.

– Может, я и не помню о тебе, но я знаю этот взгляд. Ты не хочешь быть честным со мной.

– Прекрасно, – он пожимает плечами. – Если ты хочешь честности, я предпочитаю Айлиэн. Оно отличительно, сходит с языка в приятном...

– Скажи мне, или я не позволю тебе садиться на моё плечо.

– Кэм, – наконец, вздохнув, произносит Деррик. – Он называл тебя Кэм, сокращение твоей фамилии, Кэмерон. Вот так. Теперь ты счастлива?

Кэм. Вот оно. Я вспоминаю, как оно звучало между дикими поцелуями, как будто он никогда не устанет произносить его. Кэм. Мне нравится это имя. Я чувствую его шёпот у пульса на моём горле. Оно значило всё. Оно говорит обо всём.

Но вместе с этими воспоминаниями приходит напоминание о срочном послании, из-за которого я вернулась, чтобы передать его. Оно связано с ним. Вот почему я здесь.

– Деррик, – говорю я мягко. Теперь он осторожно смотрит на меня. – Он Король Неблагих?

Он молчит в течение долгого времени.

– Да.

– Я его любила?

– Больше всего на свете.

Становится больно глотать.

– Он любил меня?

Дождь бьет по крыше. Ветер гремит деревянной дверью. Когда Деррик заговорил, его голос такой тихий, что я напрягаюсь, чтобы расслышать его.

– Он так сильно любил тебя, что, когда ты умерла, он мог бы умереть вместе с тобой.

* * * * *

На следующее утро мы продолжаем наш путь по лесу в таком же изнурительном темпе. Лес становится таким темным, что я едва ли могу видеть землю перед собой. За далекими вершинами деревьев виднеются гранитные облака, тяжёлые от дождя, достаточно темные, чтобы казаться окрашенными чернилами.

Я с неким недоумением замечаю, что небо – не единственная часть монохромного пейзажа. Чем дальше мы идём, тем больше кажется, что лес полностью лишён красок, как будто я иду по картинке, нарисованной углём. Минимальные следы зеленого цвета среди деревьев выцвели, словно покрыты слоем мелкой пыли. Листья все увяли, ветви хрупкие.

Весь лес умирает.

Когда я провожу кончиками пальцев по стволам деревьев, их жизненная сила слегка дрожит под моим прикосновением – медленный, увядающий ритм. Будто пульс живого существа в его последние дни, когда он пытается сделать свои последние вдохи. Как голос в моих воспоминаниях.

«Прими предложение, дитя».

Этой маленькой вспышки достаточно, чтобы мое сердце болезненно забилося в груди. У неё был голос разрушения. То, что я все еще могу ощутить интуитивно – поглаживание холодных кончиков пальцев по спине.

Единственное, что помогает уменьшить моё беспокойство, это то, что Деррик рассказывает мне о моем прошлом. О том, как я росла в Эдинбурге, будучи дочерью маркиза. О том, как мы с ним познакомились после смерти моей матери. Он рассказывает мне о ночах, которые я проводила, убивая фэйри, пока они не освободились

из заточения под городом и напали на Шотландию. И уничтожили каждую деревню и поселок, а затем продолжили разрушение в других местах. Все это происходило, пока я была схвачена и заключена в тюрьме в их мире.

Деррик говорит и говорит, но в его отражении моей жизни не хватает деталей, связанных с Королем Неблагих. Кем он был, как мы с ним познакомились, как я его полюбила. То, что он делал после моей смерти. Каждый раз, когда о нём практически заводится речь, Деррик меняет тему.

Поэтому я больше не упоминаю о нем. Довольный Деррик сидит на моем плече и рассказывает истории о наших злоключениях. Кажется, он удивлен тем, что моя предыдущая жизнь подытожена в основном смертью, разрушением и убийством – в таком порядке. Какое жалкое существование.

– Значит, ты говоришь, что я уже была мертвой раньше, а потом снова умерла? – спрашиваю я, не веря. – Это что-то, что я часто делаю? Умираю и возвращаюсь?

Теперь я не уверена, хочу ли вернуть свои воспоминания. Неудивительно, что я все их заблокировала. Возможно, мое бремя стало слишком тяжёлым, и я решила попрощаться и, чёрт, скатертью дорожка, Айлиэн Кэмерон. Она была девочкой, которая жила ради мести, ослепившей её. Когда она это поняла, было слишком поздно что-то менять.

Только это была не другая девушка. Это была я, у меня была возможность спасти мир, и я потерпела неудачу.

Возможно, мне захотелось начать все заново.

Руки Деррика снова в моих волосах, плетут, плетут, всегда плетут. Он сказал, что сделает только одну прядь, но теперь в моих

кудрях затерялось пятнадцать косичек. Позже, когда я их расплету, мои волосы будут выглядеть как птичье гнездо, я в этом уверена.

Интересно, это потому, что Деррик наслаждается этим занятием, или он прикасается ко мне, чтобы напоминать себе, что я не плод его воображения. Или он намеренно пытается сделать мои волосы смешными. Надеюсь на первое.

– Ты знаешь, что у кошки девять жизней? – спрашивает он.

Я вздыхаю, когда чувствую, что он начинает плести следующую прядь.

– Нет.

– Ну, у них их девять, и у тебя ... что ж, я не знаю, сколько на данный момент. Не менее двенадцати. Определенно, больше, чем у любого другого человека, которого я когда-либо встречал, – его руки двигаются ловко, пока он плетет. – Так что, я продолжал искать тебя, потому что думал, что, может быть, как кошка, ты однажды появишься и начнёшь ставить условия.

Я наступаю на ствол срубленного дерева, когда мы пересекаем лесную долину.

– Ты думал, что я просто появлюсь? Даже после того, как вы сожгли мое тело и закопали прах?

После того, как он рассказал мне об обрядах погребения фейри, то, каким образом я вернулась, начало обретать смысл. Неудивительно, что мне показалось, что мое горло забито пеплом, мое тело было покрыто сажей, и мне пришлось прорываться из земли. Мое тело было сожжено на костре. Мой прах был помещен в землю. Моя смерть была окончательной.

Мое возвращение после всего этого, должно быть, потребовало большой силы. Мне пришлось восстанавливать кости, мышцы, кровь, сердце и разум. Все.

Деррик замолчал.

– Айе,—я знаю, что он хочет сказать больше, но вместо этого он прочищает горло и быстро добавляет: – В конце концов, ты мой друг. Я всегда ощущаю тебя, даже если ты не чувствуешь то же самое, даже если ты пахнешь смертью и страданиями.

Мои ноги бесшумно ступают по земле сквозь деревья, движения легкие, темп быстрый. Возможно, я не знаю, куда он ведет меня, и, возможно, не хочу вспоминать неприятные части моего прошлого, но что-то в моих воспоминаниях требует, чтобы я поспешила. Мне нужно вернуть свои воспоминания до...

До чего?

Этот дрожащий, старый голос снова шепчет мне на ухо, но я не могу разобрать слова.

На втором моём разочарованном вздохе Деррик кладет подбородок на свои руки и говорит:

– Так ты собираешься поделиться со мной тем, что происходит в твоих глупых мыслях, или мы будем играть в угадайку? Это включает в себя чье-то убийство?

– Нет, – у меня болит голова. – Неужели тебе не хотелось бы знать, что вернуло меня назад? Почему я здесь?

– Конечно, хотелось бы, – говорит он тоном, который звучит как «я не чёртов идиот!» – Твоя память в дерьмовом состоянии. У тебя странный запах, странные глаза, шрамы исчезли, что странно, твоя кожа ...

– Странная? – предположила я.

– Лихорадочно жаркая, – он издаёт раздраженный звук. – Это не нормально. Разве люди не умирают, если они становятся слишком горячими?

Когда я открываю рот, чтобы ответить, он меня подталкивает.

– Неважно. И перестань задавать остальные вопросы, потому что, как только ты получишь на них ответы, это все испортит. Я просто знаю это.

– Хорошо. Тогда скажи мне, почему ты искал меня, когда знал, что я мертва?

Деррик вздрагивает и отводит взгляд. Я не собиралась задевать что-то настолько болезненное. А похоже, что так и есть... его крылья опускаются, и он, наконец, прекращает заплетать мои взъерошенные волосы.

Через несколько минут, наконец, говорит:

– Я загадывал желания о тебе. Я потратил два с половиной месяца, желая увидеть тебя в последний раз.

– Перед чем?

– Я еще не знаю.

Я почти говорю ему, что я не та Айлиэн, которую он заслуживал, не та, которую он пожелал. Он уповал на свою подругу, а вместо этого он получил меня – не совсем человеческое существо, чей разум пуст. Может быть, когда мертвые возвращаются, они всегда неправильные. Другие. Возможно, это не то, что Эйтинне может исправить.

– Я не знаю, верю ли я в исполнение желаний, – бормочу я про себя. – Это как верить в надежду. Они заставляют нас хотеть того, чего мы не можем иметь. Желания – опасные вещи.

– Возможно, тебе стоит поверить, – он звучит едва ли не оборонительно. – Желания имеют силу. Мы верим в то, что, если мы любим кого-то и очень сильно хотим их, они вернутся к нам. Теперь ты здесь. Я достаточно любил тебя, мы все. Думаю, и он тоже.

Он. Его. Словно, когда Деррик не произносит его имени, Неблагодой Король становится тем, кем он был, тем, кого я любила. Я знаю о силе, содержащейся в именах, лучше кого бы то ни было. Вчера я была девушкой без личности, которая поднялась из пепла мертвого леса.

Девушкой, единственными воспоминаниями которой были движения ее тела во время убийств.

Теперь у меня есть имя. И с этим приходит надежда на то, что я не изменилась, что я всё та же Айлиэн, убитая ударом меча в грудь, когда она пыталась спасти мир. Деррик полагает, что меня можно исправить... и, у меня нет сердца, чтобы предположить, что, возможно, нельзя исправить то, что уже мертво.

Точно так же, как, возможно, я не могу спасти Неблагого Короля. Возможно, Деррик прав, и частички того мужчины, которого я любила, умерли вместе со мной, и они тоже не могут быть

исправлены.

Другие воспоминания со всех сил дёргаются в темных углах моего разума; настойчивые, требовательные. Я ничего не могу поделать, просто следую за ними. В моих воспоминаниях, я стою рядом с окутанной тенями фигурой в таком же лесу. Этот губительный голос снова отдаётся эхом в моих мыслях, на этот раз резче. Сердитый. Отчаянный. «Ты ничего не сможешь сделать. Один из них должен умереть»

Что-то в этих воспоминаниях важно. Жизненно важно. Когда я пытаюсь проследовать за ними снова, они проскальзывают сквозь мои пальцы.

– Черт возьми, – я выдыхаю. – Деррик.

Какое-то мерцание замедляет мой темп. Как и раньше, когда меня нашел другой фейри: я чувствую вкус силы.

Проклятье. Это то, о чем и говорил Деррик. Что они будут искать. Только я не думала, что найдут нас так далеко и так быстро. Они, должно быть, следовали по нашим следам; мы ни разу не выходили из леса. Они еще не нашли другие тела? Я могу только надеяться, что нет.

Они могут быть тихими, но я чувствую, как они движутся по лесу. Давление их ног на землю. Ритм их дыхания. Они близко.

Я бормочу проклятие и снова произношу имя Деррика.

– Что? – он сильно хлопает крыльями по моей щеке. – Послушай, не заканчивай это предложение, если речь пойдет о том, что привело тебя обратно. Я просто знаю, что это сделает меня несчастным.

Я игнорирую его и проскальзываю за дерево. Ткань моего рваного платья цепляется за кору, и раздаётся звук словно ногти, царапающие дерево. Я съеживаюсь.

– Что ты делаешь? – спрашивает Деррик.

Я прикладываю палец к губам и движениями рук показываю, что мы не одни. Он все ещё неподвижен, с настороженным выражением. Он слушает.

Глаза Деррика расширяются. Он тоже их чувствует.

– Солдаты. Десятки солдат, – выдыхает он мне в ухо.

Глава 5

– Если они здесь из-за того, что нашли тела, нам нужно поторопиться и предупредить Эйтиннэ, что они идут, – говорит Деррик.

– Мы сможем добраться до наступления темноты?

– Если мы будем быстры. Тсс... – Деррик прижимает руку к моей шее, давая команду замереть.

Другие фейри практически возле нас. Передвигаются вдоль деревьев, прочёсывая округу в быстром, эффективном порядке. Они одеты в чёрное, их кожа в слабом освещении сияет молочно-белым. Они так часто останавливаются, будто чувствуют, что что-то не так. Их сила змеится по деревьям, в поисках не только меня, но и их собратьев. Тех, кого я убила.

– Мы всё ещё на территории короля? – спрашиваю тихим шепотом. Краем глаза я замечаю, как Деррик кивает. – Они ещё не

нашли их. Но я чувствую, что они ищут.

Фейри всё ещё в нескольких футах от нас. Я прижимаю руку ко рту, чтобы приглушить свое дыхание.

Деррик шепчет мне на ухо, он говорит так тихо, что я напрягаюсь, чтобы услышать его.

– Мы спрячемся. Без убийств. Король узнает, если так много солдат не вернутся, – он оглядывается за моё плечо. – Двигайся до другого дерева. Сейчас. Иди, иди.

Я не спорю. Облокотившись на ствол, я расслабляюсь. Под моими ногами хрустнула ветка. Деррик снова прижимает руку к моей коже. «Подожди. Стой».

Фейри не двигаются. Когда я выглядываю из-за дерева, замечаю, что они готовы к атаке, внимательно слушают и выжидают врага. Они так неподвижны, будто совершенно не дышат.

Я выпускаю свою силу в воздух – не более чем для поиска, – и чувствую, что они взаимосвязаны. Паутина силы объединяет каждого солдата в единое целое. Она удерживает тьму их голода человеческой энергией закрытой, это бремя, разделяемое группой.

Неблагие. Как и другие фейри.

Я могла бы попытаться отправить их в другое место. Я прочесываю их умы своей силой, небольшое внушение, толчок: «Может быть, вам стоит пойти в другую сторону».

Словно понимая, что я делаю, Деррик резко поворачивается ко мне. Я поглаживаю пальцем его крылья, чтобы успокоить, но он

быстро качает головой, ногти впиваются мне в шею. Я ничего не могу поделать с этим испуганным дурачком, из-за которого я теряю контроль над своими силами.

Маленький толчок, который я собиралась дать фейри превращается в огромный. Буквально заявляя: «я здесь».

О, черт возьми.

Волна осознания проходит через группу. Их силы прочесывают воздух, хватаются за меня и подталкивают их к его источнику.

Моя сила мстит. Она наполняет меня, боль в груди нарастает. Она требует: «выпусти, выпусти, выпусти». Я смутно понимаю, что Деррик пытается вернуть меня, нащёптывая на ухо моё имя. Его сила пытается обернуться вокруг моей.

Ошибка. Моя сила отталкивает его, и Деррик падает с моего плеча. Его крылья едва успевают забиться, чтобы спасти его от удара о землю.

– Айлиэн!

Его испуганного крика недостаточно, чтобы прорваться сквозь бьющую, неумолимую силу, которая ревет, чтобы выбраться. Я не могу это остановить. Я не могу это контролировать.

Я отпускаю ее.

Она окутывает меня в плащ тьмы, толстый и непроницаемый. Внезапно я успокаиваюсь, пульс бьется в устойчивом ритме. Мой разум возвращается к инстинктам охотника. Это очень просто. Моя сила уверяет меня, что я совершенна. Неприкосновенна. Без моих

воспоминаний – это единственное, что может помочь мне снова почувствовать себя полноценной.

Я отстраняюсь от дерева, игнорируя пикси, пытающегося ухватить меня за волосы. Он повторяет имя – мое имя, но я слишком далеко зашла. Я не помню этого имени. Не помню этой девушки. Я так легко отталкиваю его силой.

Затем быстро двигаюсь. От одного ствола к другому, будто невидимый хищник, преследующий свою добычу. Двигаюсь, словно я часть теней. Томно и легко, словно дым сквозь деревья.

Фейри даже не заметили, как я вихрем проношусь между ними. Пока я не шепчу им на ухо, считая мгновения до их смерти. «Сначала ты. Затем ты. А тебя я оставлю напоследок».

Неблагие переполошились, их дыхание учащается. Их страх – моя панацея.

До тех пор, пока другой поток энергии – энергии испуга – не заставляет меня остановиться. Деррик. Он боится меня. Болезненный, прогорклый вкус его силы заставляет меня потерять концентрацию. Я прижимаюсь спиной к дереву. Громко. Ближайший фейри поворачивается ко мне с мечом в руке.

И ударяет высоко, я едва успеваю вовремя отодвинуться. Он задевает моё плечо.

Это все, что мне нужно. Я откидываю голову с грубым, диким шипением. Мой клинок в руках еще до того, как он снова начинает двигаться. Я набрасываюсь, перехватывая его горло. Чувствую на себе взгляды других, в их поле зрения мой клинок, с которого стекает кровь, вокруг меня растут тени, тело лежит у моих ног.

Один из них кричит – резкий вопль, который отдаётся эхом через лес. Как один, они ныряют за мной.

Мой меч свистит в воздухе, ничего не видно кроме его неясных очертаний. Кожа разрывается под моим клинком; кровь брызжет на землю. Я быстрее, чем они могли бы надеяться. Я двигаюсь как танцор, в изящных кружениях, ударах и быстрых вспышках.

Я могущественна. Я безжалостна. Каждый убитый мною наполняет меня, дает мне больше энергии. Моя резня так же стремительна, как распространяющаяся тьма.

Что-то явилось мне, свет, который я замечаю краем глаза. Я хватаю его, прежде чем даже осознаю, что это маленькое тело в моей руке, мои пальцы сомкнуты вокруг крошечных костей и мягких, хрупких крыльев.

– Айлиэн!

Это голос Деррика. Крик Деррика. Я шокировано смотрю на него, поймав его пораженный взгляд, прежде чем он улетает на деревья.

Я затаиваю дыхание, осматривая свои убийства. Я сделала это. Деррик видел, как я это сделала. Он видел, как я потеряла контроль.

«Почему я ничего не чувствую?»

Нет ни гордости, ни радости от выполненного – и что-то говорит мне, что когда-то я чувствовала подобное в битве. Впоследствии, я сражалась только по необходимости, ради выживания. Убить или быть убитым. В любом случае, я чувствовала что-то.

Я смотрю на дюжину мертвых фейри в лесу, и осознаю: я сделала это не из необходимости. Я могла бы их отпустить. Я могла бы убежать, и они не схватили бы меня. Если бы я просто обезоружила их, никто из них не смог бы победить меня. Я убила их всех, потому что могла.

Я могла бы убить Деррика.

Грубый звук вырывается из горла Деррика. Он оседает на ветке соседнего дерева и осматривает изогнутый кончик своего крыла. Затем поворачивается и смотрит на меня сквозь сверкающий занавес слез. Он ничего не говорит, но я снова чувствую его страх. Этот его неприятный вкус, желчь, застрявшая в горле.

Я это сделала. Я повредила его крыло. «Я это сделала».

– Ты ранила меня, – говорит он, его голос дрожит от гнева, нет, тут что-то другое. Что-то вроде предательства. – Ты причинила мне боль.

По его голосу я понимаю, что никогда раньше не причиняла ему боли. Ни разу.

Это все, что нужно было, чтобы обуздать мою силу. Чтобы вернуть её обратно в слишком маленькое пространство в костях и позволить ей осесть во мне с болью, которую заслуживаю. И когда я это сделала, внезапно слышу мысли Деррика. Я слышу их так ясно, как будто он произносит эти слова вслух.

«Всего за минуту она убила дюжину фейри.

Она монстр, одетый в кожу девушки.

Она вернулась неправильной».

Такой он видит меня?

Не задумываясь, я врываюсь в разум Деррика. Его мысли похожи на призму, какофонию цветов и образов. Сначала они размыты, мне трудно что-то понять. Мой разум не должен работать таким образом; даже сейчас он всё ещё слишком человечен, слишком прост.

Каждая мысль многослойна, не по одной за раз. Это сложное смешение наблюдений и обрывков золотых и красных образов и картинок. У его звуков есть вкус. Его вкус имеют текстуру. Его цвета вызывают чувства и желания.

Цвет, которым он обозначил меня, то есть старую Айлиэн – янтарь; текстура и вкус похожи на мед. Его самое любимое в этом мире, помимо меня. Девушка с дикими медными волосами и улыбкой, такой же хитрой, как и его собственная. Девушка, отважностью которой он восхищался. Девушка, с которой он настолько сильно сблизился, что она стала его семьей, когда все остальные умерли.

Я затмила Айлиэн и стала чем-то меньшим, чем просто человек. Потому что это то, кем я действительно являюсь: существо. Не человек и не фейри – девочка, где-то между «мощная» и «грозная». Опасная. Та, которая могла бы легко причинить ему боль.

Я прикусываю готовый вырваться вздох ужаса, когда вижу себя глазами Деррика. Он видит своего друга – девушку, которую искал последние два месяца, желая, чтобы она вернулась из мертвых. А вот она я, прямо перед ним: истекающая кровью, с лицом покрытым кровью. Мои глаза свирепые, яркие и бесчеловечные; уродливые глаза. Такие странные, как и у любого фейри. Тени собираются вокруг меня, как плащ, пелена.

И за всеми изображениями, цветами и текстурами одна мысль Деррика была ясной, она звенела, как колокол: «Она не моя Айлиэн».

Эта мысль поднимает боль в моей груди. Не его Айлиэн. Не его друг. Я всего лишь монстр, который не помнит, откуда он взялся или кто он.

«Мне все равно, как она выглядит», – его мысль продолжают.
– «Она не моя Айлиэн.»

– Прочь. Из. Моей. Головы. – произносит Деррик сквозь стиснутые зубы.

Я не сразу понимаю, что сковала его движения, пока читала мысли. Я использовала свои силы против него без особых усилий, не думая о нём вообще. Сначала я причинила ему боль, потом ворвалась в его разум.

Он прав: «ты монстр». Я закрываю глаза и отстраняюсь.

В тот момент, когда моя сила покидает его, дыхание Деррика становится прерывистым, как будто он пытается сориентироваться. Его губы дрожат. Он поглаживает тонкую линию своего левого крыла. Оно слегка расправляется, исцеляясь.

Я почти сказала «извини». Но проглатываю свои извинения, потому что не заслуживаю его прощения. Я читала его мысли без его разрешения. Я могла убить его.

И задаюсь вопросом, волновалась ли я о нём в разгар битвы.

– Я отличаюсь от девушки, которой когда-то была, – говорю я,

пытаясь не выдать дрожь в голосе. «Она контролировала себя. Она не причиняла тебе вреда. Она любила тебя».

Без воспоминаний ощущения дома недостаточно. Без них я ничего не узнаю, ничего не достигну. У меня нет частичек, которые хотя бы напомнили мне о том, что потеряла, что преодолела, кто я и кем была.

Снова появляются извинения на моих губах. «Мне жаль. Мне жаль, что я такое создание теней, которое не помнит девушку, что ты любил и потерял. Мне жаль, что ты желал ее, а вместо этого получил меня»

Страх Деррика превращается в гнев. Его сила столь же острая, как лезвия на моем языке.

– Как ты смеешь? – огрызается он. – Я мог бы простить тебя за причинённую мне боль, я знаю, как легко потерять себя в битве. Но как ты смеешь так просто нападать на мой разум? Ты даже не пыталась остановить себя.

– Я знаю, – мои слова едва слышны, но он все равно их расслышал. – Прости. Мне ...

– Не надо, – выкрикивает он. – Ты не знаешь, и тебе не жаль. Откуда же тебе знать-то? – он отчитывает меня, яростно и обвинительно. – Друг, которого я знал, о котором думал день за днем, месяцами. Если бы ты была им, ты никогда бы не сделала этого. Не после того, что сделал с тобой Лоннрах.

«После того, что сделал с тобой Лоннрах».

Зубы кусают меня снова и снова. Они впивались настолько глубоко, что кровь стекает по моей коже и капает на пол. Кап, кап,

кап. Тридцать шесть человеческих зубов. Сорок шесть клыков, которые торчали из десен, с заострёнными концами, как у змеи.

Они оставили сотни шрамов, которые усеивали мои руки, плечи, грудь и шею. Они были заявлением: «Ты моя. Я владею тобой».

Но когда я пытаюсь нащупать эти шрамы, их там нет. Они на том, другом теле, которое сгорело на костре у озера. Тот, кто вернул меня, оставил мне один единственный шрам, который имел значение: то, как я была убита.

Те другие шрамы содержали в себе воспоминания. В них содержались части той, старой Айлиэн, и теперь всё, что от неё осталось – это вспышки в моем сознании, кусочки головоломки, которые я не могу собрать воедино.

Я не могу остановиться, я снова говорю Деррику:

– Извини.

– Прекрати говорить это, – скалится он. Его крылья взволнованно гудят, быстро, как у стрекозы. Он проводит рукой по волосам. – Боже, я все еще чувствую тебя в своей голове, – когда я не отвечаю, продолжает: – Ты опустошена внутри. Как будто ты просто «что-то», а не ее ...

– У меня нет воспоминаний, – срываюсь я. – Ты думаешь, мой разум пуст? Попробуй пожить с этим.

Мы оба, тяжело дыша, глядим друг на друга, как два незнакомца. Свет Деррика потускнел до тенистого ореола вокруг него. Он выглядит пораженным, как будто он только что понял, как только что назвал меня.

Ты просто «что-то».

– Я не понимаю, что делаю, – говорю я ему, мой голос почти ломается. – Я не знаю, кто я и к чему принадлежу; я просто знаю, что, когда очнулась, внутри меня была эта сила, которую я не могу контролировать. Единственное, что мне казалось правильным, это убить их, – жестом указываю на тела у моих ног. – Когда ты позвал меня по имени, часть меня не хотела ничего вспоминать. Это слишком больно.

– Айлиэн ...

– Подожди, – я сдерживаю слезы. Не хочу, чтобы он видел, как я плачу. – Знаю, что я не та. Я ранила тебя и ворвалась в твои мысли. Ты желал кого-то другого и получил меня, а я ошибка. Но, как только я увидела тебя, почувствовала ощущение дома. Мне не нужны были воспоминания о тебе, чтобы понять, что я тебе доверяю, что мне нужна твоя помощь.

Когда Деррик не отвечает, я шепчу:

– Пожалуйста. Помоги мне.

Он тяжело смотрит на меня, безмолвный. У меня возникает желание прижать его к себе, погладить пальцами его крылья, как будто это поможет его успокоить. Потому что я не могу повторять ему снова и снова, я – это она. Единственное различие в том, что я вернулась сломанной.

Ты просто «что-то».

– Прости, – говорю я. Еще раз. Чёртово эхо.

«Прости, прости, прости. Прости, я разочарование. Прости, я ошибка. Прости, я безжалостная убийца. Прости, что я «что-то». Не человек».

Я смотрю вниз на тела, засоряющие лесную землю, и чувствую внезапное чувство беспомощности, бремя, более подавляющее, чем мое имя.

Я затаиваю дыхание, когда слышу трепетание крыльев Деррика. Он приземляется на мое плечо, его прикосновения нежны.

– Я не подумал о том, каково это для тебя, – на моё удивленное выражение лица он отвечает: – Я желал тебя, и ты вернулась, и я неблагодарный ублюдок, который не мог смириться с тем, что ты не осталась той же самой. Как ты вообще могла ею быть? Почему ты должна была ею быть? Просто потому, что я этого хотел?

– Это не оправдывает того, что я сделала.

– Нет, – соглашается Деррик. – Но после того, через что ты прошла ... – Он качает головой.

Я, наконец, позволяю слезе упасть.

– Ты необыкновенный. Я понимаю, почему никогда раньше не пыталась тебя убить.

Деррик ухмыляется.

– О, прошу. Как будто ты когда-нибудь смогла бы, – он замечает мои слезы и вздохи, и бормочет: – Ты должна знать, никогда не мог на тебя сердиться, когда ты плачешь.

Его крыло гладит мою щеку, но он держится на дистанции. Он не сердится на меня, но все, что он видел, напугало его. Когда я пытаюсь уловить его взгляд, он отворачивается.

– Помоги мне похоронить их. Если мы поторопимся, то доберемся до лагеря Эйтиннэ до наступления темноты.

Мы начинаем копать.

Глава 6

Когда мы покидаем лес, Деррик ведет меня вдоль расщелины, которая тянется на многие километры.

Глубоко внизу волны разбиваются о скалы, накатывая на крутой откос. Каждая волна прибывает с мягким вздохом измельчённого камня – равномерное дыхание океана. Я не осмеливаюсь подходить слишком близко к неустойчивому краю. Через каждые несколько минут я наблюдаю, как огромные куски скал обрываются и падают в пропасть. Земля постепенно разрушается.

Зрелище нервирует. Я видела это где-то раньше, в пропавших кусках своих воспоминаний. Но это было не здесь. Это было в том месте, которое я вспомнила на озере, где был лес, полный демонов и металлических деревьев с ветвями, острыми, как лезвие.

Когда мне хочется расспросить Деррика об этом, он отлетает, и я спешу за ним. Мне следует смотреть вперёд, но мое внимание обращается к пейзажу. К тусклому цвету неба и деревьев – пейзаж ещё более четкий, чем в лесу.

Небо – это единая, бесконечная плита серого сланца. Ни структура облаков, не пропускающая и лучика света, ни их тяжесть, не служат признаком дождя. Напротив, деревья выгравированы в глубоких черных тонах, будто были выжжены огнем. Под серым,

пепельным ландшафтом видны лишь самые мелкие остатки цвета. Даже холмы, которые должны быть, по крайней мере, темно-коричневыми в это время года – тёмного оттенка пыли.

Деррик облетает вокруг нескольких валунов у особо скалистой части оврага, и я следую за ним, взбираясь по грубому граниту.

– Где мы? – наконец спрашиваю я, устав от молчания.

Деррик не говорил с тех пор как мы вышли из леса. Он думает, я не вижу, но я ловлю его изучающий взгляд. Как будто он размышляет о том, что видел, когда мой разум вторгся в его. Может быть, он задается вопросом, возможно ли когда-нибудь меня исправить.

Я не могу не заметить чувство вины в его чертах, когда он отводит взгляд в сторону, словно внезапно осознал, насколько он тих. Возможно, он простил меня за то, что сделала с ним в лесу, но я чувствую, как он напряжен, как будто ожидает, что я снова потеряю контроль.

– На Скайе, – говорит он машинально. – Мы все еще на острове Скай. Мы никуда не уходили.

– Все еще? – спрашиваю я беспечно, чтобы не расстраивать его.

Во время нашего похода я стараюсь не вести себя как в лесу. Сдерживаю свои силы так крепко, что это уже больно. Мне не хочется, чтобы Деррик снова видел это чудовище.

Я хочу, чтобы он видел меня человеком, как и раньше. Его Айлиэн. Его другом.

– Ты умерла на острове, – говорит он. – Мы могли бы

отправиться куда-нибудь еще, но я не вижу смысла, раз все разваливается.

Он одаривает меня улыбкой, которая не затрагивает его глаз.

– Есть какие-нибудь планы перед тем, как это случится? Ты могла бы напиться со мной до беспамятства. Мы могли бы петь неприличные песни, одеться, как пираты, и танцевать на внутренностях наших врагов.

Я морщусь нос.

– Это что-то, что мне нравится?

– Пока нет. Но только потому, что ты никогда этого не пробовала. Уверяю тебя, это настоятельно рекомендуется.

– Кем?

– Мною, – фыркнул он. – Честно говоря, Айлиэн, каждый должен хотя бы раз в жизни нарядиться пьяным пиратом. Гораздо веселее убивать в костюме.

Я не могу не улыбнуться, когда он называет меня по имени. Это первый раз, когда он произносит его с тех пор, как мы вышли из леса, этот звук оборачивается вокруг меня, как теплое одеяло. За последние несколько часов я начала вспоминать ощущения и чувства, связанные с этим именем. Смесь воспоминаний, которые включают в себя крохотное тельце Деррика, свернувшееся на моей шее, руки, запутанные в моих волосах, потому что он заснул, заплетая их.

– Тогда я попробую, – говорю я, приближаясь к краю расщелины. – Мы оденемся пиратами, будем танцевать, и ты будешь

петь мне песни. И, может быть, мы проткнём несколько врагов саблей.

Он подлетает к моему плечу, когда я приближаюсь к выступу, осторожно, чтобы не посыпались камни.

– С тобой все в порядке?

Я качаю головой. Моя память снова шевелится, изображения того кошмарного места, которые так омрачены страхом, что я не могу видеть его. Я пытаюсь вызвать другие мысли, ударив большим камнем о выступ скалы. Он спадает по откосу и улетает в море далеко внизу.

Вот оно. Голос человека где-то в тени моего прошлого. "Земля была целая, а теперь она треснула прямо посередине. Все разваливается".

Я была на платформе, плывущей по воздуху над огромной пропастью, как лист на речном ручье. Она бесконечно дрейфовала по незнакомому пейзажу, еще более бесцветному, чем этот. Там было полно зданий, стоящих на площадках из зубчатых скал, висящих в пустом пространстве.

Память вернулась с чувством беспомощности, от которого в животе болит. Название всплывает на поверхность моей памяти.

– Это похоже на Sìthbhrùth, – говорю я себе.

Деррик резко поворачивается.

– Что заставило тебя сказать это?

Я не знаю. Когда я ищу в своих воспоминаниях что-то, связанное с Sìthbhrùth, единственное, что появляется – подавляющее чувство отчаяния, печали и безысходности. Какая бы ни была причина моего пребывания там, это было не по моей собственной воле. Я была в ловушке.

– Думаю, там было так же, – я смотрю на бесцветный пейзаж. – Это место ведь не всегда выглядело так, как сейчас?

– Нет. Это началось вскоре после ... – Деррик кусает губу, и я знаю, что он собирался сказать. После того, как я умерла. Он продолжает, будто вовсе и не останавливался. – Сначала это был просто цвет. Пока однажды земля не начала разваливаться по всему острову и материку. Я полагаю, что это только вопрос времени, прежде чем все не обрушится в море.

Я смотрю на откос, на море внизу.

– Что потом?

Смех Деррика короткий, ожесточённый.

– Что тогда? Конец света, если Эйтинне не убьёт Ки... Короля. Если она этого не сделает, то я надеюсь, что мой конец будет быстрым и безболезненным. К тому моменту, надеюсь, мы рухнем на землю в наших пиратских костюмах.

Конец света. Сообщение, о котором мне напоминает тот тёмный дрожащий голос. Вспоминай, говорю себе. Вспоминай. Ты должна вспомнить.

«– Прими предложение, дитя.

– А если нет?»

Костлявые руки крепко сжимают меня. Боль в агонии, как будто каждая кость в моем теле снова соединяется, заново формируются мышцы и сухожилия. Голос женщины полон мучений.

«Наши реальности будут уничтожены».

– Она умерла, – шепчу я, наконец поняв, что это означает. – Женщина в моих воспоминаниях. Её смерть вызвала всё это. Я не знаю, как объяснить, кто она, кроме того, что она была кем-то важным. Той, кто имела власть над обоими мирами.

– В этом нет смысла, – говорит Деррик. – Ты путаешься, да? Это как-то связано с твоим повреждённым умом? – Затем он торопливо протягивает руку. – Неважно. Не отвечай на это. Я все время забываю, что ты ...

– Деррик, – мой голос взволнованный. На его вопросительный взгляд я отвечаю: – Думаю, она рассказала мне, как спасти миры.

Глава 7

Лагерь Эйтинне находится посреди леса, где деревья настолько лишены цвета, что они практически черные.

Зажженные факела образуют огромный круг среди деревьев, высоко мерцает пламя. За светом находятся три каменных домика. Здания построены поспешно и беспорядочно, стены сложены из наиболее крупных камней вперемешку с мелкими, с неровными соломенными крышами. Жилища стоят дугой вокруг огромного кострища, который разгорелся достаточно высоко, чтобы окутать лагерь мягким, золотым свечением. И хотя солнце ещё не село, остальная часть леса настолько темна, что с тем же успехом это могла

быть и ночь.

У костра, приглушенно разговаривая, сидят три человека. Одна из них – девушка со светлыми волосами, её изящные черты лица освещаются светом. Она сидит рядом с мускулистым мужчиной, на его глазу повязка. Он наклоняется ближе и шепчет что-то ей на ухо. Она смеется, толкая другого мужчину локтем.

Он так похож на нее. Моими усиленными чувствами фейри, я могу разглядеть его лицо даже отсюда: тот же цвет волос, те же голубые глаза. Я могу увидеть шрамы, обрамляющие одну сторону вокруг глаза. Когда он смеется, смех его тихий, более сдержанный.

Что-то в этой сцене заставляет меня сглотнуть обратно подступивший к горлу комок, мне хочется извиниться за что-то, но я не уверена за что именно.

Прямо в тот момент, когда я уже готова сделать шаг вперед, выйдя на свет, Деррик появляется впереди меня с поднятыми вверх руками.

– Не сейчас. Нет, пока мы не посмотрим, что сможем сделать с твоими пропавшими воспоминаниями, – выражение его лица решительное, строгое. – Оставайся здесь, пока я не приведу Эйтинне.

Деррик пролетает, активно размахивая крыльями, мимо людей у костра. Он игнорирует их удивленные приветствия и направляется в один из домов. Он залетает за ветхую деревянную дверь, и она с хлопком закрывается.

Из тени леса я наблюдаю за троицей у огня с тоской, которая почти болезненна. Я знаю их. Я более, чем уверена.

«Я достаточно люблю тебя. Все мы»

Я, может быть, и Айлиэн, что вернулась из мертвых, но я не их

Айлиэн. У меня нет воспоминаний о том, как каждый из этих людей любили меня. Я не помню, как сильно я любила их в ответ.

Несмотря на это, я не могу игнорировать порыв сказать им, что я здесь. Что я жива.

Чувство настолько сильное, что заставляет передвинуть ноги, чтобы пойти вперед, когда я вижу фейри— Благую Королеву, должно быть — распахнувшую дверь домика, через которую только что влетел Деррик. Он следует за Эйтинне, когда она проходит мимо огня.

Один из людей спрашивает все ли в порядке. Эйтинне отвечает ему быстрым, отвлечённым кивком и спешит через деревья за Дерриком. Я стою, замерев под тёмным прикрытием веток, пока она не замечает меня.

Её глаза встречаются с моими, и в горле у неё зарождается звук.

—Trobhadseo,— произносит она. Прежде чем я успеваю сделать или сказать что-либо, ее руки обхватывают меня в крепчайшем объятии. Потом она бормочет что-то на другом языке, на том, который я слышала раньше, но не понимала. —Chaneilmituigsinn, aguschaneil e gudiofar. Ты вернулась! Ты жива!

Сила Эйтинне зовет мою, обернувшись вокруг меня, такая же тёплая, как физические объятия. Она подобна старому пальто, которое я носила тысячу раз. Я использовала эту силу прежде, в жизни, которую не помню. Я знаю, что так было.

Эйтинне отодвигается назад и ухмыляется, оценивая моё состояние.

— О, Боги, только посмотри на себя! — говорит она с легкостью. —

Выглядишь замечательно для того, кто только что вернулся из мертвых. Все твои конечности именно там, где должны быть.

Деррик порхает рядом с нами, цокая языком.

– Она не помнит тебя, глупышка. Можешь исправить её или нет?

Эйтинне наклоняет голову набок, не переставая улыбаться.

– Возможно. Знаешь, я никогда раньше не исправляла чей-то разум,— чётко произносит она. Затем наклоняется вперёд, будто делится секретом. – Надеюсь, я не взорву твою голову. Она довольно красивой формы.

–Айе,— сухо отвечаю я. – Особенно, учитывая, что она нужна мне.

– Исправь её аромат,— просит Деррик, —она пахнет не так, как раньше, и мне это не нравится. Моё место на плече уже не такое приятное,и это делает меня несчастным.

– Ну, её запах, может, и изменился, но недостаток воспоминаний не изменяет ее хмурый вид. Например, такой великолепный убийственный взгляд, который у тебя теперь,— говорит мне.— Обожаю его. Научишь меня?

– Ради Бога, Эйтинне,— произносит Деррик. – Признайся, ты залезла в мою заначку с медом и теперь совершенно одурманена, потому что она не...

– Можем мы сосредоточиться на первостепенных задачах? – спрашиваю я нетерпеливо. – Мне хотелось бы вернуть свои воспоминания.

Эйтинне продвигается ближе, её нос практически прикасается к моему. Её глаза – вихрь изысканного, яркого серебра. Внезапно она обнюхивает меня и морщит свой нос.

– Ты пахнешь, как моя мать.

Деррик останавливается прямо в процессе очередного пролета круга вокруг деревьев из-за нервозности.

– Твоя мать? Та, что Кайлих, сумасшедшая прежняя правительница, эта мать?

– Боюсь, что так, – Эйтинне стоит так близко, что мой первый инстинкт – сделать шаг назад и сохранить для себя некое подобие личного пространства. Так и было, пока она не сказала:– Для этого мне нужно войти в твой разум. Ты позволишь мне?

После ответной реакции Деррика на то, что я сделала с ним, я мешкаю. Я могу только надеяться, что это будет ощущаться по-другому, если ты даёшь разрешение на это. Не хочу снова терять контроль над своими силами. Но если это единственный способ обрести то, что я потеряла...

Я закрываю глаза и киваю.

Эйтинне кладет свои руки по обе стороны моей головы, и я чувствую, как во мне распространяется её сила. Касание поначалу такое легкое, такое нежное, как летний бриз. Затем меня колет сильными, быстрыми жалящими уколами.

Моя сила набрасывается на её, и Эйтинне вздрагивает.

– Вот это да,— её энергия снова направляется ко мне, более аккуратно в этот раз. Поглаживая, танцуя вокруг меня с прощупывающими касаниями.— Ну, это . . . не хорошо.

Что-то в том, как она это сказала, заставляет меня внутри сжаться от ужаса.

– Что такое?

Эйтинне качает головой.

– Впусти меня. Мне нужно увидеть.

Сначала моя сила сопротивляется. Она обороняется; ей не нравится, что кто-то ещё трогает или манипулирует ею. Эйтинне успокаивает ее так, как это, возможно, делают с диким животным: доказывая, что она не представляет угрозы. Она уговаривает её расслабиться нежными прикосновениями. Затем, спустя мгновение, все получается, и она проходит.

Вспышки воспоминаний появляются так быстро, что мне едва удается устоять на ногах. Мы на утесе во время заката, прикосновение холодных кончиков пальцев к моему позвоночнику. Скелетообразная женщина стоит рядом со мной, её тело дрожит от последних вдохов.

Женщина говорит о книге. Что за книга?

Я кричу, когда Эйтинне углубляется в мой разум, прорываясь через воспоминания, будто царапая мою кожу. Это больно. Больно. Больно.

Моя сила вспыхивает, жаркая и готовая взорваться — чёткое

послание пойти прочь. Я понимаю, что Эйтинне прилипла ко мне, её пальцы впились мне в плечи достаточно сильно, чтобы оставить синяки. Ей удалось достать воспоминание, которое нам нужно, то, которое я пыталась вспомнить все это время.

Leabhar Cuimhne. Книга Воспоминаний.

Моя сила бьет по ней. С удивленным возгласом Эйтинне отлетает в воздух. Она с силой врежется в ближайшее дерево, приземляясь кучкой на землю.

Деррик летит к ней, чтобы помочь.

– Что, чёрт побери, случилось? – спрашивает он меня.

Я не знаю.

Моя голова раскалывается. Вспышки воспоминаний мелькают у меня в голове— слишком быстро, чтобы ухватиться за них. Как будто Эйтинне распахнула дверь и не закрыла её за собой. Я подверглась нападению чувств, картинок, мыслей и слов— и их слишком много. Слишком много.

Я, бегущая по ночным улицам Эдинбурга. Я в зеркальной комнате, беспомощная, сдавшаяся на милость Лоннраха. Я, пронзенная в грудь, и мое зрение пропадает, поскольку я умираю, прямо в то время, чтобы увидеть...

Киарана.

Киаран. Так его зовут. Его. Неблагого Короля. Киаран.

«Он любил тебя так сильно, что когда ты умерла, он, вполне

возможно, умер с тобой»

Смутно, я слышу отдаленный шорох шагов.

–Эйтинне? – зовет знакомый голос. Затем: – Чёрт побери! Что случилось?

Блондинка у огня. Кэтрин, моя лучшая подруга. Я вспомнила. Вспомнила.

Кэтрин видит меня и замирает. Её голос полон не прикрытых эмоций, когда она наконец-то произносит.

–Айлиэн?

– Не подходи к ней близко, – Деррик появляется между нами, его ореол мерцает алым. – Пока Айлиэн не обуздает свои силы, она может ранить тебя. Так что не двигайся.

Моё сердце сжимается от его слов. «Она может ранить тебя» ...

Деррик никогда не говорил такого обо мне. Никогда. Я его друг. Наше прошлое проходит перед моими глазами, и каждый момент, подобно лезвию, впивающемуся немного глубже в мои внутренности. Даже в мои тёмные времена он доверял мне. Всегда. До этого момента.

Кэтрин выглядит неуверенно, пока её глаза не встречаются с моими. Выражение её лица смягчается.

– Ты в порядке?

– Ты что, пропустила ту часть, где она отшвырнула Эйтинне в дерево? – требует он ответа. – Хочешь, чтобы и тебя швырнули, как мешок с картошкой? – он вскидывает руки вверх. – Люди. Никогда не слушаете.

Я делаю шаг назад, хотелось бы мне знать, что сказать. Я практически говорю Деррику, что теперь все вспомнила. Как мы познакомились. День, когда он облюбовал мой шкаф. Он, я и наши злоключения. Но затем возвращаются воспоминания о Лоннрахе, и пытке, которую я пережила в его тюрьме. Лоннрах врывался в мой разум. Он читал мои мысли. Он крал мои воспоминания.

И я это делала. Я сделала это с Дерриком.

– Она просто застала меня врасплох,– говорит Эйтинне, прежде чем я успеваю заговорить. Ей удалось принять сидячее положение, выглядит она слегка дезориентированной. – Видишь? Я в превосходном состоянии.

У Эйтинне, наверное, самое безумное понятие «превосходно»; не думаю, что когда-либо видела фейри, пытающуюся трижды подняться на ноги и все же закончившей на своей заднице.

– Застала врасплох? – резкий взгляд Деррика оценивает ее. – Твой нос кровоточит. Тебя шатает, как пьяницу из таверны.

Эйтинне дотрагивается до своего носа и отводит испачканные кровью пальцы. Я невольно вздрагиваю от этого вида. Я сделала это, не собираясь этого делать. Я ранила Благую Королеву.

– Ох. Ну, это интересно,– произносит она. – В моей жизни было не так много случаев, когда я видела свою кровь.

Она совершенно не озабочена ни этим, ни своей неспособностью

встать.

– Ты абсолютно смехотворна,– говорит Деррик, трясая головой. Затем он смотрит на меня. – Теперь ты. Она....

– Я вспомнила,– говорю я тихо. Я сожалею о том, что сделала. Так сожалею. – Всё. – Деррик взвизгивает, ликуя, и уже готов перелететь на моё плечо, но я избегаю этого, приседая на корточки рядом с Эйтинне. Я не могу пока ещё смотреть ему в лицо. – Ты клянешься, что я не сделала тебе больно?

Эйтинне хватает меня за руку и подтягивает себя на ноги.

– В сражениях бывало и похуже.

– Кому-то придётся объяснить мне все это,– говорит Кэтрин. Затем она поднимает вверх руку, прежде чем кто-либо начинает говорить. – Но сначала... – она шагает вперёд и тянет меня в свои крепкие объятия. – Я так рада, что ты вернулась,–шепчет она.

– Я тоже,– бормочу я.

Деррик наконец-то теряет все терпение, и обрушивается на моё плечо, его ореол становится ярче чертова уличного фонаря.

– Кэтрин, ты уже получила свои объятия. Теперь уйди с дороги, моя очередь.

– Такой требовательный, –Кэтрин закатывает глаза.

Сожаление пронзает меня, когда я провожу пальцами по его крыльям.

– Мне так жаль,— выдыхаю я. – По поводу того, что я сделала...

– Сейчас объятия, извинения позже, – я улыбаюсь, а он отклоняется и обнюхивает меня. – Проклятье. Этот запах все ещё тут. Эйтинне, почему этот неприятный запах твоей маньячки–мамы все еще преследует моего друга?

Эйтинне переминается с ноги на ногу, будто неуверенная.

– У Айлиэн силы Кайлих.

Деррик замолкает. Он резко смотрит на меня и одновременно так много эмоций пересекает его лицо: постепенное понимание, жалость, а затем, в конце, грусть.

– Ну, дерьмо,— матерится он. – Дерьмо.

Мои глаза встречаются с Эйтинне. В её взгляде вопрос. Я знаю, о чем она думает, что хочет спросить.

«Я могу вернуть тебя к жизни, но, в конечном счёте, мои силы убьют тебя.»

«Не говори им.» Я знаю, моё послание чёткое. «Пожалуйста, не говори им, что они снова потеряют меня»

Мы обе видели воспоминание. Мы обе знаем, что силы Кайлих, эти разрушительные способности, которые я не могу контролировать, медленно убивают меня. Это только вопрос времени. Это моё проклятие. Подаренная жизнь будет снова отобрана, если я не смогу найти ту книгу. Но, по крайней мере, в этот раз, я могу спасти их всех.

А если мы найдём эту книгу, им не придётся этого знать.

– Моя очередь,— бормочет Эйтинне, её руки крепко обхватывают меня. Я не шевелюсь, когда она шепчет в моё ухо, – Моя мать мертва, верно? Я поняла, что, вероятно, так и есть, когда лес начал падать в море, но я думала ...— она отходит, и я вижу намек на слезы в её глазах. – Просто, что увижу её в последний раз.

«Мне страшно, monighean.»

Кайлих держала меня, пока её кожа не облезла и не превратилась в пыль. И она сделала это, чтобы у меня появился один последний шанс сделать все правильно. Всего лишь один.

«Это мой последний подарок им»

– Ты знаешь что-нибудь о книге, которую она упомянула? – спрашиваю я.

Эйтинне мешкает.

– Это детская сказка среди моего вида. Тебе лучше других известно, какими искаженными эти сказки могут быть, – она мотает головой. – Некоторые из старейших sithichean на моей территории могут знать больше. Я даже не верила, что она правдива.

– Твоя мама, похоже, думала, что так и есть. Она хотела, чтобы я спасла вас,— говорю я ей нежно. – Обоих.

Спасти их от неизменной судьбы: два правителя, рожденных с силой— один правит Благими, другой –Неблагими. Наиболее могущественный из двух развязывает войну, убивает другого и

занимает место Кайлих (в некоторых вариантах перевода Кайлих - Верховная ведьма - прим.перев.). Итак было до тех пор, пока Эйтинне и Киаран не отказались сражаться и создали цепную реакцию, которая вредит обоим мирам, фейрийскому и человеческому. Разрушения, которые останутся только тогда, когда один из них станет новым Кайлих.

Если только я не найду эту чёртову книгу.

Тело Эйтинне напрягается.

– Я не знаю, можно ли спасти Кадамаха, – моё горло сжимается, когда я вижу послание на её лице, такое же ясное, как если бы она произнесла его вслух. «Я так же не знаю, можно ли спасти тебя».

Глава 8

Мои воспоминания вернулись с болью, которая ощущается так, словно мою голову разобрали на части, а затем зашили воедино.

Кэтрин ушла с мужчиной с повязкой на глазе (ее мужем, Дэниэлем) в поисках трав, чтобы помочь справиться с болью. Эйтинне поспешила проверить границы на признаки присутствия других фейри, после того, как Деррик рассказал ей о моих убийствах в лесу. Она ушла настолько быстро, что у меня не было времени расспросить её о Киаране. И обо мне ...

Я стерла с себя грязь и переоделась в брюки, тонкую рубашку и ботинки, которые за столь короткое время смастерил Деррик. Теперь я сижу у огня, стараясь сделать так, чтоб меня не стошнило.

Я крепче сжимаю одеяло, окутавшее мои плечи, и вздрагиваю, поскольку другая череда картинок вспыхнули в моей голове — в этот раз намного более ранние, из моего детства: я с мамой; наши

изобретения; то, как она подпевала во время воскресных служб. Мелочи, которые напомнили мне, что я потеряла ее.

"Думай о чем-нибудь еще. О чем-то, что не так ранит".

Мой разум не слушается. В этот раз мои мысли заполняются Киараном. Я, целовавшая его, будто мне все еще мало. Как следовала кончиками пальцев по витиеватым отметкам на его теле, физическое напоминание клятв фейри, которые он дал. Наибольшая была покаянием, которое он несёт за все смерти, которым стал причиной.

То, как он смотрел на меня, когда произносил: «Aoram dhuit». Я буду служить тебе.

Каждое новое повторение ранит больше предыдущего. Эйтинне думает, что я потеряла воспоминания, потому что моё тело было уничтожено. Что, когда магия Кайлих вернула меня назад, разуму потребовалось больше времени, чтобы собраться воедино. Когда сила Эйтинне связалась с моей, она открыла ворота.

Брат Кэтрин, Гэвин, садится на бревно рядом со мной.

– Выглядишь ужасно.

Его светлые волосы сейчас стали ещё длиннее, почти касаясь основания шеи. Щетина выросла, закрывая часть шрама, который начинается прямо под глазом.

Как отличается он от того мальчика, с которым я выросла. Гэвин перешёл от безупречного, титулованного джентльмена к этому. Один из нескольких человек, оставшихся в живых, во многом благодаря его дару Видящего, естественная способность видеть фэ. Мы пробудили наши способности одинаковым путем: умерев и вернувшись назад.

Учитывая обстоятельства, Гэвин воспринял моё чудесное возвращение очень даже хорошо. Когда он увидел меня, все что он сделал – это улыбнулся и сказал:

– Ты на самом деле намереваешься расширить определение «мертвый», пока оно не потеряет всякий смысл, да?

Что бы он сказал, если бы я рассказала ему, что моя одолженная магия – это все, что удерживает меня в живых? Что никто из нас не выживет, если я не найду Книгу Воспоминаний?

Его ответ вероятнее будет похож на ответ Деррика. Ты как кошка: ты просто получишь другую жизнь.

– У меня кружится голова, – вздыхаю я. – Меня может вырвать.

–Аа. Ну, тогда это либо поможет, либо сделает все намного хуже, – Гэвин указывает на бутылку виски. – Выглядишь так, будто тебе не помешает глоток спиртного. Просто постарайся, чтобы тебя не стошнило на мою обувь.

– Боже правый, Галловэй,– говорю я, смеясь. – Только у тебя может оказаться виски в руке после того, как все было уничтожено. Какой повод?

– Ты жива, – пожимает плечами Гэвин. – То, что ты здесь видишь, вероятно, последняя сохранившаяся бутылка, и мне бы хотелось, чтобы ты насладились ею со мной, прежде чем миру наступит конец.

– Как мрачно, – кривлю лицо.

–Соответствующе.

Позади нас звенит голос.

– Лучше бы, чтобы там что-то осталось и для меня, – Деррик вылетает из одного домика и садится на моём плече. – У меня закончился мед, – ворчит он, крыльями задевая мои волосы. – Это ужасно вонючее дерьмо – все, что осталось, чтобы помочь мне достичь цели – полного забвения.

С присутствием Деррика моё тело расслабляется. Теперь, когда мои воспоминания восстановились, я чувствую себя более способной управлять собой. Вы не понимаете, насколько важна даже мельчайшая взаимосвязь, пока ваш разум не окажется пустым от них всех. Ощущалось так, будто бы я никогда и не жила.

Гэвин смотрит на пикси и поднимает бровь.

– Если хочешь, чтобы я поделился, не оскорбляй мою выпивку.

–Дееееерьмооо, – вздыхает Деррик. – Продолжай тогда. Скажи тост.

Гэвин откупоривает бутылку и отсалютирует ею.

– За возвращение Айлиэн, как раз вовремя для неизбежной войны и нашей вероятной кончины, а до тех пор, slàinte, – он делает длинный глоток. Могу сказать по его лицу, что оно обжигает. – Честно предупреждаю, – говорит он с хрипотцой, передавая мне бутылку, – плавно оно не пойдёт.

Я беру у него бутылку, но не пью.

– Вероятная кончина? Похоже, ни у тебя, ни у Дэниэла не было

видения, которое дало бы нам хоть какую-то надежду на победу? — моя улыбка вынужденная. — Если нет, надеюсь на относительно безболезненную смерть в этот раз.

Кроме того, что они видят фейри, у Видящих есть и другие способности. У Гэвина были видения из будущего, а Дэниэл слышал голоса, которые рассказывали пророчества — особенно обо мне. Согласно этим голосам, я девушка, чей дар — хаос, которая может как спасти миры, так и положить им конец.

Я соответствую своему дару: я та, кто разрушил мир.

— Никаких видений, — качает головой Гэвин. — Дэниэл так же больше не слышит никаких голосов. Все утихло, что я принимаю за какой-то дурной знак, — он подмигивает мне. — Так что пей, дорогая. Возможно, сможем утопить наши беды, пока ещё спокойно.

Виски прокладывает путь вниз по моему горлу, и, клянусь, я потеряла все чувства на своём языке. Звук, который я издаю, что-то среднее, если бы я закашляла или подавилась.

— Оно абсолютно отвратительно, — говорю я, передавая назад.

— Последняя бутылка на земле, — Гэвин морщится от очередного глотка. — Со вкусом безысходности. Можешь сказать спасибо пикси, что нашёл ее.

Деррик выглядит оскорбленным.

— Так неблагодарно. Посмотрим, утружусь ли я принести тебе другую бутылку, если найду ее. Я вылью её перед тобой в огонь и буду наблюдать, как ты рыдаешь.

– Ноешь, ноешь и ноешь, – улыбается Гэвин.

Он предлагает мне ещё глоток, но я качаю головой.

– Так, – я многозначительно смотрю на Гэвина, когда наклоняюсь вперед подбросить еще одно полено в костер. – Судя по твоему молчанию на этот счет, я так понимаю, что тебе не позволено упоминать Киарана, – я киваю на Деррика: – Этот два дня провёл со мной, отказываясь называть его имя.

– Он заслужил это, – ворчит Деррик. Он роняет швейный наперсток мне в ладонь. – Плеснешь сюда немного этого зелья?

Я закатываю глаза и наполняю наперсток виски.

– Не думай, что я не заметила, как ты сменил тему.

– Я не менял тему. Я праздную твоё возвращение, снимая пробу этого мерзкого пойла. С возвращением! Ты все ещё должна мне танец в пиратском костюме.

– В пиратском костюме? – Гэвин смотрит с интересом.

Я расслабляюсь, поскольку новое полено разгорелось и послало блаженную волну тепла ко мне.

– Не спрашивай. Ради Бога, не спрашивай.

– Ох, ну теперь-то я должен знать. По сути, я нахожу себя искренне интересующимся.

Деррик радостно открывает рот, но я цыцкаю на него.

– Не смей. Гэвин, прекрати потакать его безумным фантазиям. Он, вероятнее, сошьет тебе платье.

Деррик засиял.

– О, моя легкомысленная тётушка, никогда не думал об этом, – он медленно окидывает Гэвина долгим, оценивающим взглядом, словно прикидывая размер платья. – Ты будешь выглядеть так прекрасно в оборках и кружеве, Видящий. Думаю, голубой – это твой цвет. Я даже сделаю тебе корсет...

Гэвин издает поперхнувшийся звук в глубине горла.

– С маленькими бантиками. А затем я сошью тебе изящное нижнее белье...

–Айлиэн, останови его.

– Это ты поощрял его. Ты заслужил это, после твоего отказа рассказать мне о Киаране. А теперь говори. Расскажи мне все.

Гэвин мнетя и бросает взгляд на Деррика.

–Эйтинне может и не угрожала моей жизни,– наконец говорит он,– но она чётко дала понять: она хочет сама поговорить с тобой, когда вернется,– он кладет локти на бревно и откидывается назад. – Честно, я надеялся, что ты выпьешь виски и вырубись.

– А я надеялся, что ты вообще не станешь упоминать Киарана,– ворчит Деррик.

Я издаю звук разочарования. Ладно. Я еще много о чем хочу спросить.

– Тогда расскажите мне, что случилось с Лоннрахом и Сорчей.

Гэвин пожимает плечами.

– Никто не видел Лоннраха с тех пор ... – я замечаю, как его взгляд следует ниже моей ключицы, как будто он ищет шрам, который убил меня. Затем он отводит взгляд. – Ты ранила его, и он сбежал после нападения. И Сорча тоже.

– Не напоминай, – говорит Деррик. – Я бы с удовольствием содрал кожу живьем с этой клыкастой ведьмы, после того, что она сделала с Айлиэн. И я был бы рад сохранить голову её брата, – он останавливается. Затем: – Он бы стал отличным трофеем в саду.

Гэвин выглядит сбитым с толку.

– Какой сад? – он бутылкой указывает вокруг. – Мы посреди чертового леса на грани апокалипсиса.

Ореол Деррика вспыхивает красным.

– Сад, который я намереваюсь создать из трупов наших врагов, – шипит он. – Я не виноват, что в вашем чертовом человеческом мозгу недостаток кругозора.

Пока они перекидывались словами, мои пальцы впились в ладони. Значит Сорча и Лоннрах ушли. Конечно же, они ушли. Сорча месяцами планировала атаку: найти кристалл из Старого Королевства и использовать его силу, чтобы разрушить связанную с Эйтинне силу Киарана. Снова превратить его в Неблагого Короля. Сорча спасала

меня более чем единожды, чтобы удостовериться, что это случится. Она предала своего брата. А затем убила меня.

Не знаю, кого из них я ненавижу больше. Её — за то, что украла мою жизнь и забрала у меня маму, или его — за то, что сломал мой дух и заставил меня желать смерти.

Я бы убила их обоих, если бы могла. Но убийство Лоннраха принадлежит Эйтинне, а я не могу убить Сорчу, даже если бы у меня появилась такая возможность. Тысячи лет назад, когда Киаран правил Неблагим Троном, Сорча была его консортом. Они произнесли клятву, которая связала их жизни вместе. Если умрёт Сорча, он тоже умрет.

— Что на счёт остальных фейри? — прерываю я. — Те, что были под командованием Лоннраха и те, что были с людьми в городе Деррика. О них что-нибудь известно?

Деррик замолкает, а Гэвин переводит взгляд на огонь. Тени играют на его лице по шрамам, которые он получил во время атаки фейри, пока я была заключенной Лоннраха. Я никогда не забуду тот загнанный взгляд в его глазах, когда увидела их в первый раз. Гэвин бежал и скрывался годами к тому моменту, когда я сбежала из мира фейри. Почти все следы человека, с которым я выросла, исчезли, заменились мужчиной, который ожесточился от горя и войны.

— Люди в порядке, — наконец говорит он. — Несколько фэ с корабля приходили к нам за припасами, сейчас они держатся неподалеку Западных островов. Здесь недостаточно безопасно. Не с ...— он оглядывается на меня. — Некоторые фейри, которые были с Лоннрахом бросили других, но большинство выбрали стороны. Подавляющее большинство не стало выбирать Эйтинне.

Деррик выглядит раздраженным.

–Те, кто стали снова Благими после того, как сила Киарана восстановилась, должны были остаться верными своей Королеве, но они отвернулись от нее. Никогда не видел никого, кто повернулся бы спиной к их собственному Двору,– затем он ворчит:– Проклятые предатели.

Когда Киаран решил оставить Неблагод Трон, Эйтинне забрала часть его силы, которой необходимо питаться людьми, чтобы выжить. Однажды у него был такой же голод, который я почувствовала в Неблагод, с которым сражалась в лесу, только его роль в качестве Короля, делает этот голод ненасытным. У Эйтинне не было сосуда, чтобы передать его силу другому фейри, согласному или способному принять ее, так же как я приняла силу Кайлих. Поэтому эта сила распределилась по всем фейри в двух Королевствах, и тогда даже Благие фейри стали Неблагими.

Теперь, когда эти Неблагие силы Киарана вернулись, эти фейри снова стали Благими. Но вернуться назад в прежнюю форму, не значит, что они простят свою Королеву за то, что она сделала с ними, точно так же, как и с Двором, который они когда-то возненавидели (даже если она это сделала случайно) или за то, что закрыла их на тысячи лет в тюрьме под Эдинбургом, так чтобы они не могли причинять людям вреда.

Гэвин закатывает глаза от слов Деррика.

– Давай будем честными? Они отвернулись от Эйтинне, чтобы спасти свои шкуры,– он отклоняется назад и подносит горлышко бутылки к губам. – Мы на проигрывающей стороне и ты знаешь это.

Проигрывающая сторона. Это значит, что Киаран выигрывает.

Деррик качает головой и шикает на Гэвина.

"Ты должна спросить. Должна". Но сначала ... я краду бутылку и

делаю большой глоток. Чертов ад, все горит.

– Ладно, – говорю я. – Расскажите мне о Киаране. Оба. Любой из вас. Я не хочу ждать Эйтинне, – когда они все еще молчат, я выдаю: – Прекратите пытаться защитить меня, или притворяться, что знаете, что лучше для меня. Это просто смешно и оскорбительно, после всего того, через что я прошла.

Гэвин и Деррик снова смотрят друг на друга. Деррик тихо матерится и собирается заговорить, но голос Эйтинне прерывает его.

– Подожди.

Я оглядываюсь и вижу ее на краю леса. Её глаза встречаются с моими и что-то грустное мелькает в них.

– Сначала тебе нужно кое-что увидеть.

Глава 9

Я более чем уверена, что мне не понравится то, что она мне покажет.

– Это как-то связано с Книгой? – спрашиваю я, пока она ведёт меня через лес. Пожалуйста, пусть это будет связано с этой проклятой Книги.

Мы идём уже добрых десять минут, дальше и дальше от тепла лагеря, в морозную атмосферу леса. Впереди нет никакого света, ничего, чтобы определить, куда она меня ведет.

Эйтинне качает головой.

– Я отправила послание sìthichean, которые ещё верны мне, чтобы выяснить, что они могут рассказать о Книге. Я не могу рисковать, доверяя тому, что знаю сама, – она жестом указывает повернуть с тропинки. – Сюда.

Моё дыхание на выдохе превращается в белый туман. Сейчас должна быть весна, к этому времени снег уже должен начать таять, а ростки цветов прорасти сквозь ледяную землю леса. Знак того, что глубокая тёмная шотландская зима подходит к концу.

Здесь нет цветов. Нет листьев. Только холодный, кусающий ветер и чёрные ветки под беззвездным небом.

Эйтинне останавливается так внезапно, что я практически в нее врезаюсь. Удивленная, я обхожу её и вижу прямо на своем пути дом, скрытый в самой тёмной части леса, за небольшим лугом. Он больше домиков Эйтинне, но точно так же наспех возведенный. Только в этом строении нет окон или других дверей, ничего, чтобы принести свет внутрь, кроме одиночного входа передо мной. Сама дверь вставлена в массивный валун с отметками фэ, выгравированными в камне.

Это заставляет меня сделать шаг назад. Оно не гостеприимно. У двери нет никакого пылающего огонька, никакого приветствия. Ничего, по чему можно было бы судить, что это что-то большее, чем ещё один заброшенный дом, которыми сейчас заполнена страна.

Мы, шотландцы, описали бы это место, как дом с привидениями. Потому что один взгляд на него посылает сквозь тебя мороз.

– Что значат эти отметки? – спрашиваю я нерешительно.

– Fois do t’anam, – бормочет Эйтинне. – Это предложение мира, – она кивает в сторону коттеджа. – Иди. Я буду ждать тебя снаружи.

А затем я расскажу тебе все, что ты хочешь узнать.

«Нет», – думаю я, когда делаю эти первые трясущиеся шаги в направлении двери. «Нет, нет, нет. Поворачивай обратно. Не ходи внутрь. Не смотри на то, что она хочет показать тебе».

«Это все изменит».

Но я должна. Моё сердцебиение стучит в ушах, когда я поворачиваю ручку и открываю тяжелую деревянную дверь.

Первое, что я вижу – кровати. Десятки кроватей, занимающие каждый сантиметр пространства, как в больнице, когда она битком забита. Единственное свободное место – это островки между каждым рядом, проходы. У каждой кровати стоит столик с одинокой свечкой, свечение которой распространяет тени по коттеджу.

На каждой кровати лежит человек. Некоторые лежат настолько бездвижно, что я задаюсь вопросом, может Эйтинне держит здесь своих мертвых, но когда я присматриваюсь поближе, я вижу, что они живы.

«Если вы сможете назвать этот Ад жизнью».

Их глаза широко открыты, но без видимого понимания их окружения. Ни один из них не заметил, что я здесь, даже когда я прохожу мимо кроватей. Их выражения лиц остаются прежними: в радостном, извращенном благоговении. Как будто их взор только что зацепил нечто прекрасное. Или нечто ужасающее.

Нечто, за что бы они ползали в ногах. Что-то, за что они умерли бы.

Я никогда не видела людей, настолько страдающих недоеданием, таких шокирующе худых и истощенных, что их кости острые, как лезвия. Если бы я приподняла эти одеяла, то смогла бы пересчитать их ребра. А их запястья ... боже, какие же они тонкие. Насколько просто их сломать. Не могу остановить себя, сравнивая кисти рук с хрупкими, пораненными птичьими крыльями; их пальцы сжимаются и разжимаются, как будто бы им больно.

У каждого человека рядом на подушке располагается маленький серый фейри, крылышки обернуты вокруг их тел, как будто бы они спят... но они не спят. Каждая фейри вонзила зубы в горло своих человеческих жертв достаточно сильно, чтобы пустить кровь.

Мой инстинкт – атаковать, схватить этих фейри и убить их всех. Но когда я шагнула вперед, Блуждающий Огонек замер, посмотрел на меня и вытащил свои зубы из кожи женщины.

Она вскинулась. Её слишком тоненькие руки начинают хватать воздух, как будто пытаюсь вернуть Огонька назад. Звук из её горла похож на воющий отчаянный крик, как у животного, пойманного в ловушку. Её конечности трясет с такой яростью, что боюсь она может поранить себя.

Я дергаюсь назад, болезненно ударяясь лодыжкой о ближайшую кровать. Едва замечаю. Я ахнула и прикрыла рот рукой от того, что увидела, когда одеяло соскользнуло с её тела.

Отметки на руках и ногах, шрамы слишком большие, чтобы винить за них Огоньков. Тридцать шесть человеческих зубов. Сорок шесть тонких клыков. Ещё, ещё и еще. Нет ни единой части её тела, которую бы обошли стороной.

«О Боже. О Боже, О Боже».

Глаза маленького фейри встречаются с моими, когда он ещё раз вонзает свои крошечные зубы в её шею. Он впивается своими клыками так глубоко, что кровь стекает на её ключицу.

И женщина снова ложится на подушку со вздохом... И улыбкой.

В животе потяжелело. Я разворачиваюсь, распахиваю дверь и выбираюсь из этого коттеджа. Подальше от этих кроватей, этих фейри, этих людей.

«Не оглядывайся. Забудь все снова. Забудь то, что видела».

Я цепляюсь ногой за камень, но мне удается сохранить равновесие и не упасть на землю. Кто-то зовет меня по имени прямо тогда, когда я пересекла поляну и опустошила содержимое желудка в кусты.

Я кладу руки на колени и прерывисто дышу. Крепко закрываю глаза, словно это как-то может стереть картину той женщины, живущей с единственным только желанием: укусом фейри.

Киаран однажды рассказал мне, что случается, когда фейри забирают людей. Их отрывают от этого, а они все жаждут большего. Когда sìthichean решает забрать человека, это не то, от чего можно уйти. Никогда.

Я никогда не видела этого прежде. Я никогда не видела людей, настолько зависящих от касаний фэ, что это все, что держит их в живых. Я пережила смерть и войну, но было что-то в этом... В том, чтобы видеть людей, чахнувших и ослабевающих в кроватях. Борьба покинула их.

Они с таким же успехом могли бы быть мертвы.

– Айлиэн, – раздается нежный голос Эйтинне. Она подходит ближе. – Ты в ...

– Не надо, – я протягиваю руку и вытираю рот рубашкой. – Пожалуйста. Мне нужна минутка.

– Хорошо, – выражение её лица терпеливое, понимающее.

Я облокотилась о ближайшее дерево и соскользнула вниз, пока не оказалась на холодной почве. Мне все ещё плохо. Так чертовски плохо, что я не могу даже стоять. Занимает около двух минут, прежде чем тошнота проходит, и я могу говорить.

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне правду, – говорю я ровным голосом, без эмоций. – Никакой фейрийской полулжи. Никаких загадок. Они ... – я тяжело сглатываю, потому что слова прилипли к языку. – Это жертвы Киарана?

Эйтинне ничего не произносит. Её молчание говорит за нее. Но, как будто этого не было достаточно плохо, она наконец-то отвечает, прошептав:

– Айе.

Я закрываю рот ладонью. Клятва, которую Киаран дал Охотнице, в которую влюбился тысячи лет назад, запрещает ему убийство людей, иначе он сам умрет. Когда фейри даёт клятву, он остаётся, связан ею навеки.

Но будучи Неблагим Королем, его цель – смерть, разрушения. Он умрёт, если не будет питаться человеческими жертвами. Когда Киаран попросил Эйтинне забрать ту часть себя, которая требовала человеческие жертвы, она была способна помочь ему, но, только заплатив цену: ей пришлось связать силы, которые делали его

Королём Неблагого Двора.

Когда Сорча убила меня, она использовала кристалл Старого Королевства, чтобы развязать узы Эйтинне и вернуть ему его способности. И это судьба Киарана. Убивать людей или умереть, или питаться ими и оставлять подобным образом.

– Почему они здесь? – я прижимаю ладони к глазам, словно это может помочь мне забыть. «Почему ты держишь их здесь?»

– Кадамах оставляет их на границе наших территорий, – отвечает она тихим голосом. – Деррик говорил мне, что проткнуть их мечом – было бы милостью. Либо же я могла просто убрать фей от их вен, и позволить им просто исчезнуть, но я не могу. Я просто ... не могу, – клянусь, я вижу сожаление в её выражении лица. Жалость ко мне. – Ты можешь попробовать спасти его, но я не знаю, есть ли в нём ещё твой Киаран МакКей.

Он оставляет их там. Как тогда sluagh приносили Эйтинне подарки Киарана. Жестокая насмешка, послание. «Я собираюсь выиграть».

Нет, он не может быть таким. Не может. Должна быть часть его, до которой ещё можно дотянуться, которая стоит спасения.

Так много чувств проходят сквозь меня, каждое хуже воспоминания, как меч Сорчи проходит сквозь меня. Мне не следовало бы волноваться за Киарана. Я не должна позволять себе. Потому что я не могу быть объективной. Я не могу отказаться от него.

Он в моем сердце, а я в его, и, думаю, это уничтожит нас обоих.

Как будто бы прочитав мои мысли, Эйтинне опускается на

колени рядом со мной и кладет руку на мою.

– Ты должна понять, – говорит она, – стать слишком привязанным к человеку – это проклятие, это то, что мой вид учит с раннего возраста, потому что мы не можем не привлекаться человеческой красотой. Ее хрупкостью.

Она продолжает:

– Моя мама всегда говорила, что любить человека – это как любить бабочку. Когда я была молода, она каждый день меня спрашивала: «Что делает людей лучше нас?» И она никогда не была удовлетворена ответом, пока я не нашла правильный.

– И что это? – произношу я, ужасаясь того, что услышу.

Эйтинне смотрит на меня.

– Вы умираете.

Ну конечно. Кайлих будет учить чему-то подобному. Она однажды сказала мне, что могла бы простить Эйтинне за создание Соколиных Охотниц — ряд человеческих женщин, одаренных силой Эйтинне, чтобы помогать убивать ее врагов, но она никогда не простит Киарана за то, что он полюбил человека.

«Один из них должен умереть», – сказала она. «Это должен быть Кадамах».

Мои ногти впиваются в ладони. Маленькая боль, чтобы упростить мои мысли.

– Почему ты рассказываешь мне это?

– Это цена бессмертия. Мы обречены наблюдать, как люди, которых мы любим, умирают, и всякий раз это убивает некоторую часть сочувствия в нас, – рука Эйтинне сжимает мою. – Теперь ты понимаешь? – шепчет она грустно. – Ты его бабочка.

Его бабочка. Его хрупкая человеческая девочка. Один меч в сердце, и я умерла, как бабочка, которая потеряла свои крылья. Так просто.

– Эйтинне, где он?

Эйтинне отводит взгляд. Она молчит так долго, что я задаюсь вопросом, ответит ли она вообще. Затем, голосом едва громче дыхания, она произносит:

– Пойдём со мной.

Глава 10

Эйтинне открывает портал фейри – простейший способ путешествия на длинные расстояния в одно мгновение. Тот, что она создала – яркий контур, появившийся между деревьями, словно она просто пожелала, и он появился. В одно мгновение его здесь не было, а в следующее ... Вот он.

Пройдя через него, мы оказываемся на вершине утеса, возвышающегося над бушующим морем. Пейзаж мне знаком: я узнаю границу деревьев прямо у скал и форму холмов в отдалении. Мы находимся на заливе, который ограничивает королевство пикси, напротив того места, где Сорча убила меня.

– Там, – шепчет Эйтинне, указывая на воду. – Он там.

Я поворачиваюсь, ожидая увидеть древний кристалл в руинах города Деррика, кристалл, который Лоннрах хотел так сильно, что уничтожил город пикси, чтобы найти его. То, что находится там

вместо этого, заставляет меня шокировано втянуть воздух.

Откуда, чёрт побери, это появилось?

Справа от побережья находится остров, поддерживающий темный, остроконечный дворец. Он выглядит так, будто вырезан из скалы – одиночный огромный кусок кристалла словно развернулся вокруг себя, чтобы сформировать высокое зазубренное здание, что возвышается над водой. Оно острое, мечеподобное. Я ощущаю его силу: ужасная, неугомонная тёмная энергия, такая же холодная, как укус зимнего ветра.

На том острове не сохранилось природы. Почва опаленная, черная и потрескавшаяся, полностью лишенная влаги, несмотря на то, что окружена морем. Несколько деревьев рассеяны по земле, они состоят из острых голых веток, которые дугой изгибаются в сторону развернувшегося кристалла дворца. Они иглоподобные, тернистые и манящие, столь же зловещие, что я видела в мире фейри. Столь же пугающие.

Дворец выглядит так, будто возведен в качестве угрозы, предупреждения.

– Кадамах поднял остров из моря, – говорит Эйтинне низким голосом. – Он построил его вокруг кристалла, идеальное воссоздание его Дворца в Неблагом Королевстве, – она замешкается, прежде чем добавить: – Не сомневаюсь, что в качестве преднамеренного послания, что мне там не рады. Он даже создал новых солдат, чтобы восполнить свои ряды, взамен тех, которых я убила.

Создал новых солдат?

– Он может это делать?

– Используя кристалл, – Эйтинне грустно улыбается. – Почему ты думаешь, он хотел его так сильно, что убил всех в королевстве твоего пикси, чтобы найти его? Это бы гарантировало ему лёгкую победу надо мной, когда наши королевства воевали. Он был бы непобедим.

Кристалл, который Сорча использовала, чтобы восстановить силы Киарана. Я помню, что высотой он был с Эдинбургский многоквартирный дом, возвышающийся и неприступный. Этот замок сделан из того же блестящего материала — темного камня, который светится изнутри, огонь внутри черного обсидиана.

Как будто бы само здание недостаточно пугающее, десятки солдат-охранников стоят прямо перед огромными воротами. Они в прекрасной форме и подготовлены к атаке. Эта проклятая крепость.

– Ты ходила увидеться с ним?

– Конечно, ходила, – я слышу печаль в её голосе. – Я пыталась, по крайней мере, десятки раз заставить эту упертую задницу поговорить со мной, но он не позволял мне войти.

Удивившись, я смотрю на неё.

– Не позволял? Почему?

– Он готовится к сражению со мной, – отвечает она мягко. – Первое, что он делает – закрывается, – Выражение бесстрастно, но напряженные плечи выдают ее эмоции. – Я уже видела это раньше.

– Когда? – мое сердце болит за нее.

– Так поступила наша мама, когда мы вошли в свою силу, – я замечая, как ее рука задрожала, когда она убирала волосы назад. – Среди daoine sìth не бывает различий между Благими и Неблагими в младшем возрасте, – объясняет она. – Мы рождаемся с теми же примитивными способностями. У нас у всех так же есть клыки, хотя Благим и нет нужды пользоваться ими.

Daoine sìth самые могущественные фэйри во Дворах. Они так же больше всего внешне похожи на людей, хотя уровень их красоты ни с чем не сравнить.

Я не знала, что у них у всех есть зубы, как у Лоннраха и Сорчи – второй ряд острых клыков, которые появляются из десен, чтобы было проще кормиться человеческой кровью и энергией. Я всегда предполагала, что дело в их происхождении, и, возможно, легенда о вампироподобной фейри, называемой baobhan sìth просто выросла за века, когда Сорча убивала людей, пока остальные daoine sìth были заперты под Эдинбургом, в тюрьме, созданной Эйтинне.

– И пока наша мама не могла знать, к какому Двору мы принадлежим, – продолжает Эйтинне, – веками Кадамах и я росли вместе. Когда наши взрослые силы наконец-то проявились, и он не смог остановить себя от убийства своего первого человека, я узнала, кем он был. Что это значит.

– Тогда-то вас и разделили, – произношу я.

– Так и случилось, – кивает Эйтинне. – Наиболее распространено, что родные братья и сестры принадлежат одному Двору, но разделение – это не нечто неслыханное. Поначалу Кадамах и я пытались скрыть наши пробудившиеся способности, мы не хотели жить врозь. Он убивал человека за человеком, и каждый раз он был самым собой достаточно долго, что я забывала, кто он. Затем он превращался в того, кого я едва узнавала, прежде чем снова начать охотиться, – она передергивает плечами. – В конце концов, он больше не смог скрывать это от нашей мамы. Поэтому она забрала нас в соответствующие Дворы и отказывала нам в любом контакте. Она сказала, что так будет проще для нас однажды отправиться на войну, если мы прекратим думать друг о друге, как о брате и сестре.

Я снова смотрю на темный дворец, построенный Киараном.

– Так значит, он пользуется ее тактикой, – бормочу я.

Я подхожу ближе к краю утеса и смотрю вниз. Падение привело бы прямо к основанию скалы. Я прыгала с этого утеса прежде, и я бы умерла, если бы Киаран не был рядом со мной. Мне никак не попасть на тот остров самой. Даже со способностями Кайлих, я все еще человек. Я разобьюсь о скалы снизу.

– Открой другой портал, – говорю я Эйтинне. – Он поговорит со мной, ему же лучше поговорить со мной.

Эйтинне изучает дворец и солдат, охраняющих его, решая, каким образом я проберусь внутрь. Она слегка мотает головой.

– Однажды я верила в это же, – говорит она мне. – Я просто надеюсь, что он не сделает с тобой тоже, что сделал со мной.

– Что он сделал с тобой?

– Прошли годы с тех пор, как нас впервые разделили. Мама учила меня презирать его, а я так и не смогла. Поэтому я отправилась к нему, – она жестом указывает вниз на остров, ее выражение лица практически холодное. – Это выглядело точно так же, вплоть до численности солдат. Кадамах создание привычки.

– Он поговорил с тобой? – ты же не хочешь этого знать, и все же спрашиваешь. Цена, что ты платишь за правду, знание.

– Нет, – отвечает она ровно. – Он выжидал, как долго я простою у ворот. За каждую минуту, что я прождала, чтобы он увиделся со мной, он посылал своих sluagh ловить моих наиболее уязвимых

подданных. А затем ежедневно, на протяжении пятисот дней, он отправлял мне их тела, – руки Эйтинне по бокам сжимаются в кулаки. – Они стали его первыми подарками.

Я вздрагиваю. "Теперь ты знаешь. Ты чертова дурочка."

– Почему, ты думаешь, он оставил этих людей у моих границ? – Эйтинне краснеет от гнева. – Так он говорит мне, что убил бы их, если бы мог. Он провоцирует меня.

Кайлих показывала мне некоторые худшие части прошлого Киарана, вещи, которые я никогда не смогу забыть. Я не хочу оправдывать то, что он сделал. Некоторые вещи настолько ужасны, что цена за их прощение становится непреодолимой.

Но Киаран провел две тысячи лет, пытаясь искупить вину. Я должна верить, что там все еще есть часть его, которая ищет искупления, часть его, что выбрала человеческое имя. Часть его, о которой я переживаю.

Когда Лоннрах держал меня в плену, Киаран не отказался от меня. И я так же не откажусь от него.

Как же я глупа.

– Он спас мою жизнь, – говорю я ей. – Я должна вернуть ему долг.

Эйтинне кивает, выражение ее лица противоречивое.

– Ладно, – она резко делает шаг назад с утеса. – Ладно. Когда я услышу вести о Книге, я создам тебе портал. Если ты права, и он все еще твой Киаран, он захочет помочь.

– А если нет?

Она опускает глаза, но не перед тем, как мне удалось увидеть в них сожаление. Она ничего не говорит; ей и не нужно. Я могу увидеть ответ в ее чертах лица так же уверено, как если бы она произнесла слова вслух.

«Тогда мне придется убить его».

Глава 11.

Этой ночью я заснула рядом с костром, и мне приснился Киаран.

Мы лежим на кровати в незнакомой комнате, столь же богатой, как что-либо, украшающее королевский дворец. Над нами свисает люстра, созданная из кусочков черного опала в форме слезинок, освещенных изнутри красным пламенем. Мерцающие стены комнаты сделаны из обсидиана, украшены тщательно продуманным узором, таким же, как на коже Киарана. Растянутый от пола до потолка узор извивается сложными, направленными ответвлениями.

Кровать под балдахином огромного размера, сделанная из ольхи, с резным узором. Она пахнет пеплом, дымом и вереском.

Пальцами провожу по шрамам, покрывающим спину Киарана – замысловатый ряд спиралей, линий и петель, которые кажутся выжженными на его коже, а затем и вырезанными, дюйм за дюймом обжигающей боли. Они отражают его клятву – не убивать людей, его наказание за тех, кого он убил. Каждая его жертва занимает свое место на его коже, их собственная отдельная метка.

Они его расплата. Клятва, которая сделала из него Киарана.

– Ты – все еще ты? – спрашиваю я его. – Или ...

«Кадамах. Кто-то еще. Кто-то, кто не заслуживает прощения»

Он переворачивается ко мне, его руки скользят вокруг моей талии, чтобы прижать меня поближе. Мы прижаты друг к другу, кожа к коже, и в этот момент мне больше нигде не хочется быть.

– Временами, – говорит он. – Зависит от...

– От чего?

– Могу или не могу я притвориться хотя бы на несколько минут, что ты все еще можешь войти в комнату и начать задавать раздражающие вопросы.

Я смеюсь.

– Говоришь так, как будто это ты.

– Айе. До тех пор, пока не вспоминаю, что ты не войдешь в комнату. Больше никогда.

Я ничего не говорю и только обнимаю его крепче, потому что мне не хочется отпускать этот момент. Нас.

– Хотелось бы мне, чтобы ты перестала мне сниться, – шепотом произносит слова у основания моей шеи. Он прижимает губы к тому месту. Один раз, второй ...

– Правда? – когда я пальцами пробегаюсь по его позвоночнику, по нему проходит легкая дрожь. Этот крошечный физический ответ свидетельствует о том, какой эффект я произвожу на него, что-то, что он нельзя спрятать. – Ты пытаешься забыть меня, Маккей?

Киаран поднимает взгляд на меня, его прекрасные лиловые глаза по-странному уязвимы.

– Произнеси это имя снова, – его голос грубый из-за эмоций, бурлящих в нем. Он чувствует. А если он все еще чувствует, значит он Киаран. И стоит того, чтобы его спасти.

– Маккей, – улыбаюсь я.

Его пальцы скользят вниз по спине. Ниже.

– Снова.

– Киаран Маккей.

Его имя едва покидает мои губы, как он целует меня, долго и медленно. Я с дыханием снова выдаю ему его имя. Повторяю. Как мантру. Снова. Еще раз.

Он вознаграждает меня новым поцелуем, еще одним. Следует кончиками пальцев по моей коже медленными, изучающими поглаживаниями, которые заставляют выгнуться навстречу. От этого во мне вспыхивает желание.

Когда он накрывает мое тело своим, прежде чем забыть себя, шепчу ему кое-что еще.

– Я собираюсь спасти тебя.

Киаран замирает.

– Спаси меня, Кэм? – его низкий, грустный смех достаточно холодный, чтобы заморозить мое сердце. Следующие слова он шепчет у пульса на моем горле: – Если бы ты была жива, ты бы желала моей смерти.

Затем он вонзает зубы в мою кожу.

Просыпаюсь, с трудом дыша. Фантомная боль от укуса Киарана настолько сильная, что я бессознательно тянусь пальцами вверх, чтобы помассировать кожу над ключицей. Тепло его языка на моем пульсе было настолько реальным. Слишком реальным.

Сердце бешено бьется, сажусь и оглядываюсь, наполовину ожидая обнаружить себя в той огромной кровати из сна – но я все еще у костра в лагере Эйтинне.

Шкура животного, под которой спала, соскользнула на колени, и я задрожала от холодного воздуха. Костер давно догорел и сейчас только подсвечивает оставшееся обугленное полено. Первые предрассветные лучи проглядывают сквозь деревья.

Гэвин и Дэниэл по обе стороны от меня все еще крепко спят. Деррик свернулся на моем плаще у ног, его руки вцепились в ткань. Он храпит довольно громко для такого крошечного создания.

Кэтрин и Эйтинне. Где они?

Отбросив шкуру в сторону, я поднимаюсь на ноги. Не знаю, что побудило меня пойти в направлении дома, который Эйтинне показывала вчера, но вдруг я обнаруживаю себя быстро двигающейся по тропинке, ведущей через лес. Только теперь замечаю, что на деревьях здесь нет птиц, приветствующих утренний свет своими песнями. Никаких животных, снующих в кустах. Только одинокий, нервирующий стон веток, покачивающихся от ледяного ветра.

Все еще могу почуять запах огня в воздухе, пока отхожу все дальше от лагеря. Ничего не могу с собой поделаться, но думаю только о той кровати, сделанной из темного дерева. Мои руки поглаживают отметки Киарана. Он нашептывает слова у моей шеи: "Если бы ты была жива, ты бы желала моей смерти".

Я двигаюсь быстрее, пытаюсь выкинуть его слова из головы. Клянусь, все еще чувствую его зубы, прорывающиеся через мою кожу на шее, теплую кровь, стекающую по ключице. Быстрее. Мои ботинки стучат по тропинке.

"Ты никогда не забудешь того, что видела. Зачем ты хочешь

вернуться туда снова?"

Не знаю почему пришла к коттеджу, в этот дом жертв Киарана. Не знаю, почему кладу руку на ручку и захожу внутрь.

Кэтрин удивленно поднимает на меня взгляд, затем в выражении ее лица показывается что-то еще. Жалость? Печаль? Не могу сказать.

– Привет, – она мокает тряпку в миску рядом с ней.

Она сидит возле женщины, которую я видела вчера, все еще лежащей там с глазами, зафиксированными на потолке. Я тревожно вздрагиваю, когда замечая, что безмятежная улыбка даже не пошатнулась. Блуждающий огонек все так же остается с зубами в ее шее, хотя он и кажется крепко спящим. Возле его рта еще три отметки. Одна из них до сих пор кровоточит.

Все это напоминает о шрамах, оставленных на мне Лоннрахом. Но, когда я слежую пальцами к своему запястью, нахожу только гладкую, неповрежденную кожу. Чистый лист. Мои шрамы теперь прямо как у Эйтинне: глубоко в темнейшей части меня, скрытые из вида. Некоторые шрамы пролегают намного глубже, чем кожа.

"Я никогда не забуду, каково это быть такой беспомощной".

Мой взгляд следует по другим кроватям, там еще пятнадцать человек. Брошенные жертвы Киарана. Мне приходится проглотить комок, образовавшийся в горле.

" – Ты – все еще ты?

– Я не знаю".

Я вздрагиваю, не способная больше смотреть на них.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю Кэтрин тихим голосом. Словно эти люди могут услышать меня. Как будто бы они не так далеки отсюда, что их это заботило бы. – Ты должна спать.

Кэтрин выжимает тряпочку и прижимает ко лбу женщины.

– Я больше не сплю долго. С тех пор, как королевство пикси уничтожили.

Кладу руку ей на плечо в качестве поддержки. Кэтрин моя лучшая подруга с тех пор, как мы были детьми; мы выросли вместе. В то время как Лоннрах держал меня в плену, она заботилась о выживших людях. Она сильнее, чем я когда-либо могла подумать о ней.

Кэтрин с нежностью улыбается мне, но я не улыбаюсь в ответ.

Я думаю обо всем, через что ей довелось пройти. Она наблюдала за тем, как фейри убивали людей, которых она любила. Потом пыталась создать дом в королевстве пикси, пока не пришли фейри и не уничтожили и его тоже.

"Мой провал".

Вина, которую я испытывала, когда Деррик впервые назвал меня по имени, возвращается, нахлынув на меня. То же ошеломляющее чувство ответственности за всю ту чертовщину, что случилась. Словно это физический груз на моих плечах, и он становится все тяжелее с каждым прошедшим мгновением.

– Прекращай это, – срывается Кэтрин, как будто читая мои

мысли. – Прекрати винить себя. Думаешь, я не вижу? Ты смотришь на меня будто я – бремя. Будто все мы – бремя.

– Ты не бремя, – говорю я, – никогда им не была.

"Ты сильнее меня".

Кэтрин отпрянула от меня.

– Я тебе не верю. Тебе удалось убедить себя, что все эти ужасы – твоя вина. Но это абсолютная брехня.

Ей всегда удавалось видеть меня насквозь. Даже когда скрывала от нее, что была Соколиной Охотницей, она все равно знала, что что-то не так.

– Плохая привычка, – бормочу я.

– Худшая, – соглашается она.

Мой смех тихий, вынужденный.

– Помнишь те истории, в которых одинокий герой спасает мир? – спрашиваю я. – Ты когда-нибудь замечала, что они никогда не рассказывают, что случится, если герой потерпит поражение?

Кэтрин, кажется, теряет терпение.

– Так вот откуда это началось? Думаешь, это твоя обязанность защищать всех нас? – она мотает головой. – Мы не твоя ответственность, Айлиэн. Этот мир – не твое бремя. Оно принадлежит всем нам – она жестом указывает на кровати в комнате.

– Даже им.

Все что могу, это уставиться на Кэтрин, наблюдать, как она окунает тряпку в воду и снова прикладывает к лицу женщины.

– Так ты делаешь свою часть? – спрашиваю я.

Кэтрин выглядит удивленной вопросом.

– Полагаю, да. Я прихожу сюда каждое утро и провожу некоторое время с каждым из них. Не знаю их имен, но говорю с ними, как будто их знаю.

Изучаю женщину на кровати. Черт побери, она так далеко отсюда, что я, вероятно, могла бы порезать ее лезвием, и она даже не среагировала бы.

– Зачем? – ничего не могу поделать с тем, как грубо звучу, когда добавляю, – Не похоже, что кто-то из них может сказать, что ты вообще находишься здесь, женщина мертва - Киаран нашел способ убивать людей, не останавливая при этом их сердца.

"Если бы ты была жива, ты бы желала моей смерти".

"Прекрати это", – говорю я себе. – "Прекрати думать об этом".

Не похоже, что Кэтрин выглядит оскорбленной. Если уж на то пошло, выглядит просто печальной.

– Эти люди не выбирали этого, – отвечает она. – Разве не это отличает нас от них? Они обращаются с нами, как со скотом. Как с каким-то расходным материалом, – она удерживает руку женщины в нежном захвате. – Если бы это была я, мне бы хотелось, чтобы кто-то

ухаживал за мной с уважением, прежде чем я умру. Мне бы хотелось, чтобы кто-то верил, что я имею значение.

Мне бы хотелось быть более похожей на Кэтрин. Даже сейчас, после всего, через что прошла, она все еще добра и все еще заботится. Даже после потери любимых она не превратилась в мстительную.

Ее сила не физическая. Она не станет отправляться на поле битвы ради убийства. Она бы отправилась оказывать первую помощь раненым и уязвимым. Для этого требуется редкий, особый вид храбрости – потерять все и все же отдавать так много себя. Этот вид отваги большинство людей теряют на войне.

Я потеряла.

Сажусь на край другой кровати через проход, занятой молодым мужчиной примерно моего возраста. Его улыбка умиротворенная. Глаза наполнены слезами, будто бы поймали какое-то эмоциональное воспоминание.

Задаюсь вопросом, знает ли он, глубоко внутри, что я здесь, и хотел бы он, чтобы кому-нибудь было не все равно, что с ним.

Затаив дыхание, наклоняюсь и беру тряпочку, окунаю ее в миску с водой, и поднимаю глаза, чтобы встретиться с Кэтрин взглядом.

– Скажи мне, что делать, – шепчу.

"Я не помню, как заботиться о ком-то".

Кэтрин подходит и садится рядом со мной.

– Тебе не нужно что-либо делать, – отвечает она мне. –

Достаточно просто быть здесь.

Примерно час спустя Эйтинне врывается в дом. Люди, должно быть, почувствовали ее — ее силу, или, возможно, свечение кожи, сияющей как маяк в темноте. Они начинают извиваться, потеряв спокойствие. Это впервые, когда вижу хоть какой-то вид здравомыслия в их взгляде, любое осознание, в общем.

Женщина в кровати рядом со мной тихо ахает при виде Эйтинне.

– Прекрасная, – бормочет она. Ее руки тянутся к Эйтинне.

Но она игнорирует их крики.

– Пойдем со мной, – незамедлительно говорит мне. – У меня есть новости о Книге.

Глава 12

Я следую за Эйтинне из коттеджа, соответствуя ее темпу, когда она пересекает лес в направлении лагеря.

- Поторапливайся, - произносит Эйтинне. Она очевидно практически бежит. - Деррик возвращался к тем солдатам, что ты убила, чтобы сплести еще одну скрывающую защиту на них, но они исчезли.

То как она произнесла это, наполнило меня ужасом.

- Я так понимаю, это значит, что Киаран нашел их.

- Он подумает, что я объявила войну. Если он еще не послал своих солдат, то отправит сейчас- она мотает головой. - Нам нужно подготовиться.

- Ты не можешь просто отказаться от сражения? - она идет так быстро, что мне приходится бежать трусцой, чтобы поспевать.

- Нет, - отвечает просто. - Кадамах не собирается давать мне выбора. Если я не убью солдат, они убьют моих подданных. Есть несколько лагерей, рассеянных по моей территории, на которых стоит защита от открытия порталов. У меня не будет возможности вовремя до них добраться.

Мы достигаем границы лагеря и направляемся к ряду домиков.

- Сколько времени у нас есть?

- Несколько часов максимум, - говорит она. – Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы отправить тебя через портал повидаться с Кадамахом. - она стреляет в меня взглядом. - Сделаешь все, что потребуется, чтобы добраться до него. Используй угрозы, если понадобится.

"Что если я вообще не смогу пробраться к нему? Что если тот сон всего лишь самообман?"

Не рассказываю Эйтинне о своих сомнениях. Вместо этого пытаюсь быть невозмутимой.

- Угрозы? Слишком просто. Если он не станет слушать, вызову его на дуэль и ударю по нему пару раз тупым предметом. Ему нравятся подобные штучки. - На самом деле, кажется, вспоминаю, что это было представлением Киарана как о флирте.

Эйтинне усмехается:

- Молюсь, чтобы однажды мне встретилась женщина, которая ввяжется со мной в бой, чтобы таким образом сказать "я люблю тебя". Она бы заняла все мое сердце.

Поднимаю бровь. Я знала дам, которые фантазировали друг о друге, но они только говорили об этом шепотом.

- Женщину, говоришь?

Она коротко смеется.

- Думаешь, Кадамах единственный, кто питает слабость к дамам в вооружении? Если бы ты не была его, я бы попросила тебя быть моей.

- Эйтинне, думаю, это, возможно, самое милое, что ты когда-либо говорила мне.

- Не смей рассказывать моему брату. Он никогда не перестанет подшучивать надо мной - она кивает в сторону своего домика. - Туда. У меня есть кое-что для тебя, а потом расскажу тебе, что узнала о Книге.

Эйтинне открывает дверь и хватает одежду с кровати.

- Надевай.

Окидываю взглядом свою собственную одежду, которую Деррик поспешно сшил для меня, когда прибыла в лагерь.

- А что не так с той, что я ношу?

Эйтинне вооружалась: маленькие кинжалы устроились на ее запястьях, один в ее ботинке.

- Она выглядит ужасно, - говорит она, проверяя остроту кинжала.

"Ох, ради Бога".

- Я готовлюсь сражаться либо с Киараном, либо с большой группой солдат. А не собираюсь на бал.

Эйтинне оглядывает меня с головы до ног и ухмыляется, как будто бы говоря "Айе, но ты выглядишь дерьмово".

- Когда мой брат увидит тебя, ты хочешь быть одета в эти грязные, вонючие одежды, испещренные дырками? - она морщит нос.
- Подожди, не отвечай на это. Он все еще может быть достаточно безумным, чтобы посчитать это романтичным.

Я закатываю глаза, но начинаю снимать свою шерстяную рубашку и штаны. Укороченные брюки, что Эйтинне дала мне, сделаны из мягчайшей кожи, садятся на мне, будто были сшиты специально для меня. Они сочетаются с высокими, мягкими кожаными ботинками, которые она передает мне.

Пальто, вероятно, самое прекрасное из всех, что я когда-либо видела: потрясающая порча с фееподобным узором запутанных вихрей, с золотыми застежками, вшитых прямо в него. Оно застегивается на талии пуговицами из прекрасного, полированного золота. Это пальто сделано для королевских кровей — сделано для королевы.

Мешкаю, прежде чем надеть его.

- Деррик сделал его для тебя, верно?

- У него похоже было неверное убеждение, что надену его на коронацию, что никогда не случится. - Эйтинне легкомысленно передергивает плечами, но я вижу намек на беспокойство в этом. - Я, вероятно, надену его на свои собственные похороны, если мы не найдем Книгу.

- Эйтинне...

- Айлиэн, - говорит она со вздохом, - Это всего лишь пальто. Надевай эту чертову вещь.

Я делаю так, как она говорит, сохраняя тишину, когда она передает мне ножны с моим, созданным с помощью крови, мечом, уже находящимся внутри. Я кладу их на кровать рядом с моими брошенными штанами.

- Что если Киаран не станет слушать меня? У нас есть запасной план?

- Используй свои силы на нем. - Эйтинне прикрепляет еще один меч к талии. - Швырни его в дерево, как и меня тогда.

- Разве мы уже не выяснили, что Киаран находит подобные штучки привлекательными? Он подумает, что... - махаю рукой, неспособная подобрать деликатного слова к тому, что собиралась сказать. О, ради всего святого. Каким образом еще умудряюсь думать о правилах приличия сейчас?

- Что ты намекаешь ему, чтобы он сорвал с тебя одежду?

- Эйтинне!

Она лучезарно улыбается.

- Когда ты увидела меня на поляне, моя сила позвала твою, не так ли? - на мой кивок, она продолжает, - С Кадамахом будет тоже, самое. Сила Кайлих узнает свою собственную. - затем еще тише, - И это будет еще проще, потому что он твой любовник.

Неосознанно тянусь к шее, прижимаясь пальцами. Воспоминания того сна еще не исчезли. Тепло губ Киарана на моем горле. Давление его зуб, погружающихся в мою кожу. Шепот его слов у моей шеи.

"Если бы ты была жива, ты бы желала моей смерти".

- Ты отвлекаешь меня, Эйтинне. Достаточно уже о безумном представлении твоего брата, о романтике. - не могу думать о Киаране, не после этого сна. Не могу. - Расскажи мне о Книге. Твой доверенный сказал, где она?

Эйтинне выглядит задумчивой.

- Что-то в этом роде - она корчит гримасу. - Очевидно, ее нигде нет.

Я останавливаюсь, застегивая пальто.

- Прошу прощения?

- Как я уже сказала, ее нигде нет. Книга — теперь она

ухмыляется, так что это должен быть хороший знак. — Где-то еще.

Да чтоб тебя. Собираюсь убить ее. Страсть фейри к загадкам - это то, чего никогда не пойму.

- Ты специально пытаешься разозлить меня?

- Ты знаешь, что когда становишься нетерпеливой, издаешь эти щелкающие звуки зубами, как раздраженная кошка? Это довольно очаровательно. - Моего взгляда было бы достаточно, чтобы содрать кожу с обычного человека, но Эйтинне могла быть кем угодно, но только не обычной. - Что я имела в виду так это то, что Книга не в этой реальности.

- Не в реальности фейри? - спрашиваю, подумав о том месте, где Лоннрах держал меня. Это не то место, куда бы захотелось попасть снова. Едва выбралась оттуда в первый раз.

- Нет. Согласно моему источнику (который очевидно, очень старый, сильно не трезвый блуждающий огонек, с наибольшими медовыми проблемами, чем у твоего пикси) Книга спрятана в другой реальности для ее собственной безопасности. Согласно нашим сказаниям, любой фейри, сумевший добраться до нее, обладал бы небывалыми возможностями. Он мог бы управлять временем.

Я замираю.

- Управлять ... - Я сжимаю Эйтинне за запястье. - Такое возможно или нет?

- Я не знаю. Я...

- Что огонек говорит? - требую я.

Звучу полубезумно, но мне нужно знать. Неужели она не понимает? Если это правда, это все изменит. Мы могли бы обратить вспять ход событий, предотвратить уничтожение всей Шотландии и других мест. Смогли бы вернуть Эдинбург. И смогли бы вернуть всех назад. Моего отца. Маму Гэвина и Кэтрин. Мою маму.

- Айлиэн. - голос Эйтинне спокоен. - Знаю, о чем ты думаешь, и я не знаю этого наверняка. Единственное, что огонек смог сказать мне, что, если кто-то владеет Книгой, это делает его более могущественным, чем моя мать.

Считается, что первая Кайлих создала миры — оба, человеческий и фейский. Драматические пейзажи Шотландии возникли благодаря ее невероятной силе; некоторые утверждали, что она сформировала горы и реки, благословила шотландцев плодородными землями.

Эта сила передавалась поколениями в ее роду до последней Кайлих, которая отдала ее силу мне, человеку, которого презирала. И она сделала это, потому что умирала: ей необходимо было передать ее кому-то, а ее дети возненавидели ее.

Поэтому, так уж получилось, что я оказалась удобным сосудом, для удержания ее сил, которые медленно убивают меня. Отпускаю запястье Эйтинне.

- Расскажи мне все, что сказал огонек.

- Он сказал, что это было задолго до того, как первая Кайлих стала монархом фейри, Старое Королевство управлялось другой королевой. Она была сестрой Кайлих.

Я сажусь на ее постели, чтобы натянуть ботинки.

- Почему у меня такое чувство, что это хорошо не закончится?

Эйтинне выглядит будто ее это забавляет.

- Мой вид создает много шума по поводу, что мы лучше людей, но когда дело доходит до власти, у бессмертных нет иммунитета от жадности. Мы не похожи на лобстеров.

В этом есть смысл. В конце концов, я встречалась с множеством фейри, которые...

- Подожди, что?

- Лобстеры, - повторяет Эйтинне, просто на случай, если не расслышала ее, и я, на самом деле, надеялась, что ослышалась. - Я слышала, будто они с биологической точки зрения бессмертны, - объясняет она, - и не подвержены жадности. И они забавно выглядят, так что решила, что они мои любимчики.

- Во-первых, - говорю я, - Не думаю, что это правда. Во-вторых...

- Ну может это и не правда, но что ты думаешь о лобстерах в качестве домашних питомцев? - внезапно спрашивает Эйтинне, как будто долго и усердно раздумывала над этим. - Раньше у меня был сокол..

- Эйтинне. - я щипаю переносицу. Эти две тысячи лет, что она провела под землей, действительно повлияли на ее сосредоточенность. В одну минуту она собрана, в следующую - болтает о лобстерах и сводит меня с ума. - Ты снова отвлекаешь меня. Как ее звали?

- Сокола? А, ее звали..

- Сестру Кайлих. - да чтоб все взорвалось. - Солдаты наступают. Надвигается война. Наша возможная гибель. Рассказывай быстрее.

Эйтинне машет рукой, как будто бы это незначительная деталь.

- Тогда она звалась как-то по-другому, но она запомнилась, как Морриган.

Это имя не незначительная деталь. Это имя не заслуживает того, чтобы на него махнули рукой, как бы говоря, "оу, это просто, какой-то там".

То немного, что знаю о Морриган, - только из легенд, но этого определенно достаточно, чтобы оставить ужаснейшее впечатление. Как и Кайлих, Морриган считалась божеством — могущественным созданием войны. Хотя Кайлих и способна на жестокость, существует множество историй, рассказывающих о ее небольших актах доброты.

У Морриган не было проявлений доброты. В сказаниях она известна смертями и разрушениями, которые вызывала.

Она была фейри, которая практически стерла человеческую расу с лица Земли.

Глава 13.

— Помнишь то плохое ощущение? — спрашиваю Эйтинне.

— То, которое у тебя было мгновение назад?

– Точно. Это чувство. Оно только что стало хуже, – протяжно вдыхаю. – Дай-ка, угадаю... И я это говорю исключительно потому, что это худшее, что приходит мне на ум, раз уж у меня привычка притягивать неприятности. Это же Морриган написала эту проклятую книгу?

– Боюсь, что так, – Эйтинне озабоченно смотрит на меня. – Тебя же сейчас не стошнит? Подать ведро?

– Просто расскажи мне о Морриган и Книге.

Она присаживается рядом со мной на кровать.

– Она начиналась, как история фейри. В ней рассказывалось, как мы появились, про наши великие семьи, география Старого Королевства. Когда Морриган стала монархом, она стала использовать ее, как свою книгу заклинаний, – она печально улыбнулась. – Знаешь, что Морриган была первой Благой Королевой? Она любила знания. Но чем больше она записывала, тем больше Книга становилась созданием, независимым от своего создателя.

Я тяжело сглатываю, мне не нравится, как это звучит.

– Что это значит?

– У нас есть поверье, – говорит Эйтинне, – что, если ты вложишь достаточно силы и значимости в объект, со временем, он может обрести свою собственную жизнь. Он может стать силой, способной использоваться для великих вещей... ужасных вещей, – ее сосредоточенный взгляд встречается с моим. – Ты видела, как это произошло с кристаллом. Как Сорча смогла спроектировать через него достаточно силы, чтобы завладеть моей. Если так делать много раз, объект становится наполненным силой.

Кристалл. Когда-то он был частью Старого Королевства, единственная реликвия, оставшаяся от него. Все считали, что он был потерян, на самом деле он был закопан под королевством пикси. Кристалл был настолько могущественным, что пикси были способны создавать маленькие миры, строя их по капризам Хозяев.

Тут же ощущаю шрам под рубашкой, кончики пальцев упираются в неровности кожи. Когда Лоннрах выяснил, где находится кристалл, он уничтожил королевство пикси и откопал его в надежде использовать силу кристалла, чтобы украсть мою. Вместо этого Сорча использовала его, чтобы превратить Киарана обратно в Неблагого короля.

В ночь своей смерти, я пыталась уничтожить кристалл. И потерпела неудачу.

– Кайлих использовала кристалл против Морриган? – спрашиваю я, пытаюсь удержать свои эмоции вдали от голоса. Иногда мои воспоминания слишком сильные, чтобы вынести их. – Она свергла ее?

– Нет. – Эйтинне резко качает головой, – Морриган была слишком сильной, пока у нее была Книга. Она становилась более жестокой, с ненасытным желанием войны. Благие силы, которые у нее были, обернулись нечто темным, и она стала первой Неблагой. Одарила верных подданных теми же способностями. Они обернулись в Неблагих придворных.

– Знаю, ты считаешь, что моя мама была безжалостной, но она, по мнению многих, была справедливым монархом. При всех ее недостатках, она принесла процветание для обоих Дворов, когда пришла к власти. Королевство Морриган было сформировано во тьме. Ее власть была абсолютной, и с Книгой на ее стороне, никто не мог бросить ей вызов.

– Но Кайлих сделала это.

– У нее не было выбора, – объясняет Эйтинне. – В королевствах росли недовольства. Шел разговор о мятеже, и мои предки знали, что будут все убиты, если попытаются. Кайлих была единственной достаточно сильной, чтобы сразить Морриган.

Ее собственная сестра. Прямо как каждая другая Кайлих после нее, родственники убивают родственников. Точно так же Киаран и Эйтинне должны поступить.

– И она это сделала?

– Отсюда истории разнятся. Неизвестно, то ли супруга Морриган предала ее, то ли Кайлих ее использовала, чтобы заманить Морриган в тюрьму между мирами, но Книга была спрятана где-то в том месте. Некоторые говорят, что Морриган нашла Книгу и все еще живет там. Другие – что исчезновение Морриган означает, будто Кайлих, должно быть, преуспела в убийстве, – Эйтинне приподнимает плечи, пожимая ими. – Огонек не был уверен. Он просто знал, что ...

Эйтинне смотрит в сторону. Мне не нужно видеть выражение ее лица, чтобы понять, что глаза влажные.

– Эйтинне? Знал что?

– Прежде чем Книга исчезла, Морриган использовала ее, чтобы заставить Кайлих страдать, – равнодушно говорит Эйтинне. – Последнее, что она написала, было проклятием: «Каждая Кайлих рождает двух детей, наделенных силой, один с даром смерти, другой с даром жизни. Самый могущественный должен унаследовать трон, но только, когда убьет другого. Снова, снова и снова – вечно. А если они попытаются сбежать от судьбы, написанной для них в этой Книге, они разорвут миры на части».

Разгневанная Эйтинне стоит спиной ко мне, руки сжимаются в кулаки.

– В каждой версии этой истории последние строчки, что она написала, одинаковы, – Эйтинне смотрит на меня, ее челюсть сильно сжата: – «Поскольку это началось смертью, то и закончится должно смертью, пока не настанет день, когда дети Кайлих столкнутся с судьбой с истинной ложью на их губах, пожертвуют тем, что ценят больше всего: их сердцем».

Истинная ложь на их губах. Никакого обмана. Никаких манипуляций. И фейри не могут лгать.

– Значит, никогда, – говорю я. – Она могла с тем же успехом написать, что «ничто не сможет отменить это проклятие».

– Когда создаешь проклятие, нужно предоставить способ, чтобы сломать его, – грустно произносит Эйтинне. – Как ты уже догадалась, у нас, sìthichean, есть творческие пути обходить наши ограничения. Морриган была очень умной.

– Худшие фейри обычно такие и есть.

– Так что мы найдем ее, – Эйтинне хватает мой меч в ножнах и прижимает к моей ладони. Ее взгляд насыщенный, как плавленное

серебро. Такой, как бывает у Киарана перед сражением. – Мы найдем эту проклятую Книгу и вернем твой мир назад таким, каким он был, и перепишем это проклятие.

Смотрю вниз на свой меч, боясь задавать следующий вопрос.

– А если нет?

Эйтинне вздрагивает.

– Если дело дойдет до выбора он или я, согласно проклятию, это буду я, – говорит она. Затем более тихо: – Но я провела две тысячи лет, заключенная в темницу и замученная. Я не готова умереть. Не тогда, когда чувствую, что едва пожила.

– Я не позволю этому случиться, – твердо говорю я. – Огонек рассказал, как найти ее?

Она мешкает.

– Тебе это не понравится.

Прежде чем я успеваю спросить, что она имеет в виду, через дверь влетает Деррик. Ему было сложно остановиться, кончики его крыльев сияют красным.

– Солдаты пересекли границу, и они приближаются слишком быстро, чтобы отослать Айлиэн, прежде чем они доберутся до сюда, – он смотрит на меня. – Сейчас самое время тебе развязать свою устрашающую силу и убить их всех.

Эйтинне уже закрепляет свой меч на бедре.

– Кадамах с ними?

Крылья Деррика гудят столь же интенсивно, как у стрекозы.

– Я не знаю. Я очень надеюсь, что нет.

Не пропускаю то, как Эйтинне бросает на меня беспокойный взгляд. Если Киаран там с солдатами, это значит, что война начнется здесь. Прямо сейчас. Может быть и элемент неожиданности, и мое присутствие там окажется достаточным, чтобы он отозвал их, но в мгновение, когда он увидит меня с Эйтинне — живую и готовую к бою — он решит, что я выбрала свою сторону.

– Тут уж ничем не поможешь, если он там, — произносит Эйтинне.

– Мы должны найти для Кэтрин, Гэвина и Дэниэла какое-нибудь безопасное место, — говорю.

Эйтинне скользит в свое пальто и с забавным выражением смотрит на меня.

– И куда же они пойдут? — спрашивает меня. — Если война начнется, нигде не будет безопасно во время Дикой Охоты, — когда я не отвечаю, она хватает меня за плечо. — Люди возьмут лошадей и поведут солдат подальше от остальных лагерей. Это их сражение точно так же, как наше.

"Этот мир не твое бремя. Оно принадлежит всем нам."

Знаю. Знаю. Но если они ввяжутся в бой, то не выживут. Беспомощно смотрю на Деррика.

Его черты лица смягчаются.

– Я приведу их сюда обратно живыми. Ладно?

Вытягиваю руку и поглаживаю его крылья в благодарность.

– Будь осторожен.

– Если ты уйдешь, прежде чем я вернусь, ты тоже будь осторожна. – вздыхает, прежде чем добавить: – Не давай себя убить, лишь бы спасти его.

Гэвин встречает нас снаружи домика, я замечаю, что он несет оружие, словно тренировался для этого.

Бросает взгляд на мой меч и уголки его губ ползут вверх.

– Теперь этот вид приносит некоторые воспоминания. Хотя, признаю, скучаю по разорванным платьям. У брюк просто нет того самого оттенка безрассудного безумия.

Я закатываю глаза.

– Поверить не могу, что ты флиртуешь со мной прямо перед сражением. Что случилось с Задумчивым Гэвином?

– У Задумчивого Гэвина был город, который нужно защищать, – отвечает он. – Все, что у меня есть сейчас – моя собственная задница. Ох, и это виски, – он распахивает пальто и бутылка прямо там, во внутреннем кармане. Он на самом деле настроен сохранить этот единственный дерьмовый виски.

– Это нелепо, – говорю ему.

Эйтинне впрочем, засияла, когда увидела это.

– Слава Богу, – произносит она. – Сохрани капельку для меня. Всегда любила пропустить виски, после того как заканчиваю с убийствами.

Боже помоги мне. Или убей меня сейчас. Просто избавь от этого мучения.

Слышу быстрое цоканье копыт позади себя. Это Кэтрин и Дэниэл торопятся показаться из-за деревьев с тремя фейрийскими лошадьми, оседланными и готовыми выдвигаться.

– Держись меня, – говорит Дэниэл Гэвину, – не делай ничего чертовски глупого, ладно? Не как в прошлый раз.

– Ты же знаешь меня, старик, – отвечает Гэвин, забираясь на свою лошадь. Деррик усаживается на его плечо, крылья сложены, – чертовски глупое – это единственный мой план Б.

Дэниэл оглядывает меня, оценивая одним глазом.

– Хорошо, что ты вернулась, – все, что он произносит. Затем он взбирается на свою лошадь и Кэтрин делает то же самое. Мы все говорим наше "прощай", прежде чем фейрийские лошади срываются с места так быстро, что расплываются в глазах. Даже не слышала их, когда они исчезли в темноте леса.

Эйтинне и я ждём и прислушиваемся.

Через несколько минут я ощущаю солдат,двигающихся через лес. Посылаю робкий, поисковый импульс силы. Несколько солдат подались в направлении, куда отправились люди и Дэррик, но Киарана с ними нет. Слава Богу.

Хотя солдаты, должно быть, почувствовали меня, потому что их сила оттолкнула мою, предупреждая: "мы идем за тобой".

Краешком глаза вижу хмурую улыбку Эйтинне в ответ. "Мы готовы".

Глава 14

Пока солдаты приближаются, их сила отзывается жаром на моей коже. Сгусток энергии, от которой воздух становится жарким, тяжелым.

В отличие от фейри, с которыми я столкнулась в лесу, они не пытаются скрыть свое присутствие. Объявляют о нем с каждым шагом. Они кричат об этом. Это дерзкое вторжение фейри, которые понятия не имеют, чему противостоят. Не понимают, что они, вероятнее, будут первыми жертвами войны. Будут объявлением ее.

Моя сила разворачивается, тьма позади моего подсознания только и ждет, чтобы ее развязали. Ждет времени убивать.

"Подходите ближе".

Когда фейри достигают окраины лагеря, моя сила ревет. Требует. Она заперта внутри слишком маленькой костяной клетки. Когда они наконец-то выходят из-за деревьев, едва могу ее сдерживать.

"Жди ... Жди ..."

Эйтинне кладет руку на мое предплечье, словно чувствуя мою борьбу. Ее сила оборачивается вокруг моей, чтобы удержать на месте. В ее взгляде выдержка, терпение, которое я не ожидала увидеть перед сражением.

"Удерживай".

Фейри окружают нас, их глаза горят, как маяк во тьме. Моя сила ощущает двадцать сердцебиений. Двадцать вдохов и выдохов,

дышащих в унисон.

Двадцать глупых фейри-суицидников, которые не доживут, чтобы увидеть утро.

Шагаю вперед, но захват Эйтинне становится сильнее.

– Подожди, – говорит мне тихим голосом. Затем громче, чтобы другие слышали: – Вы вторглись на мою территорию.

Неблагие впереди засмеялись. Низким грубым кряхтением, доносящимся из глубин горла.

– Мы знаем.

– Вижу, – голос Эйтинне звучит спокойно. Так спокойно. Практически будто ей их жаль. – Тогда вы, должно быть, осведомлены, что Кадамах решил отправить вас на смерть.

Они остаются неподвижными, безучастными. Возможно, еще не научились тому, каково это – чувствовать. Может быть, Киаран научил их тому, чему сам обучался в Неблагом Дворе: что эмоции – это слабость.

– Вы молоды, – говорит она пренебрежительно. – Только что созданные.

– К чему это? – спрашивает один из них.

– Это не ваша вина, что он отправил вас на смерть, – пожимает плечами она. – Он запросто может сделать еще больше солдат. Вы – расходный материал.

Резко бросаю взгляд на Эйтинне.

"Что ты делаешь?"

Ее выражение лица говорит обо всем, она дает им возможность поменять стороны. Спасти себя. Они заняли место в войне, которую никогда не начинали, в той, что началась тысячи лет назад.

"Эйтинне – добрейший монарх. Она лучший монарх. Он просто тот, кто сильнее. Она должна жить".

Ни один из фейри не отвечает. Их уверенность непоколебима; они готовы умереть, если придется. Киаран, должно быть, хорошо их натренировал. Очевидно, он так и не потерял свою безжалостность.

Фейри впереди достает меч из ножен и остальные следуют

примеру. Они заявляют о своей преданности. Женщина-солдат мчится прямо на Эйтинне, как полная дура с желанием умереть.

Эйтинне не мешкает. Хватает солдата за шею, как неразумного дитя и удерживает на месте, не прикладывая к этому усилий. Я вздрагиваю, когда солдат издает гортанный задыхающийся звук.

– Последний шанс, – говорит она другим. – Выберите мою сторону и живите, или умрите прямо здесь. Прямо сейчас. Как пушечное мясо вашего короля.

Их молчание стало ответом. Когда ни один из них не шагнул вперед, Эйтинне сжала зубы.

– Ладно.

Она сильнее хватается за шею солдата и запускает меч прямо в живот. Затем делает выпад на другого фейри. Эйтинне захватывает сражение. Она режет одного, вращается, режет другого.

Занимаю свое место возле нее. И это ощущается так, будто я вернулась домой.

Смерть в моей крови. Дышу ей как кислородом. Тьма во мне ревет в ответ, наполняя силой каждый удар моего меча, проталкивая лезвие через мышцы и кости. Их энергия наполняет меня, одна за другой. Питаюсь каждым убийством. С каждым становлюсь сильнее, более могущественной.

Сражение проходит так быстро, словно время приостановилось. Деррик хотел, чтобы я стала той, которая была в лесу, но с моими вернувшимися воспоминаниями я нечто другое. Я – это я, только быстрее и более эффективная. Убиваю с той скоростью, с которой огонь распространяется по лесу. Ничто не может меня остановить. У них даже нет шансов закричать.

Тьма во мне растет. Каждый взмах меча заставляет ее реветь в ответ, заставляет кричать. Сила Кайлих боевым кличем откликается в моей крови, в костях. Мое сердце поет.

В поле зрения остается последняя фейри, меч у ее горла...

– Айлиэн!

Что-то в этом голосе заставляет меня приостановиться.

– Айлиэн, – снова говорит она медленно, осторожно. Как будто я

животное в диких условиях ... Смертоносное.

Тяжело дышу, когда тьма проясняет мое зрение.

Я прижимаю к дереву Эйтинне. Собираюсь убить ее. Это Эйтинне с другой стороны моего меча, со струйкой свежей крови у основания шеи... напоминание о том, как близко я подошла к ее убийству.

– Все в порядке, – говорит она, когда видит взгляд на моем лице.
– Все в порядке. Ты в порядке.

"Нет. Нет, не в порядке. Я чуть не убила тебя и перед этим чуть не убила Деррика, и я не в порядке. Я не..."

Жгучая боль взрывается в висках. Отшатываюсь назад. Весь кислород покидает легкие, и внезапно мне стало не хватать воздуха.

– Айлиэн!

Падаю, понимаю, что пальцы зарываются в землю, когда прихожу в себя. Требуется время, чтобы мое расплывающееся зрение прояснилось.

Внезапно мои губы стали влажными. Вытягиваю язык и пробую вкус, ощущая металлический привкус крови, идущей из носа.

– Эйтинне, – выдыхаю я. Это все, что мне удастся. От страха ускоряется пульс.

"Я могу вернуть тебя к жизни но, в конечном счете, моя сила убьет тебя".

Началось. Чувствую это. То, как мое тело слабеет. Теперь, когда тьма ушла и моя сила взаперти, меня трясет от нее, я устала. Так устала, что не могу двигаться.

"Что делают люди лучше? Они умирают".

Эйтинне располагается рядом со мной и нежно приподнимает мой подбородок, чтобы лучше рассмотреть.

– Тебе нужно быть более осторожной, когда отправишься на поиски Книги. Пользуйся своей силой в исключительных случаях или она разорвет тебя на части.

Отворачиваюсь от ее касаний.

– Сколько у меня времени?

– Зависит от того, – говорит аккуратно, – как будешь ее использовать. Если как сейчас, то недолго. А если не так, то возможно у тебя будет...

– Эйтинне, – "Дыши, девочка. Просто дыши". – Сколько?

– Несколько дней, – она отводит взгляд

"Несколько дней. А затем я снова умру".

Я посмеялась в лицо Кайлих, когда она сказала, что ее сила, в конечном счете, меня убьет. Конечно же, есть цена за возможность вернуться обратно. Всегда есть цена. Но я не предполагала, что в этот раз последствием того, что мы не найдем Книгу, будет не только моя смерть: всем, кого люблю, придется оплакивать меня еще один раз.

"Может быть, это твое проклятие, Айлиэн Кэмерон. Каждый, кто любит тебя, обречен наблюдать, как ты умираешь, снова и снова".

Глава 15

"Сосредоточься на чем-то еще. На чем-то, что ты контролируешь."

Смотрю на фейри, которых мы с Эйтинне только что убили.

– Ты правда думаешь именно так, как сказала? Что Киаран создал их только для того, чтобы их здесь убили?

– Думаешь, только то, что он снова носит титул Короля, изменит те две тысячи лет, которые он охотился на свой собственный вид? – видя, что я хмурюсь, не понимая, выражение лица Эйтинне ожесточается. – Он ненавидит их.

"Я сделал тебя такой же, как я."

Киаран сказал мне это однажды, и сейчас я задаюсь вопросом: был ли он неправ? Может быть, не он сделал из меня такую же.

Может быть, это я заставила его сильнее ненавидеть фейри.

– Он не должен быть Королем, – говорю я. Мне ненавистно то, как по-детски это звучит. Как по опасному наивно. Я знаю лучше кого-либо другого, каково это быть принужденным к роли, которую никогда не хотела. Он не выбирал того, чтобы быть Королем. Я не выбирала того, чтобы быть Соколиной Охотницей. Это было не более чем случайность при рождении.

По выражению лица Эйтинне, держу пари, что она так же думает обо мне.

– Когда Сорча восстановила его силы, она украла у него выбор. Он и я больше не можем игнорировать тот факт, что один из нас должен умереть, – она поднимается на ноги и предлагает мне руку. – И сейчас мне нужно, чтобы ты отсрочила нашу войну.

Принимаю ее руку и следую за ней в лес. И хотя темп Эйтинне быстрый и уверенный, маленькие морщинки выдают ее обеспокоенность. Практически говорю ей, что сожалею. Если бы помнила прошлое, когда Кайлих вернула меня обратно, никогда бы не стала убивать тех других фейри. Теперь же подтолкнула Эйтинне отправится на войну с Киараном.

"Она – девушка, чей дар – хаос. Куда бы она ни пошла, смерть следует за ней".

Полагаю, ничего не могу с этим поделать, верно? Разрушила мир, а теперь начала войну. Это мой дар. Мое предназначение. То, для чего была рождена.

– Расскажи мне, что нужно делать, – прошу я. Игнорирую дрожащую слабость в моем теле и подталкиваю себя через боль.

– Тебе нужно привлечь внимание Кадамаха. Он должен быть в настроении выслушать тебя, – она останавливается, задумавшись. – Я так думаю.

– Ты так думаешь?

Эйтинне вздыхает и отводит взгляд.

– Он оставил мне еще одного человека этим утром. Значит, он недавно покормился, – ее голос низкий. – Он будет более ... управляемым.

Еще один человек присоединился к остальным в коттедже. Еще одна жизнь ушла.

– Как надолго?

– Он, наверняка, продержится дольше, потому что любит тебя, или нет, потому что ты человек. Я не уверена, – взгляд Эйтинне ловит мой. – Неважно, каким нормальным он может казаться поначалу, его голод всегда побеждает. Всегда. Помни это.

Я игнорирую волну страха, которую приносят ее слова. Мне нужно, сосредоточиться на первостепенной задаче.

– Как мне привлечь его внимание?

Эйтинне медленно и ярко улыбается; очевидно предпочитает вернуться к более комфортной теме.

– Ну, если хочешь моего совета, убей его солдат. Он непременно заметит, когда они все умрут снаружи его ворот. Вероятно, будет наблюдать и снова влюбится в тебя.

– Черт побери, никогда не буду спрашивать у тебя романтического совета в будущем. "Просто убей всех его солдат, Айлиэн", – имитирую фальцетом, закатив глаза. – Расскажи мне, как найти Книгу.

Кажется, будто ей весело.

– Хорошая новость в том, что путь к Книге проходит через дворец. Ты можешь использовать силу кристалла, чтобы открыть проход.

– А плохая? – мне это не понравится.

Эйтинне продолжает идти вперед.

– Ты должна найти какой-нибудь способ захватить Сорчу. Только феири из ее рода способны найти портал, который ведет к Книге.

– Эйтинне, – произношу ее имя очень, очень осторожно. – Ты говоришь, что я должна привлечь на свою сторону феири, которая убила меня, чтобы та помогла мне найти Книгу?

– Ну, да. Консорт Морриган имеет родство с Сорчей и Лоннрахом. Огонек дал ясно понять, что ее кровь – ключ к тюрьме. Она тебе понадобится. Живой, к сожалению.

Я выругалась. Громко. Конечно же, это будет их предшественница. Конечно же. Ужаснейшие вещи. Всегда. Случаются. Со мной.

– Даже если Киаран согласится на этот план, никогда не смогу

уговорить Сорчу помочь.

– Тебе не нужно уговаривать ее. Закуй в цепи. Захвати ее, – Эйтинне пожимает плечами. – Если она начнет раздражать, врежь ей. Когда придет время, используй свою силу, чтобы дать мне знать, и я помогу тебе с ней. Мне не терпится врезать ей в нос.

– Нам обеим, – мямлю я.

Сорча и Лоннрах – оба уничтожили меня различными путями. Сорча убила мою маму и, в конечном счете, меня тоже. Мне снились кошмары с ее участием. Я отслеживала ее убийства. Она стала причиной, по которой я бросила все, чтобы стать той, кем являюсь сейчас.

А Лоннрах... он практически сделал то, что не смогла она: он пытался сломать самую мою душу – и почти преуспел в этом. Следы от его зубов, может, и не видны сейчас на моей коже, но эффект от них не исчез.

Я провела только два месяца, плененная им, в реальности фейри, это эквивалентно трем годам в человеческом мире. Но каждый день длился так долго, что у меня просто пропало чувство времени. Он вломился в мой разум, чтобы найти информацию, которую можно использовать против меня, извлекая ее с помощью моей крови. Он пронзал мою кожу своими зубами, день за днем, снова и снова. Его укусы оставили сотни шрамов на моих руках и ключице. Вмятины, которые содержали драгоценные воспоминания.

Потом эти воспоминания исчезли из моей головы, как старые гравюры, стирающиеся со временем. Чтобы снова вернуть их в памяти, мне приходилось ногтями вбиваться в шрамы только для того, чтобы вспомнить, кем я была. Они были всем, что у меня оставалось.

Зажмуриваюсь. Я должна сделать это для Киарана и Эйтинне. Для Кэтрин и Гэвина, и тех людей в коттедже Эйтинне, которые не выбирали свою судьбу. Должна сделать все, что потребуется, чтобы найти Книгу и вернуть им их жизни. Я не подведу их снова.

– Ненавижу это, – ворчу я.

– Правда? А я отлично провожу время, – улыбаясь произносит Эйтинне.

– Это потому что ты сумасбродная.

– Уверена, что ты хотела сказать "великолепная".

Она ведет меня обратно к краю утеса. В этот раз, когда смотрю вниз на замок Киарана, солдаты все еще держат строй. Как будто бы в ожидании дальнейших инструкций. Мы должны действовать сейчас.

– Ты же не намереваешься открывать портал на полпути вниз?

Эйтинне смотрит, словно раздумывает над этим. На мое возмущенное выражение лица, просто подмигивает мне.

– Я сделаю его здесь, – она жестом указывает на солдат. – Будь готова. Как только они почувствуют силу, нападут. Убедись, что не потеряешь контроль и не убьешь моего брата, как ты это недавно сделала со мной, – она улыбается. – Просто.

Верно. Всего лишь сражение с четырьмя десятками солдат, чтобы привлечь внимание моего любовника, который может быть или может не быть злым, в зависимости от того, в каком настроении он находится.

– Знаешь, – легко произношу я, – Думаю, нам нужно обдумать твое использование слова "просто". Всего лишь предлагаю.

– Я тщательно рассмотрела твое предложение и решила проигнорировать его, – она шагает назад с улыбкой. – Готова?

Вспомнила другой портал, который Эйтинне открыла для меня, чтобы переправить между островами.

– Ты же не собираешься вновь практически раздавить меня ветками деревьев?

– Нет, нет. Раздавим тебя водой.

С этими словами она поднимает руку, словно маня что-то. Вода поднимается из моря, выше и выше, прямо к небу, пока не начинает течь с силой водопада. Поток оборачивается вокруг меня, движение воды стремительно, как у реки, протекающей в воздухе. Она накрывает меня, туман разбрызгивается по одежде, коже.

Прямо перед тем, как меня полностью накрывает, Эйтинне говорит:

– Удачи. Буду ждать от тебя вестей.

Затем меня полностью поглощает вода. Течение настолько оглушительно, что любые звуки приглушены. Сильнее сжимаю меч, готовая ко всему. Тело в боевой позиции.

Затем, внезапно, все проясняется. Эйтинне отправляет меня прямо в середину солдат, не сомневаюсь, что нарочно. Тишина накрывает их. Они все напряглись.

Моя сила с насмешкой хлопает их по плечам. Прямо здесь.

Они атакуют разом. Боже, они быстрые. Быстрее, чем фейри в лесу. Эти, должно быть, лучшие солдаты Киарана, потому что двигаются прямо как я. Как будто они были натренированы для этого. Натренированы на меня.

Сила Кайлих подталкивает меня воспользоваться ею. Все, что мне нужно было сделать – отпустить ее, и я могла бы уничтожить этих солдат за минуту. Несколько секунд, если бы хотела покрасоваться. Это было бы так просто. Все, что мне нужно сделать отпустить ее.

"Пользуйся своей силой в исключительных случаях".

Наставление Эйтинне возвращает меня из забытья.

"Оставайся сосредоточенной, Айлиэн. Не поддавайся. Не умирай пока что".

Возможно, и медленнее без нее, но я никогда не нуждалась в силах Кайлих, чтобы в прошлом одерживать победы в сражениях. Мне нужно научиться заново, как использовать свое тело с человеческими ограничениями.

Каждое движение – открытие. Мои конечности буквально в огне, когда делаю блокировку, выпад и наношу сильный удар. Это – воздух в моих легких, распирающих от взволнованности. Мой кулак бьет в лицо фейри так сильно, что костяшки кровоточат. Это напоминание того, что могу сделать мечом, и как я изящна. И я красуюсь перед Киараном.

"Помнишь это? Помнишь нас? Ты однажды сказал, что я изящна в бою. Позволь мне показать тебе. Позволь мне напомнить тебе".

Мой меч поет. Сражаюсь так, будто танцую, соблазняя его, выманивая. Для Киарана, для нас, это то, как мы обольщаем. И могу чувствовать, что он наблюдает.

"Это я захожу в комнату. Чтобы задавать тебе раздражающие вопросы"

Когда все заканчивается, я смотрю вверх на замок, мое дыхание учащенное.

"Теперь позволь мне войти, упрямая задница".

Двери замка открываются с эхом, которое, должно быть, можно услышать через море.

Я улыбаюсь.

"Попался, Киаран Маккей."

Глава 16

Если с утесов замок казался кошмарным, то вблизи он выглядел еще более ужасающим. Под моими ботинками хрустит сухая, потрескавшаяся земля, когда я вхожу в ворота. С обеих сторон возвышаются массивные двери, высеченные из черного камня, которые ведут в темные глубины замка.

Ледяной ветерок растрепал мои волосы, и я подавляю волну дрожи. Это место выбивает из колеи. Нет ничего, что напоминало бы то, что осталось от прежнего дома Деррика – города пикси, который был переполнен жизнью. Этот замок был возведен прямо на обломках.

Ничего не осталось от того города. Словно, его никогда не существовало.

Внутри он пустой, как пещера. Вестибюль широкий с огромными арочными колоннами, ведущими к потолку, и освещенный мерцающими огоньками, зависшими в воздухе. Каждый сантиметр черных каменных стен покрывают символы фейри. Помещение освещено, странное мерцание энергии, которое возникает от каменных арочных проходов, похоже на то, как солнечный свет отражается в воде под определенным углом.

Стены дышат, как будто бы живые, как если бы все это место живое, спящее создание. Оно нервирующее и прекрасное, ужасающее и мрачно чудесное. Миллион различных противоречий. Как и все фейри.

– Маккей?

Никакого ответа.

"Ты пригласил меня внутрь, и теперь застрял со мной, Киаран Маккей. Тебе придется поговорить, если хочешь, чтобы я ушла"

Я пересекаю вестибюль и направляюсь к огромной деревянной двери, которая соединяет огромный холл с еще одной комнатой, такой же обширной и пустынной. В дальнем конце есть возвышение, указывающее на то, что это тронный зал. Но тут нет трона, никакого намека на то, что кто-то управляет дворцом вообще. По коже проносятся мурашки, когда я прохожу мимо свободного помоста.

Клянусь, я могу чувствовать возраст этого места, как будто он записан на стенах, гобелен власти, на котором изображены взлеты и падения первоначального дворца, откуда появился кристалл. Тогда это, должно быть, продолжение Старого Королевства. Не замененный дворец, а дом Морриган, возрождённый заново.

Вздрагиваю, когда эхо моих шагов разносится по залу. Очень громко: единственный звук в этом пустом помещении. Несмотря на свечи, парящие под потолком, воздух холодный. Как в руинах старого собора, заброшенном и наполненном давно забытыми воспоминаниями. Старое павшее королевство поднялось из обломков и разрушило другое.

– Маккей, – снова зову я, но по-прежнему никакого ответа.

– Отлично, если ты не хочешь говорить, то буду говорить я: это я убила твоих солдат в лесу. Твоя сестра не делала этого.

Ничего. Даже никаких шагов.

– Извинилась бы, но мне не жаль.

Вздыхаю от раздражения, когда опять не слышу ответа. "Черт побери, Маккей."

"Отлично. Если он не хочет говорить со мной, буду вести себя как у гостеприимных хозяев. Буду озвучивать раздражающие вопросы стенам, если придется".

Пересекаю тронный зал и вхожу в другую дверь, останавливаясь прямо у порога. Эта выглядит более обжитой. Уединенное место, обставленное мебелью. В дальнем конце комнаты окно, которое простирается от пола до потолка. Прямо перед ним – одинокое черное кожаное кресло. Практически улыбаюсь от воспоминания квартиры Киарана в Эдинбурге, которая кажется сейчас такой очень и очень далекой. Единственная мебель, что была у него в том месте – кресло, стол и кровать с теплыми шерстяными одеялами. Практично и немного комфорта, нежели роскоши.

Эйтинне права, он – создание привычки.

Подхожу к окну. Отсюда видны утесы материка, прямо то место, где волны обрушиваются на скалы, которые чуть ниже дворца. Скольжу кончиками пальцев по спинке кресла. Так легко могу представить его здесь, сидящим, слушающим, как море бушует внизу. Киаран всегда находил утешение в размеренности; мы оба находили. Это одна из причин, почему нам так хорошо было тренироваться вместе.

Слева от себя замечаю кровать. Кровать. Точно такая же кровать, какая была в моем сне, вплоть до резьбы в изголовье. Как такое возможно?

Слова Эйтинне возникают у меня в голове: "Сила Кайлих узнает свою собственную. И это еще проще, потому что он твой любовник".

Когда мои воспоминания нахлынули обратно, это, должно быть, помогло нашей связи. Кончики пальцев тянутся к шее. Несмотря на гладкую, непомятую кожу, давление его зубов не пропало. Так же как мое воспоминание об этой комнате. Тогда получается, что это был совсем не сон. Каким-то образом, моя сила соединилась с силой Киарана, и я увидела эту комнату еще до того, как моя нога ступила сюда.

Единственное различие – огромный стол, сделанный из тяжелого дуба, установлен прямо перед большим камином в дальнем конце комнаты. Отсюда можно рассмотреть расставленные на нем предметы.

Медленно подхожу к столу.

На нем лежит карта, сделанная из чего-то, похожего на дубленую кожу, а на ней расставлены старые шахматные фигуры, вырезанные из слоновой кости. Провожу по линиям на карте и узнаю

изгиб залива за замком, лес, через который проходила вместе с Дерриком, что простирается с восточной стороны острова. Каждая фигура сознательно расставлена по карте.

Пешка. Пешка. Пешка. Три фигуры лежат, как деревья в лесу.

Тяжело сглатываю, когда осознаю, что они отмечают разные лагеря на территории Эйтинне. Те, что он планирует атаковать первыми. Прямо в центре – Королева.

И ее корона отколота.

Тяжелая деревянная дверь позади меня закрывается, и я замираю. Чувствую его, стоящего там, так уверенно, словно он прикасается ко мне. Задерживаю дыхание и поворачиваюсь.

Киаран.

Глава 17

Киаран, еще более необыкновенный, чем я помню, каждым сантиметром ощущается Королем фейри, кем он и рожден быть. Его светящаяся бледная кожа контрастирует с мерцающими черными волосами. Свечение окружает его ореолом красного и золотого, создавая сбивающий с толку эффект ангельского присутствия. Но ангел никогда не смог бы выглядеть настолько опасным, по-зверски прекрасным. Ангел никогда не посмотрел бы на вас так, будто разрывается между желанием и жестокостью, между тоской и чем-то еще. Чем-то первобытным. Чем-то темным.

Замираю, когда наши взгляды встречаются. Его, когда-то яркие лиловые глаза, теперь холодные и окольцованы черным, словно по цветочным лепесткам разбрызгали чернила.

Не могу вспомнить, когда в последний раз была так не уверена в

нем, чтобы разрываться между тем, чтобы сражаться с ним, бежать от него или хотеть его. Всплыли внезапные воспоминания его губ на мне. Сейчас отлично помню это: страстный поцелуй и дрожащие руки, скользящие вниз по моим предплечьям, спине, бедрам. Звуки, которые он издавал, шепот его заверений у моей кожи.

Киаран неровно выдыхает. Интересно, он тоже вспоминает? Думает ли он о каждом слове, которые мы когда-либо сказали друг другу, о каждом обещании, что мы когда-либо дали? Интересно, видит ли он то место внутри меня, которое создал и которое принадлежит ему, и всегда будет принадлежать? И он не завладел им силой или по принуждению. Он уносил по маленькому кусочку, пока не унес слишком много, прежде чем я поняла, что отдала ему все свое сердце. Отдала ему всю мою душу. Я отдала ему каждую частичку себя, которая у меня была.

Киаран резко отворачивается в сторону, все его тело напрягается. Словно он берет над собой контроль, ну или, по крайней мере, пытается.

Затем он снова смотрит на меня, и выражение его лица слишком ровное, слишком сдержанное и нечитаемое. Хватаюсь за стол, не способная бежать. Не способная отступить. Не готовая сделать шаг вперед.

Голос Эйтинне в моей голове напоминает оставаться осмотрительной: "Неважно, насколько нормальным он может казаться по началу, его голод всегда побеждает. Всегда."

Он сейчас Киаран? Или Кадамах?

– Привет, – говорю я тихо.

Он целенаправленно шагает ко мне с суровым проблеском во взгляде. Угрожая? Не могу сказать. Не знаю. Хватаюсь за рукоятку

меча в предупреждении, но он и взгляда не ведет на это.

"Его голод всегда побеждает. Всегда."

Вытаскиваю лезвие из ножен. На расстоянии дыхания, кончик прижимается к основанию его шеи.

Киаран замирает. Он пристально смотрит в мои глаза, и выражение его лица смягчается.

– Кэм, – шепчет он.

Это все, что мне нужно услышать. Единичный слог, как заявление между нами, признание. "Я скучал по тебе", и "Я все еще здесь", и "Я все еще я."

Роняю меч, и он грохочет по полу, тут же забытый.

Мои первые слова произнесены сквозь слезы.

– Я вошла в эту комнату, чтобы задать тебе раздражающие вопросы. Ты все еще ты?

Киаран произносит что-то шепотом, молитву? Затем шагает вперед, прижимая свой лоб к моему, и оборачивая руки вокруг моей талии.

– Уже не знаю. Спроси меня другой раздражающий вопрос. Засыпь меня ими.

Издаю смешок.

– О, Слава Богу. Беспокоилась, что мне придется вызвать тебя на дуэль.

– Ты все еще можешь, – он закрывает глаза, как будто наслаждается звуком моего голоса. – Я получаю удовольствие от хорошей дуэли, ты ведь тоже?

– Мечи или рукопашная, МакКей?

Его улыбка – самое прекрасное, что я когда-либо видела.

– И то, и другое. Неважно. Мне все равно. Просто хочу тебя, – обхватывает мою щеку. – Кэм, – произносит мое имя так, будто не может произнести его достаточно. Словно, это его молитва. Как будто я – его спасение. Затем голосом, чуть слышнее шепота: – прикоснись ко мне.

Скольжу кончиками пальцев по линии его челюсти, мой большой палец пересекает его нижнюю губу. Выигрываю время, прежде чем объясню ему все. Мне столько нужно сказать.

– Ты, наверное, задаешься вопросом...

– Не заканчивай пока свое предложение, – говорит Киаран, нежно подталкивая меня к столу. Он оттягивает ворот моей рубашки в сторону, чтобы прижаться поцелуем к моему плечу. – Вместо него, я предпочитаю это.

– Ты даже не представляешь, что я собиралась сказать.

– Что-то о том, как ты ожила, почему твои глаза выглядят подобным образом, и почему твоя сила ощущается по-другому, –

губы Киарана следуют к моей ключице, когда он начинает расстегивать мою рубашку. Целуя ниже, пока не обнаруживает шрам над моим сердцем. Когда он отшатывается назад, чтобы посмотреть на него, черное кольцо вокруг его радужки наливается кровью, и волосы на моем теле встают дыбом. Никогда прежде не видела, чтобы его глаза делали так.

– Это так же касается наших миров, висящих на волоске, наших жизней и неизбежного утомительного сражения. У меня правильное представление?

– Боюсь, что так.

Радужки глаз Киарана снова становятся лиловыми.

– Тогда не говори мне пока. Я бы предпочел притвориться хотя бы на краткий момент, что мир может сам себя исправить, – он наклоняется ближе, кончики пальцев проходятся по моему шраму и скользят ниже, ниже и ниже, расстегивая. – Прикоснись ко мне сильнее. Целуй меня. Произноси мое имя, – каждая просьба сопровождается еще одним горячим касанием его губ, рук и новой расстегнутой пуговицей. Еще одной. И еще. – Мне нужно быть уверенным.

– В чем?

– Что ты реальна, – затем он прижимается мучительно нежным поцелуем к моим губам, который я едва чувствую. Потом еще одним, сильнее. – Скажи мне, что ты реальна.

– Я реальна, – шепчу я. – Все еще здесь. Могу задать тебе еще больше вопросов, если хочешь.

– Позже, – говорит он.

Затем губы Киарана оказываются на моих. Жестко. Отчаянно. Словно он не может получить достаточно меня; как будто я собираюсь исчезнуть, как будто бы в любой момент он может проснуться и меня здесь не будет.

Киаран целует так, словно теряет меня снова.

Он не нежен. В нем нет мягкости, нет сомнений, нет деликатных прикосновений. И я не хочу доброты. Не хочу нежности. Мое желание такое же яростное, такое же требовательное. Хватаю заднюю часть его рубашки, грубо впиваясь в нее своими ногтями. Больше. Я хочу больше. Мне нужно это. Мне нужен он.

Отступаю только на краткий миг, чтобы стянуть с себя рубашку, остальную мою одежду и его. Затем остается только кожа Киарана напротив моей, и мы сгораем, целуемся, кусаемся, цепляемся друг за друга. Это не физическая пожирающая потребность, а благословение: "да", "сейчас", "еще".

Киаран поднимает меня на край стола. Пешки раскатываются по карте, Королева с резким стуком падает на пол.

Затем Киаран входит в меня, руки сильно сжимают мои бедра. Когда он прижимается губами к моему горлу, в моей голове проносится картинка из сна. Его губы, вонзающиеся в мою кожу, пускающие кровь. Слегка напрягаюсь, неуверенная.

Но он только шепчет:

– Не исчезай снова, Кэм. Не исчезай.

Позже, когда мои глаза тяжелеют от сна, говорю Киарану:

– Теперь мне следует закончить то предложение?

Киаран обнимает меня сзади, проводя кончиками пальцев по линии плеч. Мы в его кровати, и это ощущается так, словно мы вернулись в мой сон. Как будто ничего из этого не реально, и мы находимся в отдельном пространстве, отделенном от всего мира. В коконе красивой лжи.

Свет от полной луны разливается под окном. Приглушенный рев волн, обрушивающихся на скалистый остров, заполняет обширное молчаливое пространство. И это так успокаивающее. Я могла бы оставаться с ним так, в этой кровати, вечно.

Если бы у нас было столько времени. Хотелось бы мне, чтобы было.

– МакКей? – смотрю через плечо на него. Когда мой взгляд встречаются с его, что-то в выражение его лица заставляет меня замереть. Голод.

Отшатывается от меня, дыхание скачет. Киаран не отвечает. Наблюдаю, как он борется с собой, линии лица напряжены. Его губы движутся, как будто бы он считает. Вновь обретает контроль.

– Ты в порядке? – неуверенно шепчу.

– Отлично, – он один раз мотает головой, а затем напряжение покидает его тело. – Я в порядке. Не заканчивай пока свое предложение. Это закончится тем, что мне захочется кого-нибудь убить.

– Тебе нравятся подобные вещи.

– В сравнении с этим? Нет, – он снова прикасается ко мне, его пальцы проходятся по моим предплечьям. Робко, неуверенно. Когда я говорю ему, что обычно это он ставит дело превыше всего, отвечает: – Это, должно быть, твое влияние. На самом деле, я собираюсь внести несколько предложений, и все они непрактичны.

Я улыбаюсь.

– Оох, несколько предложений, значит? Боже мой. Непрактичный Киаран МакКей это..., – посмею ли сказать это? – очаровательно.

– Нет, – Киаран смотрит на меня с отвращением.

– Да, и ты даже не знаешь об этом. Очаровательно.

– Очаровательно – это то, как мы называем глупых людишек, прямо перед тем, как убиваем их.

– Очаровательно, это то, как мы зовем взрослых мужчин, которые любят обниматься и клясться на протяжении всей жизни, что не любят этого, – Киаран издает звук в глубине горла. – Ты можешь рычать на меня сколько хочешь. Я знаю твои слабости, МакКей. Объятыя. Поцелуй в шею. Это место, которое боится щекотки, прямо над твоим...

Я смеюсь, когда он хватает меня за талию и притягивает к себе. Он целует меня с такой силой, отчего подгибаются пальцы на ногах. Затем отодвигается назад с самодовольным выражением того, у которого за спиной тысячи лет практики идеального соблазнения, и он точно знает, как использовать это против меня.

Между прикосновениями шепчу, что вскоре нам придется вернуться в реальность и принять нашу судьбу. Киаран не отвечает. Он просто целует меня так, словно я снова умру. Я не способна сказать ему, что это действительно возможно.

– Позволь мне рассказать тебе историю, – говорю я вместо этого.
– Когда-то жила – была девочка, чья жизнь была спасена королем фейри....

– История звучит немного знакомо. Думаю, я мог раньше слышать ее где-то.

Я шикаю на него и говорю не прерывать.

– Если бы кто-нибудь спросил ее, что она чувствует к королю, она бы сказала, что он был ей ненавистен. Безжалостно тренировал ее сражаться со своим видом. Научил ее убивать. Она узнала из его уроков, как приструнить гнев, горевший внутри нее. Но она уже решила, что в один день, когда она станет достаточно сильной и познает все, что только может о сражениях, она убьет его.

Киаран замирает, его глаза блестят во тьме. Он ничего не говорит.

– Эта возможность представилась ей одной ночью, когда он решил, что она готова к охоте на своего первого фейри. Это был skriker, который терроризировал ближайшую деревню, ночью убивая детей. Король вручил девочке меч и приказал убить гоблиноподобное создание.

– Она едва выиграла. Но в конце она протолкнула меч глубоко в монстра и почувствовала что-то настолько глубокое, что подумала, будто это поглотит ее. Так она и сказала королю. Прошептала слова и вложила в них каждую частичку ее наполненной гневом души: "Я ненавижу тебя. Я ненавижу всех вас". Когда она снова подняла меч,

то намеревалась воткнуть его прямо ему в сердце.

– Это было впервые, когда девочка увидела, что король фейри улыбается.

Поднимаю руку и прижимаю ладонь к щеке Киарана.

– Тебе придется закончить историю. Она так и не поняла, почему он улыбался. Так что в тот день ей захотелось увидеть, как он сделает это снова. Поэтому она бросила меч и пощадила его жизнь. Она так и не рассказала королю, что действительно случилось в ту ночь.

Киаран, кажется, забавляется этим.

– Король все это время знал, что задумывала девочка. Он улыбался, потому что решил, что она ему нравится. Она делает все интересным.

Я пялюсь на него.

– Значит, король фейри в каком-то роде ненормальный. Как девочка всегда и подозревала.

– Как насчет истории с его стороны? – он притягивает меня ближе, губы нежно прижимаются к плечу. – Он никогда не говорил этого девочке во время охоты, но, когда она бежала с ним и ветер развивал ее волосы, а лунный свет освещал сзади, она была самым великолепным созданием, которое он когда-либо видел, и он хотел ее.

Затем руки Киарана оказываются в моих волосах, губы проходят по моим.

– И когда король наблюдал за ней в бою, и она оглядывалась на него с улыбкой, он желал ее.

– Это случалось не единожды, – продолжает он. – А каждый раз после всего того, через что они проходили. И затем король и девочка вместе встали перед лицом целой армии. И он знал правду. Его сердце принадлежало ей. Всегда принадлежало. И всегда будет принадлежать.

Тени пересекают радужки глаз Киарана. Напоминание, что он до сих пор борется. Просто, чтобы быть здесь. Со мной. Он зажмуривает глаза, выражение лица напряженное. Прежде чем успеваю спросить, все ли с ним в порядке, он притягивает меня к себе и удерживает крепче.

Его следующие слова произносятся на выдохе, так тихо, что мне любопытно, слышала ли их вообще.

– Девочка помогает королю удержать его тьму взаперти.

За несколько часов до рассвета я понимаю, что пришло время все ему рассказать.

– Не ходи на войну с Эйтинне.

– Кэм... – вздыхает он.

– Она не хочет этого, – прерываю я его. – Это я убила твоих солдат.

– Я понял это, когда ты объявила об этом в моем коридоре, – поддразнивая, говорит Киаран. – И когда ты быстро разобралась с моими людьми снаружи, – он пересчитывает мои позвонки, пальцы

скользят вверх по одному позвонку за раз, сантиметр за сантиметром. Его касание нежное. Когда он целует мою спину, его губы легкие, как крылья мотылька.

– Мне нужно было добиться твоего внимания. Это была идея Эйтинне.

– Я с самого начала думал, что драматический выход – полностью предложение Эйтинне, – его пальцы ведут ниже и ниже по моему позвоночнику. Так медленно, что я дрожу. – Я могу почувствовать пульсацию силы, проходящей под твоей кожей, – бормочет он. – Я знаю, что она не твоя. Ты приняла ужасное решение, да?

– Как ты узнал?

– Просто. У тебя талант притягивать неприятности.

– Думаю, это было замечательное решение, принимая все во внимание. Я ведь здесь?

– Ты пользуешься моими чувствами, чтобы заручиться сочувствием. Это не сработает, – он отклоняется назад и смотрит прямо на меня, на этот раз серьезно. – Скажи мне, что ты сделала.

– То, что должна была, – говорю я.

Не было другого выбора. Решение между смертью и одним последним "прощай" – на самом деле не выбор. Кайлих рискнула тем, что я скажу "да".

Она сделала ставку и выиграла.

Я рассказываю ему о том, что произошло после того, как Сорча меня убила.

– Если мы найдем Книгу, тебе не придется убивать Эйтинне, – произношу нежно. – Это положит конец проклятию. Мы можем все вернуть назад таким, как было до этого. Все люди, которых мы не смогли спасти, вернут свои жизни и дома обратно, – Когда он не отвечает, прижимаюсь ближе, шепча ему в ухо: – Ты и я снова будем бежать среди ночи. Мы будем танцевать под дождем и наблюдать, как солнце восходит над морем. В этот раз я даже не буду возражать, если ты будешь заявляться без приглашения в мой дом так долго, пока не разобьешь очередную вазу моего отца.

Киаран не улыбается в ответ. Он нежно отталкивает меня, глаза ищут в моих ответы.

– Чего ты мне не договариваешь?

Мое сердце забилося в груди. Я выдохнула.

– Кайлих отдала мне свои силы на краткое время. Мое тело не предназначено для того, чтобы удерживать их.

Знаю, он понимает, поскольку смотрит прямо на меня. Но мне нужно произнести это вслух. Поначалу слова застревают у меня в горле, и я закрываю глаза.

Снаружи волны бьются о скалу. Ветер гремит окнами. Потом буря утихает и все, что я могу слышать, это пульс в моих ушах.

– Я умираю, МакКей, – шепчу я. – Если мы не найдем эту Книгу...

Киаран не дает мне закончить. Он целует меня, вжимая в подушки, и слова исчезают с моих губ.

Мне так и не представился шанс сказать ему, что каждый раз, когда использую силы Кайлих, они убивают меня немного больше. У меня так и не появился шанс сказать Киарану о том, что для того, чтобы найти Книгу нужна Сорча. Каждый поцелуй прерывает мои слова. Его руки прокладывают дорожку тепла вниз по моему телу. Он касается меня так, будто хочет забыть о всем мире. Забыть наши судьбы. Забыть все. Словно, хочет раствориться в этом, в нас, во мне.

Я позволяю ему.

Я так же позволяю себе раствориться в нем.

Глава 19.

Просыпаюсь и понимаю, что в комнате я одна. Сторона кровати, где спал Киаран, холодная при прикосновении; его не было несколько часов. Одеяло даже нетронуто, как будто бы мне все это приснилось.

Сейчас раннее утро. Первые крупницы дневного света просачиваются через окно, и я могу слышать доносящийся слабый звук океанских волн, когда они накатывают на берег — единственный звук в огромной просторной комнате.

Поднимаюсь с кровати и собираю свою разбросанную по полу одежду. Тут так промозгло, в этом пустом пространстве, что я натягиваю пальто и ботинки, когда направляюсь к двери. Не знаю, хочет ли Киаран, чтобы я бродила по огромным залам его кошмарного дворца, но мне, в любом случае, неуютно оставаться одной в его комнате.

Толкаю дверь и выхожу в главный зал.

– Маккей?

Мой зов встречен тишиной. Свечи, которые парили под потолком, когда я прибыла, исчезли; единственный свет доносится от мерцающих факелов, которые висят в ряд на обсидиановых стенах. Я до этого не замечала, что стены светятся и отполированы до такого совершенства, что кажутся глубокими, темными водоемами. Мои шаги разносятся эхом, когда я пересекаю главный зал и выхожу в другой коридор.

Меня встречает ряд дверей, который кажется бесконечным. Их десятки, и каждая сделана из такого же темно-пепельного дерева, как кровать Киарана. У меня нет времени проверять их все.

Есть что-то тревожное в этом месте, в том, как ощущаются эти камни, как будто они с каждым разом прижимаются все ближе. Не помогает и то, что воздух здесь тяжел и неподвижен. Мое дыхание сбивается от воспоминания зеркальной комнаты, в которой Лоннрах держал меня в плену после того, как уничтожил Эдинбург. Как те зеркала, которые, казалось, надвигаются. До тех пор, пока не стала ощущать, будто бы там мало пространства, чтобы дышать.

Вот как ощущаются черные стены. Как будто это не дворец, а гробница, которая принадлежит Морриган.

"Прекрати терять время. Найди Киарана. Расскажи ему о Сорче. Затем заставь ее помочь найти Книгу".

Я иду прямо по коридору, теперь уже с целью. Если создам достаточно шума, он обязательно услышит меня — по крайней мере, я была уверена в этом, пока не осознала, насколько чертовски велик и пустынен замок.

Пришлось задействовать силу, чтобы найти Киарана. Его сила

зовет меня, словно тянет за веревку. Связь, которую я не могу описать в полной мере. Срываюсь на бег, мои каблуки стучат по полу. Стены простираются все дальше и дальше, извиваясь и сворачивая. Это лабиринт, созданный из обсидиана.

Следую за его силой через другую спальню, потом прямо по такому же длинному коридору. Ничего в этом месте не меняется, как будто бы каждая дверь воссоздана тысячу раз с идеальным отражением каждой детали.

Прямо перед тем, как сделать еще один поворот, замечаю луч света на одной из стен. Там открыта дверь, первая с тех пор, как я оставила спальню Киарана. Замедляюсь, приближаясь с осторожностью, и замираю, когда вижу, что находится по другую сторону.

Это не еще одна комната, а поле в первые минуты рассвета. Полная луна опускается за горизонт, окруженная фиолетовым и голубым цветом предрассветного неба. Бирюзовые, сапфировые и эбеновые цвета светятся в градиенте, который начинается у горизонта и поднимается вверх. Под прекрасным небом простирается луг, такой же просторный, как океан.

Киаран стоит на некотором расстоянии от меня, расчесывая фейри-лошадь. Животное полупрозрачное, его металлический покров достаточно тонкий, чтобы были видны его органы. Даже отсюда я могу видеть золотую кровь, бегущую по его венам, стремительное биение настоящего лошадиного сердца. Знаю по опыту, несмотря на то, что они сделаны из металла, создания мягкие на ощупь, ничего подобного тому, что создает человек. Наблюдаю, как Киаран медленно проводит щеткой по ее спине. Снова и снова.

С моими фейрийскими чувствами я замечаю мельчайшие изменения в реакции Киарана, которые могла бы и не заметить без силы Кайлих. Его дыхание такое устойчивое, но слегка сбивается, когда он осознает, что я нахожусь за ним. Он бормочет проклятие.

Он продолжает расчёсывать лошадь простыми движениями. Притворяется, что меня здесь нет. Без сомнений, он вышел сюда побыть некоторое время в одиночестве после того, что я ему рассказала. У Киарана есть привычка отстраняться, когда чувства слишком сильны, и он уже дважды видел, как я умираю.

Ну, ему просто придется смириться с моим присутствием. Я теперь здесь. Вернулась. Нам нужно найти Книгу. И сейчас мне нужна Сорча.

Пересекаю луг быстрым шагом. Трава приминается под моими ботинками, а пальцы касаются цветов на высоте моих бедер, когда я направляюсь к Киарану. Воздух здесь влажный, но по уютному теплый, как на побережье туманным летнем утром. Запах вереска и дождя становится сильнее, когда я прохожу дальше.

Киаран не поднимает взгляда, когда я подхожу, но заметно, как его пальцы сильнее сжимают щетку. Его дыхание замедляется, как будто бы он с осторожностью управляет каждым вдохом и выдохом.

– Дай-ка угадаю, – говорит он, когда встаю рядом с ним, – ты отследила меня.

– Это тебе за все те разы, когда ты делал это со мной в Эдинбурге, – пожимаю я плечами. – Показываясь случайным образом в парке, у меня дома ...

Улыбка Киарана слабая, когда он плавно проходится щеткой по шее лошади.

– Ты предложила мне свой дурацкий человеческий чай. Я хотел снять ту смехотворную одежду, в которую ты была одета, но вместо этого ты попросила меня сорвать ее, – он наконец-то переводит взгляд на меня из-под ресниц. – Поверь мне, я помню. Я желал тебя

тогда. Уже долгое время.

Удивленно смотрю на него.

– Желал? – спрашиваю я подозрительно. – Ты продолжал твердить, что я глупая человеческая девочка. Ты был настолько высокомерен и заносчив по этому поводу.

– Ладно, ты была глупой человеческой девочкой, которую, так получилось, я хотел, – пожимает он плечами. – И я не буду оспаривать остальное.

Лошадь утыкается мне в плечо, четко давая понять, что хочет внимания. Нежно тянусь, проводя кончиками пальцев по ее носу, она издает звук удовлетворения, и я улыбаюсь, пока не замечаю седло на земле рядом с ней.

Киаран собирается уезжать.

– Ты избегаешь меня? – спрашиваю я, не утруждаясь тем, чтобы спрятать свое раздражение. – Поэтому ты собираешься уехать куда бы то ни было? Будь честен.

Его челюсть напрягается.

– Нет, – говорит он. – Я уезжаю для того, чтобы подготовиться к поискам Книги.

– Подготовиться...?

Резко бросаю взгляд на лошадь фейри, снова на седло. Оно отмечено знакомыми знаками. Где же прежде мне доводилось видеть именно эти символы? Вспоминаю их бороздки под моими кончиками

пальцев ...

Во время битвы за Эдинбург. Это символы Дикой Охоты.

– Ты собираешься охотиться на человеческую жертву? – когда он не отвечает, спрашиваю более резко. – Не так ли?

Когда Киаран смотрит на меня, его выражение отстраненное. Практически холодное.

– Значит, Эйтинне показала тебе. И ты все равно пришла.

Я удержалась от вздрагивания при воспоминании о той женщины из домика, панические звуки, которые она издавала, когда фейри у ее шеи убрал от нее зубы.

– Конечно, пришла, – говорю. – Это же я должна была остановить Сорчу от использования кристалла...

– Не надо, – шипит Киаран. – Не говори так, будто это что-то, чему ты позволила случиться со мной. Это то, кто я есть. Это то, кем был тысячи лет, до того, как вообще встретил тебя. Это то, кем я родился.

Мои ногти впиваются в ладони.

– Это то, кем тебя принудили быть.

– Одно и то же, Кэм, – он продолжает чесать лошадь. – Если я не сделаю этого, то не буду в состоянии помочь кому-либо, даже тебе.

Я думаю о его жертвах в домике, и на что он обрекает их. Но

фейри передо мной выглядит спокойным, не злым. Тем, кого можно спасти. Киаран смеялся в постели со мной. Он занимался любовью со мной и позволил мне рассказать мою глупую историю. Он не Кадамах.

Или я верила в это до того момента, пока не касаюсь его плеча, и ветер с луга не распахивает ворот моего пальто. Он оглядывается на меня, взгляд перемещается к обнаженной коже у моего горла.

И я вижу голод в его глазах.

Тело Киарана напрягается. Он отводит взгляд и продолжает чесать покров лошади. Возвращает себе контроль. Поглаживание. Контроль. Поглаживание. Контроль.

Черный цвет вокруг радужки его глаз начинает меняться. В отличии фейри в лесу, я не ощущаю его ненасытного желания покормиться. Но могу слышать, как его дыхание становится неровным. Грубым.

– Возвращайся внутрь, Кэм, – говорит он резким голосом. Лиловый цвет в его радужках только слегка окольцовывает внутреннюю часть.

"Будь неподвижна. Будь спокойна."

Мое сердце бьется в груди. То, как он смотрит на меня настолько изголодавшимся, что едва узнаю его.

– Мне кое-что нужно от тебя.

Воздух становится холоднее.

– Так значит, ты оказалась здесь со скрытым мотивом.

Мне ненавистно то, как он говорит это, как будто я пришла сюда, посмеялась с ним, поцеловалась – и это все только ради одолжения.

– Прекрати, Маккей.

– Просто скажи мне, чего ты хочешь.

Я мешкаю.

– Мне нужна Сорча.

Когда он смотрит на меня, его глаза черные. Жестокие. Холодный воздух кусает мою кожу и сковывает мои легкие.

– Нет, – говорит он голосом, который я слышала только однажды до этого.

Этот голос такой же ледяной и резкий, как река зимой, в которой можно утонуть. Голос Кадамаха. Голос Неблагого Короля.

Не двигаюсь, даже не моргаю.

– Я бы не просила, если бы это не было важно. Ты же знаешь. Не тогда, когда дело доходит до нее.

– Я сказал: "нет", – в его голосе опасное предупреждение.

"Не заставляй меня использовать мои силы против тебя".

– Ее прародительница была консортом Морриган, – говорю я. – Мне нужна ее кровь, чтобы найти Книгу.

– Тогда возьми ее кровь. Выкачай досуха, мне все равно, – ненавижу этот голос, мне ненавистно то, как он накатывает на меня, заставляет меня дрожать от страха. – Но она останется там, где она есть.

Тяжело сглатываю, боясь спросить.

– Где ты держишь ее, Маккей?

Улыбка Киарана посылает мороз по моей спине.

– Точно там, где и должна быть. Она там, где я должен был удержать ее две тысячи лет назад, и она заслуживает каждую секунду этого.

Воздух настолько ледяной, что становится больно, я могу чувствовать, как мои силы восстают, призывая защищаться. Но я сдерживаю их. Принимаю боль, потому что знаю, как легко могу потерять в силе — и как просто Киаран может сделать то же самое. Прямо сейчас его силы едва сдерживаемые. Его глаза такие же жесткие и темные, как обсидиан – без эмоций. Непоколебимые.

Как будто бы Киаран почувствовал, что мои силы высвобождаются, и его собственные поднялись в ответ. Тени собираются у его ног. Моя кожа покрывается тонким слоем инея, она настолько бледная от холода, что начинает синеть.

– Прекрати это, – шепчу. – Я не хочу тебя ранить.

Вижу этот момент, когда мои слова доходят до него. Киаран вздрагивает, отворачиваясь. Температура сразу же повышается, так быстро, что мою кожу жжет от тепла. Тени исчезают в почве, и луг выглядит так же, как и раньше: такой же гостеприимный, как летнее утро.

– Мы обсудим Сорчу позже, – слышу напряжение в его голосе. Его костяшки добела сжимают щетку. – Мне нужно ехать. Не вставай у меня на пути.

– Помоги мне понять. Чем дольше проходит времени между кормёжками, тем хуже тебе становится?

Киаран бросает щетку на землю и хватает седло. Его движения жесткие, когда он закидывает его на лошадь и закрепляет на месте.

– Ты не узнаешь меня в моем худшем состоянии. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

Прямо в тот момент, когда он собирается залезть в седло, я двигаюсь, чтобы остановить его, но он отклоняется назад от моего прикосновения. Моя рука падает.

– Как много людей потребуется, прежде чем ты решишь, что подготовился для поиска Книги? Один? – его пальцы напрягаются на седле, но он не отвечает. Не один. Больше. – Сколько людей ты просишь меня позволить тебе убить, Маккей?

– Я не...

– Да, убиваешь, – говорю я сквозь сжатые зубы. – Я видела их. Ты, может, и не остановил их сердца, но ты забрал их жизни. То, что ты делаешь с ними, хуже, чем смерть. Сколько?

Киаран отводит взгляд в сторону, но не перед тем, как замечаю выражение его лица. Стыд. Вина. Сожаление. Он не отвечает, даже когда кладу руку на его.

– Тебе не обязательно делать это. Когда мы найдем Книгу, мы воспользуемся ей, чтобы разрушить проклятие.

Его смех жесткий и горький.

– Думаешь, это имеет для меня значение? Я был готов убить Эйтинне и покончить с этим. Ты видела карту на столе. Затем ты возвращаешься и говоришь мне, что я снова тебя потеряю? – в этот раз, когда его глаза встречаются с моими, они настолько мрачные, что мне практически невыносимо смотреть на него. – Ты спрашиваешь, сколько людей я готов убить? Ответ: сколько бы ни потребовалось, чтобы спасти тебя.

Я делаю шаг назад.

– Не смей говорить, что делаешь это ради меня. Не перекладывай это на меня, Маккей.

– Ты не знаешь, о чем просишь. Ты хочешь, чтобы я отправился с тобой на поиски этой Книги, а я сейчас едва могу стоять рядом с тобой.

– Почему...

– Потому что не доверяю себе рядом с тобой, – фыркает он. Когда он осматривает меня, лиловый цвет в его глазах практически полностью вернулся. – Ты все еще человек, – говорит он низким голосом, – и мой контроль не безграничен. Должен ли я напомнить тебе, что случилось с последней женщиной, которая доверилась мне в том, что я не причиню ей вреда?

Я закрываю рот. Катриона. Соколиная Охотница, в которую он влюбился тысячи лет назад. Он прекратил питаться людьми и не смог остановиться, убивая ее.

В этот раз, когда Киаран шагает ближе, его прикосновение холодное. Жестокое.

– Может, мне стоит рассказать тебе правду? О том, о чем я не был способен перестать думать со вчерашнего дня? – его пальцы прошли по артерии на моей шее. – Как я могу чувствовать твою кровь,двигающуюся по твоим венам, когда целую тебя сюда. Могу почувствовать силу внутри тебя. Она бежит отсюда, – он прижимается холодной ладонью к моей груди, – прямо сюда, – касание Киарана медленно следует по руке вниз до кончиков пальцев. Я зажимаю глаза от дрожи, которая проходит через меня. – И это должно было быть сдерживающим фактором, но это не так. Ты только горишь ярче, – затем он ныряет головой и прижимается губами к моему горлу. Рвано шепчет: – Здесь. Я бы укусил тебя прямо здесь.

Замираю, когда его зубы царапают мою шею.

"Не надо. Пожалуйста, не надо. Не так".

С тихим звуком Киаран резко отталкивается.

– И в этом заключается причина, по которой я не доверяю себе с тобой. Поэтому мне нужно ехать.

Тянусь, чтобы схватить его за руку, замечая, как его глаза слегка темнеют. Не так, как прежде, но достаточно для того, чтобы сказать мне, чтобы я была осторожней.

– Когда я увидела твои человеческие жертвы в домике, – говорю

я, – Эйтинне сказала, что не знает, остался ли ты до сих пор моим Киараном Маккеем.

И вот оно, проблеск вины в его взгляде. Настолько быстрый, что чуть не пропускаю его. И я надавливаю, зная, что права в этот раз.

– Я подумала о твоих подарках. Как ты использовал своих sluagh, чтобы доставлять тела Соколиных Охотниц Эйтинне. И подумала, что, возможно, она была права. Подумала, что, возможно, ты снова мучаешь ее тем же способом, как и раньше.

– Хорошо, – холодно говорит он. – Так проще.

Поднимаю руку, чтобы прикоснуться к его лицу.

– Но затем я вспомнила тот единственный раз, когда ты почувствовал вину. Когда ты убил Катриону, ты доставил ее тело сам. И именно ты принес тех людей в лагерь Эйтинне, не так ли? Потому что она не единственная, кого ты мучаешь.

"Ты мучаешь себя", – думаю я.

"Да, именно так".

Как будто читает мои мысли, он ничего не говорит. Замечаю, как его взгляд смягчается. Он все еще мой Киаран Маккей. Это так.

– Не делай это для того, чтобы спасти меня, Маккей. Не тогда, когда ты сам учил меня тому, что я должна спасать себя сама.

– Кэм, – шепчет он.

Продолжаю, потому что знаю, что у меня лишь секунды для того, чтобы достучаться до него.

– Когда ты делал это, ты учил меня, как перетерпеть это, – говорю мягко. – Я прошу тебя сделать то же самое. Прошу тебя быть сильнее твоего проклятия.

В этот раз, когда он смотрит на меня, я знаю – он принял решение.

– Тогда мне нужно, чтобы ты дала мне обещание, прежде чем мы сделаем что-либо еще. Прежде чем отведу тебя к Сорче.

– Ладно, – я сглатываю.

– Если я отправлюсь с тобой и стану кем-то, кого ты не узнаешь, не позволяй мне навредить тебе. Оставь меня позади, если придется, – когда я мешкаю, он продолжает: – Обещай мне.

Затем я сделала то, что никогда не делала за все то время, что знакома с Киараном: лгу ему прямо в лицо.

– Я обещаю.

Глава 20

Я едва прохожу через дверь туда, где Киаран удерживает Сорчу, когда у меня появляется желание убежать прочь. Сейчас я понимаю, что Киаран имел в виду, говоря, что Сорча находится там, где должна быть по праву. Он сказал, что она заплатит за все, что сделала.

С момента моего пребывания в Sìth-bhrùth, я досконально ознакомилась с фейрийскими креативными методами заточения в неволе. Они используют власть против своих жертв. Всё, что они

делают, предназначено для того, чтобы постепенно сломать тебя, каждый день, каждую секунду. Они заставляют тебя решить, что проще: смерть или лишение души.

"Какого черта здесь происходит?" – спрашиваю я про себя.

Тюрьма Сорчи похожа на ночной перекресток. Она прикована между двумя деревьями, одно из которых находится на обочине дороги, и оковы на ней настолько туго натянуты, что ее тело вытянуто и неподвижно. Деревья сгибаются к ней, словно продолжая её тело. Совокупность ароматов почти заставляет меня подавиться. Железо. Сырое мясо. Нечто горелое.

Она выглядит такой сломленной.

Руки и ноги Сорчи растянуты, рваные порезы стекают вниз по ее бледной коже на землю – туда, где собралась такая глубокая лужа крови, что достаёт до её лодыжек. Я должна быть довольна от того, что вижу, как Сорча страдает – как страдала моя мать, когда она вырвала у нее сердце и оставила умирать на улице. И была бы довольна когда-то тогда, через несколько месяцев после смерти матери, меня не заботило ничего, кроме мести. Та Айлиэн не знала сострадания. Не для Сорчи.

Но сейчас...

Всё то время, что я провела у Лоннраха. Беспомощная. Когда он удерживал меня в зеркальной комнате, он так мучил меня, управляя мной и держа в изоляции. Наказание за мои преступления. Я провела целый год, охотясь на фейри, но в то же время для него я не была охотницей. Я была добычей. Он сделал так, чтобы я об этом никогда не забывала.

Слова Лоннраха звучат в моём сознании, ужасное напоминание о моих самых худших днях. Теперь я точно понимаю, какого это – быть

беспомощной.

Никто не заслуживает того, чтобы находиться под чьим-то полным контролем, не способными дать отпор, даже если захотят.

Возможно, я стала слишком мягкой. Может быть, просто устала от смерти. Быть может, это сострадание и отделяет нас от монстров. Это делает меня лучше их или это делает меня глупой?

– Кэм? – Киаран легко прикасается к моей руке, но я отхожу. Словно читая мои мысли, его взгляд темнеет. – Не смотри на меня так.

– Ты приходишь сюда, чтобы...заставить её истекать кровью? Как и Лоннрах, когда навещал меня?

Некоторые наказание настолько ужасны, что выходят за рамки оправдания. Но фейри действуют по моральному кодексу, который не подразумевает сочувствия. Особенно, когда этот фейри – Король Неблагих.

– У меня много недостатков, – говорит Киаран твёрдым голосом, – но среди них нет пыток ради развлечения.

– Однажды ты это делал.

Будто любил это. Словно жил для этого. Потому что верил, что эмоции – это слабость.

Выражение его лица закрывается.

– Если я когда-нибудь снова достигну этой точки, – он бросает на меня взгляд, – тогда ты будешь знать, что меня уже нет, – он

кивком указывает на Сорчу: – Это ее воспоминания. Она сама себя мучает.

– Ее воспоминания?

– Это то, что она делала с людьми, когда заманивала их на перекрестки ночью, – Киаран облакачивается на дверную раму, черты лица оттеняются лунным светом. – Цепи вымочены в воде с seilgflùr, так что ее силы связаны. Сила здесь призывает ее переживать смерти тех, кого она убила. Я посчитал это справедливым наказанием.

Поднимается легкий ветерок, нежно ворошит листья на деревьях вдоль дороги, и тошнотворный запах крови достигает меня. Цепи Сорчи тихо клацнули. Жутковатый звук.

Она до сих пор не подняла взгляда.

Я не понимала, что отхожу назад, пока не врезаюсь в Киарана.

– Ты думаешь, я жестокий, – когда не отвечаю, он продолжает: – Это то, что она делала тысячи лет с твоим видом. Каждую ночь. Она не заслуживает ни капельки жалости.

– Что насчет того, что делал ты? – не могу ничего поделать, кроме как спросить. Он, может, и носит покаяние за тех, кого убил, на своей коже, но это не сравнится с этим. – Какое твое наказание?

Он не читает, настолько это разочаровывающе. Ненавижу, когда не могу сказать, о чем он думает.

Киаран бросает руку с моего предплечья.

– Я отдал свое сердце человеку, – он уходит прежде, чем я

успеваю ответить.

После мгновения замешательства я следую за ним.

Когда мы подходим, Сорча так и не поднимает взгляда. Ее темные волосы блестят в лунном свете, свисают прямо до бедер. Они прячут ее лицо, словно занавес. На ней тонкое черное платье, которое покрывает ее от запястий до лодыжек, на подобие того, что женщины могли бы надеть на похороны. Она выглядит такой маленькой, таким образом, ее плечи склонились вперед, руки повисли в невесомости. Цепи – это единственное, что держит ее прямо.

Такой ужасный вид, что очередная волна жалости накатывает на меня. Она только возрастает, когда мы приближаемся, и ее короткие, хриплые вдохи заполняют мои уши. Я дрожу, когда слышу их.

Ненавижу этот звук.

Быстрые, задыхающиеся вздохи животного в такой агонии, что это единственное, о чем они могут думать. Если бы я услышала такое во время охоты, я бы быстро убила создание. Это было бы правильно сделать. Это было бы милосердием.

Из первых уст знаю, что такое боль. Я дышала так же после "допросов" Лоннраха.

Мы останавливаемся перед ней, и под каскадом ее волос, я вижу, как окровавленные губы Сорчи изгибаются в улыбке. Той, которой она не одурачит меня.

– Пришел позлорадствовать, Кадамах? – ее голос грубый, как будто она до этого кричала. – Или ты здесь просто понаблюдать и насладиться моим наказанием? Не понимаю, почему ты вообще отказался от своей короны. Тебе идет быть Неблагим.

– Думаешь, я наслаждаюсь этим? – голос Киарана звучит уставшим. – Я никогда не хотел быть твоим Королем.

– Хотел когда-то, – смех Сорчи больше похож на то, будто она давится. – Ты был согласен убивать ради этого. Прежний ты посмотрел бы на всю эту кровь и сказал бы, что это все отходы. Что мне нужно бы истечь кровью досуха.

Внезапная картинка врывается в мои мысли. Сорча у шеи моей мамы, зубы впились в ее кожу. Когда она отрывается, губы покрыты кровью мамы. Она отмечается на ее бледной коже так же четко, как нефть на фарфоре.

У меня не получается сдержать звук, вырывающийся из моего горла.

Сорча резко вскидывает голову, ее глаза сужено смотрят на меня через завесу ее густых черных волос. Затем она откидывает голову назад и смеется, гортанный царапающий звук, который эхом разносится в ночи, наполовину безумный.

– Для человека ты прям-таки не знаешь, как оставаться мертвой, да? – ее улыбка режет меня, будто лезвие. – Мне следовало вырвать твое сердце и съесть его. Как я сделала это с твоей мамой.

Меня поражают воспоминания того, что когда-либо сделала Сорча. Ночь, когда она убила мою маму. Боль от ее меча, погружающегося в мою грудь. Резкое, ужасное царапанье металла сквозь сухожилие, мышцу и кость в моем теле, чтобы ударить прямо в сердце. И Киаран, смотрящий на меня, когда все это случилось. Она забрала у него единственный выбор, который он сделал сам: не быть Королем.

Мои мысли, должно быть, очевидны. Сорча только сильнее

смеется – высокомерный, издевательский смех, который говорит: "Я не сочувствую тебе. Мне плевать на тебя. Я беспощадна".

– Ты был прав, – скованно говорю Киарану. – Она заслуживает этого.

Сорча выдает грубое самодовольное хихиканье.

– Ох, только не говори мне, – произносит она, – что ты увидела меня, висящую здесь, и тебе стало жалко меня. Как мило.

– Кратковременное упущение в памяти, суждении и здравомыслии, которого больше не будет.

– Она такая болтливая, маленькая человеческая девчонка, Кадамах. А я-то думала, что ты предпочитаешь своих зверушек молчаливыми.

– Они никогда не были молчаливыми, – буднично отвечает Киаран. – Ты могла их не слышать из-за постоянного шума, исходящего из твоей широко открытой ловушки.

– Ну, возможно, и не молчаливые, – говорит она с милой улыбочкой. – Но всегда на коленях.

Делаю резкий шаг к ней, но Киаран останавливает меня, положив руку на плечо. Он снова спокойный, практичный Киаран. Я благодарна, по крайней мере, за это. Особенно теперь, когда мы в самой худшей из возможных ситуаций.

Киаран наклоняется, повернув голову так, чтобы Сорча не могла услышать или прочитать по губам.

– Она пытается вывести тебя из себя. Сорча не очень хорошо реагирует на жалость.

– Что ты предлагаешь?

Он кладет палец под мой подбородок, призывая меня встретиться с его взглядом. Неосознанно вздрагиваю. Эти прекрасные лиловые радужки никогда уже не будут такими, какими были однажды. Никогда такими же ясными. Они – напоминание того, что Неблагодой в нем постоянно там, едва сдерживаемый.

– Не позволяй ей увидеть твои слабости. Выясни, чего она хочет.

Я напрягаю челюсть и смотрю на Сорчу, обнаружив ее, наблюдающую за нами с беззастенчивым интересом.

– Как мягок ты стал, Кадамах. Разговариваешь со своей зверушкой, как будто бы с равной. Ей следовало бы свернуться у твоих ног, словно никчемному животному, каким она и является, – она окидывает меня взглядом. – Если только она не на ступеньку выше зверюшки. Что делает ее твоей шлюхой.

Рука Киарана сжимает мою в молчаливом послании: "Не достаивай ее ответом".

Я сжимаю его руку и отпускаю ее, чтобы сделать шаг к ней. Сорча поднимает подбородок, как будто бы ожидая удара, которого не будет.

– Ты делаешь ошибку, определяя меня его собственностью, – говорю я мягко. – Похоже, ты не понимаешь, что он каждой частичкой мой, так же, как и я его.

Высокомерная улыбка слетает с лица Сорчи достаточно надолго, чтобы я увидела уязвимость в выражении ее лица. Что-то, что жаждет его.

Как будто бы осознав, что она практически показала мне, она сжимает челюсть.

– Есть какая-то причина, по которой ты находишься здесь, Охотница? Если, конечно, ты не пришла восторжествовать над моими страданиями. Позволь мне уверить тебя: я бы предпочла мучения здесь еще тысячу лет, чем слушать тебя еще хоть одно мгновение.

– Книга Воспоминаний, – говорю я напряженным голосом. – Расскажи мне, как найти ее, без твоих обычных циничных комментариев. Сейчас.

Сорча замирает, как будто бы удивленная вопросом. Если бы я не наблюдала за ее реакцией, могла бы и не заметить промелькнувшую эмоцию в ее глазах. Даже с этим она исчезла так быстро, что мне любопытно, не померещилось ли мне это.

Ее броня из самодовольного безразличия просто вернулась на место.

– Ааа, это, – говорит она, тем же будничным тоном, которым обычно говорят "Аа, это старье". – Я знаю, что она потерялась

давным-давно, – ее медленная улыбка, без сомнения, предназначена для того, чтобы разозлить меня. – Но я убеждена, что могу помочь вам найти ее. За разумную цену, конечно же.

"Я оторву у тебя руки и ноги поочередно, но заставлю помочь мне".

Возможно, когда Кайлих восстанавливала мои кости и отдавала свои силы, маленькая частичка ее поселилась внутри меня. Или она сделала меня менее человеческой и более похожей на фейри. Это единственное объяснение, которое у меня есть для того, что делаю следующим: я хватаю Сорчу за горло и сжимаю до тех пор, пока не понимаю, что она не может дышать.

Ощущаю, что позади меня Киаран подходит ближе.

– Кэм...

– Не надо, – резко говорю я, не отводя взгляда от Сорчи. – У нас не остается времени и вариантов, и я теряю терпение. Ты сказал выяснить, чего она хочет. Так что позволь мне это и сделать.

Моя очередь самодовольно улыбаться и использовать власть.

Моя очередь.

– Сделать что? – могу услышать неуверенность в его голосе.

В этот раз, когда моя сила покидает клетку и тьма овладевает мной, я позволяю ей поглотить меня. Я позволяю ей смыть мои эмоции, заботы, беспокойства. Позволяю ей так же забрать мое сострадание. Если сострадание – для людей, то жестокость – для фейри.

А я и то, и другое.

Мои глаза встречаются с глазами Сорчи.

– Ничего такого, чего бы она уже не делала со мной.

Глава 21.

Знаю, Сорча чувствует мою силу, сгущающуюся в воздухе, острую, как электричество. Она испускает опьяняющий запах железа и озона.

Она боится меня. Я вижу это в ее глазах; могу попробовать ее страх на вкус. Хорошо.

Когда прикасаюсь пальцами к ее виску, она сопротивляется, словно знает, что я собираюсь сделать. Ее горло дергается в конвульсиях в моем захвате, пробуждая нечто человеческое во мне. Нечто, что заставляет меня вспомнить грубые слова Деррика в лесу.

"У друга, которого я знал, был кое-кто, кто врывался в ее разум день за днем, месяцами. Если бы ты была ею, ты бы никогда не сделала этого ни с кем".

Я больше не могу быть той Айлиэн. Не могу остаться ею и при этом найти Книгу. Не могу позволить себе человечность, когда мой мир превращается в пыль, и так много жизней висит на волоске. Сострадание не поможет мне сейчас – Сорче плевать на жалость. Она использует ее против меня.

Часть меня все еще сомневается.

"Сделаешь это, и пути назад не будет. Ты станешь темным созданием, которое Деррик видел в лесу, и в этот раз у тебя не будет оправданий. Твои воспоминания вернулись. Сделаешь это – и будешь не лучше ее. Не лучше Лоннраха."

Сорча бросает на меня взгляд, и я вижу, как сильно она меня ненавидит. Принимаю решение.

"Пусть будет так".

Прорываюсь в ее разум, как меч прорывается сквозь плоть. Она так удивлена, что совсем не сопротивляется. Ловлю первый проблеск цвета в ее мыслях, похожий на тот, что был у Деррика. Только ее воспоминания все покрасневшие, с черными острыми краями, тернистые ветви плюща покрывают их, создавая защитный завес.

Сорча приходит в себя от первоначального шока, и ее разум врезается в мой. Она выталкивает меня с такой силой, что под веками у меня пляшут звезды. Я сжимаю зубы. Ее сила нападает с зубами и когтями на меня.

"Тебе придется сначала убить меня," – думает она. – "Тебе придется убить Кадамаха."

Сила ее нападения огромна, но она не сравнится с моей. Прорываюсь сквозь нее, мельком вижу воспоминания за шипами. Могу видеть внешние края, картинки, которые мигают так быстро, что невозможно зацепиться за них.

Она начинает новую борьбу, сейчас более неистовую. Отчаянную.

"Не надо".

Мои пальцы напрягаются у ее горла.

"Сдавайся", – мысленно говорю ей. Этот внутренний голос такой же жестокий и холодный, как у любого фейри. Я звучу могущественно. Звучу, как Кайлих.

Снова протискиваюсь в ее разум, как раз тогда, когда мои ногти прорываются через ее кожу.

"Я сказала, сдавайся".

Соппротивление Сорчи становится меньше, ее защита ослабевает. Ничего не могу поделать с небольшой радостью из-за того, что она наконец-то беспомощна против меня. Наконец-то.

"Не надо", – мысленно говорю я себе, когда отвращение узлом сжимается у меня в животе. – "Не становись настолько похожей на Лоннраха, что забываешь, почему ты делаешь это".

Сосредотачиваюсь на задаче: найти информацию. Как и с Дерриком, мой человеческий мозг не может справиться с потоком картинок, что составляют промежуток жизни Сорчи. Здесь тысячи прожитых лет, событий и эмоций, которые нужно просмотреть. Каждое из них идеально сохранившееся, все, что когда-либо случилось. Как будто бы время отличается для нее, не имеет никакого значения.

Когда Лоннрах делал это, он сортировал воспоминания с осторожностью и четкостью, как будто бы продевал нить в иголку. Пробую его тактику вызывать воспоминания вперед, выманивая их из потока картинок, основываясь непосредственно на том, что хочу.

"Книга Воспоминаний. Покажи мне то, что она не хочет, чтобы я видела. Покажи мне. Покажи мне".

Сорча использует последнюю каплю силы, чтобы противостоять и отправить меня в другое направление, но я держусь стойко. Склоняю ее своей волей. Ее последние остатки твердости исчезают под напором моей команды, моей силы. Чувствую, как ее тело повисает на цепях, и ослабляю хватку на ее горле.

Ее разум открылся, и я вхожу в ее память.

Стою у дороги рядом с деревом, которое тянется к небу острыми голыми ветками. Только что наступили сумерки. Прекрасный свежий аромат весенних цветов благоухает в воздухе. Бусинки воды собрались на коре – признаки недавнего дождя. Запечатленный в дереве символ фейри я никогда не видела прежде. Когда тянусь вперед, чтобы прикоснуться к нему, мои пальцы проходят сквозь ствол.

Это, может, и выглядит настоящим, но это всего лишь воспоминание — настолько идеально сохранившееся, что могу видеть каждое углубление в коре.

Сорча стоит рядом со мной, и я шокирована ее появлением.

Что с ней такое?

Она выглядит болезненной, слишком худой. Под шелковым сиянием фейрийской кожи у нее покраснение от лихорадки на щеках. Пот блестит на лбу, а рука дрожит, когда она убирает волосы назад. Ее глаза наполнены глубинными эмоциями, которые никогда не видела у нее. Отчаяние?

Я вздрагиваю, когда неожиданно слышу голос Лоннраха за собой.

– Я не могу пойти с тобой.

Поворачиваюсь, ожидая увидеть тот же жестокий взгляд, который видела столько раз, пока он держал меня пленницей. Но, как и Сорча, он не похож на Лоннраха, которого я знаю. Он не хладнокровный фейри, который кусал меня каждый день только для того, чтобы прочитать мои воспоминания и узнать мои секреты.

В отличии от своей сестры, кожа Лоннраха поразительно красивая, блестящая в лунном свете. Его бледные волосы собраны позади шеи, солено-белые пряди сияют в ореоле вокруг венца на его голове.

Пока он рассматривал свою сестру, выражение лица Лоннраха оставалось строгим, но сочувствующим. Я поражаюсь тому, как открыт он, как читаем. Он часто пытался скрыть свои чувства от меня в зеркальной комнате, особенно, когда рыскал в моем разуме. Иногда, когда он поднимал воспоминания меня и моей мамы вместе, думаю, ему становилось жаль меня. Эти проблески настоящего его всегда омрачались тем, что он делал со мной и Эйтинне.

Но в этом воспоминании... его глаза не были теми же утомленными от сражений, которые когда-то смотрели на меня с презрением каждый день в перерывах между его пытками.

Разум Сорчи подсказывает мне почему: "Это произошло до того, как Лоннрах был пленен. До того, как оба Королевства пали. До того, как Киаран убил свою Охотницу и оставил свой трон".

– Bheil thu eagal? – вопрос Сорчи дразнящий. От внезапно резкого взгляда Лоннраха она улыбается. – Так значит, ты боишься. Это всего лишь Книга.

– Bì samhach, – фырчит Лоннрах. Он оглядывается, будто бы ожидает атаки. Услышав смех Сорчи, он рычит. – Я слышал, что

Кайлих так по-настоящему и не убила Морриган. Тебе лучше надеяться, чтобы она не оказалась там запертой в ловушку.

– О, прекрати. Эти истории для детишек, – Сорча пренебрежительно машет рукой. – Даже если они и правдивы, Морриган была слабее. И пока она находится в неволе...

– Она все еще сильнее тебя, – прерывает Лоннрах. – Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься.

– Если ты так беспокоишься, тогда пойдем со мной, – она снова использует поддразнивающий тон, но я слышу толику волнения за ее словами. Могу ощутить по ее мыслям, что она нуждается в Книге, не только чтобы просто завладеть ей ради силы.

Зачем тогда?

– Я обещал, что помогу тебе найти дверь. И я помог, – говорит он. – Если я отправлюсь с тобой, моя Королева...

– Казнит тебя за предательство, – ее губы изгибаются в отвращении. Значит, даже тогда она ненавидела Эйтинне. – Я знаю. Ты говорил.

Лоннрах на мгновение засмотрелся на дерево, как будто бы хотел помочь ей, даже рискуя жизнью.

– Может, тебе стоит позволить ему умереть, – произносит Лоннрах, его голос настолько низкий, что едва слышу его.

Сорча резко бросает бросает взгляд.

– Нет, – говорит она. – Он мой друг и супруг.

– Сорча...

– Mo chreach! – она вскидывает руки вверх. – Ты хоть понимаешь, о чем просишь? Я не буду стоять в стороне и не позволю Эйтинне стать Кайлих, – Сорча выплевывает имя Эйтинне, словно проклятье. – Она казнит меня сразу же, как увидит.

Выражение Лоннраха становится холодным.

– Я попрошу за тебя.

– Это не имеет значение, и ты это знаешь, – Сорча трясет головой. Я слышу ее мысли: "Ты такой наивный, Лоннрах. Всегда таким был". – Мы на войне. Если Эйтинне займет трон, она будет убивать мой народ, пока остальные не преклонятся перед ней. Не могу позволить этому случиться.

– Однако, это ведь не основная причина, верно? – спрашивает он. – Думаешь, я не слышал слухов? Что я не могу сам увидеть, насколько ты истощена? – Сорча напрягается от этих слов, а ее брат горько смеется. – Ты можешь с тем же успехом признать правду: твой друг и супруг позволил своему Королевству загнивать, потому что влюбился в человека и теперь не убивает их.

– Tha sin gu leòr, – выплевывает она.

– Нет. Я не закончил, – он выдыхает, черты его лица смягчаются. – Для чего ты рискуешь своей жизнью, Сорча? Думаешь, что если разрушишь это проклятие, он выберет тебя вместо нее?

Его проклятие. О Боже, она искала способ спасти Киарана?

– То, что ты найдешь Книгу – не изменит ничего, – слова Лоннраха на удивление нежные. Он тянется и берет ее за предплечье, как будто чтобы заставить ее понять. – Он не станет любить тебя в ответ. Ты понимаешь это?

Сорча напрягается, но не вырывается.

– Он мой Король.

– Это не то, что я спрашивал.

Сорча надолго замолчала. Эмоции отражаются на ее лице: скорбь, неуверенность, и, наконец, тоска. Словно, она уже потеряла его. Я не осознавала, что ее чувства к Киарану настолько сильны.

– Я понимаю, – шепчет она. – Он стоит всего этого.

Лоннрах неверующе смотрит на нее – и, когда выражение ее лица подтверждает правдивость ее слов, он морщит лицо.

Затем в глубине сохранившихся мыслей ее воспоминания я слышу одну так четко: "Я бы не принесла клятву, если бы не имела в виду каждое ее слово".

Я чуть не выхожу из ее разума, удивленно чертыхаясь. Сорча так и не рассказала Лоннраxu о клятве, принесенной Киарану, той, что связала их жизни. Киаран однажды сказал, что это клятва, которую фейри приносят своим супругам, но, возможно, такое соблюдается лишь в Неблагом Королевстве.

Я предполагала, что она произнесла ее по той же причине, что и Киаран, из чувства долга или по традиции. Но нет — она каждым кусочком своей души желала ее.

Сорча любила Киарана. Однажды она любила его так же, как люблю его я. Любовь излучается в ее памяти, чистая и незапятнанная.

Неудивительно, что она смотрит на меня с Киараном таким образом; ей больно видеть нас такими. Неудивительно, что Сорча предала Лоннраха тогда, во время сражения за кристалл.

Она выбрала Киарана вместо собственного брата. Потому что все еще любит его. Всегда предполагала, что, то, что она чувствует к нему, не настоящие чувства. Я ошибалась — возможно, это то, что тысячи лет безответной любви, трагических событий и войны сделали с любовью. Они уничтожили ее. Превратили ее в нечто темное, уродливое и испорченное.

– Ты же не серьезна? – говорит Лоннрах.

– Серьезна, – уверенно говорит она Лоннраhu. – Но дело не только во мне. Если мы найдем Книгу, мы сможем воспользоваться ею, чтобы положить конец войне. Просто.

– А что потом? – голос Лоннраха ломается. – Думаешь, Эйтинне и Кадамах будут счастливо править плечом к плечу? Что Дворы смогут забыть тысячи лет убийств и жить в мире вместе?

– С чего-то же надо начать. Почему это не может начаться с нас? – выражение ее лица умоляющее. – Не бросай меня, Лоннрах. Сделай это со мной, и я прощу тебя за все, что было.

"Я прощу тебя за все, что было".

Что это значит? Взгляд Лоннраха поднимается к ветвям дерева, и на мгновение я думаю, что он скажет "да". Могу видеть, как черты его лица смягчаются, первый признак усталости от сражений,

который я видела, когда находилась в зеркальной тюрьме, появляется, оставленный тысячами веками горькой войны между их королевствами.

Но затем Сорча шепчет:

– Помоги мне спасти их обоих.

– Нет, – Лоннрах отступает назад. – Ты не хочешь спасти их обоих, ты хочешь, чтобы я спас его. А я не буду помогать тебе сохранять его жизнь. Я не предаю мою Королеву и мой Двор, особенно не ради... – он закрыл свой рот.

– Ради чего? – глаза Сорчи темнеют. – Мерзкой Неблагодой? Прямо как наша мама.

Он пытался не показывать резкий вдох, но я заметила. Когда он снова говорит, это происходит сквозь стиснутые зубы.

– Это то, как все должно быть, Сорча. Мы не можем изменить этого.

– Ты не хочешь менять этого, – шипит она. – Я должна была понять это еще тогда, когда ты впервые повернулся спиной ко мне. Ты пожалеешь об этом.

– Сомневаюсь.

– Я заставлю тебя пожалеть.

– Сорча...

– Преданный рыцарь, – произносит она с насмешкой, – порабощенный своей любимой Королевой. Надеюсь, что освобожу ее от проклятия и спасу ее жизнь, только чтобы понаблюдать, как Кадамах в любом случае вырвет из нее сердце, – ее остроконечные зубы сверкнули в кошмарной улыбке, которую знаю очень хорошо. – И когда он это сделает, я буду просить его пощадить тебя. Так, чтобы ты знал всю свою оставшуюся вечность, что это твое ошибочное чувство долга убило ее.

– Если бы ты не была моей сестрой, – рычит Лоннрах, – Я бы убил тебя за это.

Сорча в оскале сверкает зубами.

– А если бы ты не был моим братом, я бы убила тебя после того, как ты показал мне, как найти дверь, – она шагает ближе. – Нет, задолго до этого. Мне следовало выследить тебя и убить, когда обрела свою свободу.

"Обрела свою свободу".

Что-то должно быть случилось в их прошлом. Что-то ужасное. Что-то непреодолимое. Она не была свободной?

Лоннрах вздрагивает так быстро, что я едва замечаю.

– Ты умрешь там, – ровно говорит он ей.

– Лучше умереть там, чем быть как ты, – Она достает свой меч, но держит его у бока. – Ты сопливый, безмозглый трусишка. В этот раз, я не забуду этого, – затем она разрезает кожу на ладони и ударяет рукой по стволу дерева.

Прежде чем я успеваю увидеть, что происходит далее, Сорча удивляет меня, дернувшись назад и ударив по моему разуму. Сила настолько мощная, что из меня вырывается крик, и я отшатываюсь назад, вылетая из разума Сорчи.

Когда открываю глаза, я стою на коленях на земляной дороге.

Глава 22

Прикасаюсь к влажности, стекающей из моего носа к губам. Кровь. Порицающий голос Эйтинне всплывает в моем сознании.

«Тебе нужно будет быть более осторожной, когда отправишься на поиски Книги. Пользуйся своей силой в исключительных случаях.»

– Кэм? Ты в порядке?

Киаран опускается на колени рядом со мной, и я вытираю рукавом под носом, прежде чем он успевает увидеть.

– Нормально, – говорю я, отмахиваясь, чтобы встать самостоятельно. Не хочу, чтобы Сорча видела, как он помогает мне подняться.

Она отправлялась на поиски Книги, чтобы спасти его.

– Nighean na galla, – фыркает она, сплевывая на землю. – Надеюсь, это больно. Никогда не забуду чувство твоего отвратительного маленького человеческого разума....

– Ох, тебе не нравится? – скрещиваю руки. – Ужасная штука, не правда ли? Иметь кого-то еще в своей голове, манипулирующего твоими мыслями.

Сорча оскаливается.

– Какие бы заимствованные силы ты не использовала, это не делает тебя фэйри, маленькая девочка. Позволь мне освободиться от этих цепей, и я скормлю тебе твои внутренности, прежде чем убью тебя...

Мои силы обрывают ее, и ее предложение умирает в искаженном

приступе удушения. У предупреждения Эйтинне не было и шанса выстоять против возрастающей волны темноты внутри меня, требующей освобождения. Требующей кровопролития и сражения.

Всего лишь немножечко боли.

Скручиваю пальцы, чтобы пресечь ей подачу воздуха. Мои силы скользят по моим венам, готовые убивать.

Всего лишь немножечко больше...

– Прекрати, – Киаран хватает меня за плечо

Стряхиваю его.

– Я никогда не забуду ее меча, – моя рука сжимается в кулак, и кровь стекает изо рта Сорчи. – Это ощущается также.

– Кэм, – Киаран разворачивает меня лицом к себе. Его руки по обеим сторонам моего лица, его голос нежный. – Посмотри на меня, – он говорит сквозь тьму, пробиваясь к чему-нибудь человеческому во мне.

– Она отправлялась на поиски Книги, Маккей. Она знает, где находится дверь, – я не могу изменить мощь в своем голосе – низкий, опасный тон, который совершенно не походит на мой; он едва похож на человеческий. – Я могу заставить ее помочь мне.

Я мола бы заставить ее сделать все, что угодно. Могла бы заставить ее танцевать до тех пор, пока ее ноги не закровоточили. Все, что бы я не захотела.

– Нет, если она умрет.

– Я знаю это, – мои губы изгибаются.

– Точно? Потому что ты убиваешь ее, – говорит он мне охрипшим голосом. – Я могу это почувствовать.

Шок проходит сквозь меня, внося достаточно ясности, чтобы заставить мои силы свернуться. Закрывать их в тесном пространстве моей груди и удерживать от того, чтобы они снова высвободились.

Сорча немедленно начинает хватать ртом воздух, грудь поднимается от прикладываемых усилий.

О, так чертовски больно – удерживать всю силу. Ощущения, будто умираю. Я умираю. Но Киаран изучает меня слишком близко,

так что отсекаю боль. Игнорирую ее. После его согласия убить людей, чтобы помочь спасти меня, не могу рассказать ему, что каждый раз, когда использую свои силы, умираю быстрее. Не могу рисковать тем, что он может сделать.

Не позволяй ему увидеть.

– Извини, – говорю ему, мотая головой. – Я не могла... мне жаль.

– Тебе должно быть жаль, – Сорча задыхается позади нас. Ее голос едва громче шепота. – Если раньше и был шанс, что соглашусь помогать тебе, то я передумала. Лучше проведу здесь вечность.

Делаю угрожающий шаг в направлении ее, но Киаран останавливает меня. Он пристально смотрит на Сорчу напряженным, обдумывающим взглядом. Я знаю это выражение лица: он принимает решение. Взвешивает варианты. Киаран осторожен в подобных вещах.

Таким образом, понимаю: что бы он ни собирался предложить, это либо невероятно глупо, либо очень опасно, а вероятнее, и то, и другое.

– Маккей...

– Ты сказала, что сделаешь это за определенную цену, – он наконец-то говорит Сорче, избегая мой взгляд. – Назови ее.

– Нет, – кладу руку ему на грудь, чтобы оттолкнуть назад. – Не смей.

Но упрямая задница даже не смотрит на меня. Он говорит Сорче:

– Просто скажи мне, чего ты хочешь.

Губы Сорчи расплываются в медленной улыбке. Она проходит сквозь меня быстрее и больнее любого лезвия. И когда она смотрит на меня с тем высокомерным, издевательским намеком на клыки между губ, я знаю. Знаю, что она обдумывает.

То, что причинит мне наибольшую боль.

– Она точно знает, чего я хочу, – нараспев произносит Сорча этим ее радостным голосом. Тем, что преследует меня в кошмарах. – Правда?

Киаран. Она хочет Киарана.

– Отправляйся в ад, – мои пальцы сжимаются в кулаки.

Сорча смеется гортанным, соблазнительным звуком.

– Была там, выбралась оттуда, – говорит она. – И готовлюсь отправиться туда вновь, но для этого будет кругленькая цена.

Я побелела.

"И готова отправиться туда вновь".

Через дверь, с чем она столкнулась на той стороне?

Морриган. Выражение лица Сорчи говорит обо всем. Морриган все еще жива.

Сорча не ждет моего ответа.

– Тебе так же понадобится моя кровь, чтобы открыть Книгу. Ты даже можешь оставить ее себе, когда мы найдем ее. Но ты, Кадамах? Ты будешь моим – полностью и навечно. Она никогда не увидит тебя вновь. Это мои условия.

Я окидываю ее взглядом.

– Это отвратительная сделка даже для кого-то, как ты.

– Оу, но я была так тронута и вдохновлена твоими ранними словами, – ее мелодичный голос вернулся, издеваясь надо мной. – "Он мой каждой частичкой, так же, как и я его". Ты сказала, что я не понимаю этого. Теперь пойму, да? Кадамах больше не будет твоим: он будет моим.

Мой контроль висит на волоске, едва сдерживаемый. Покояющаяся рука Киарана на моем предплечье – единственное, что удерживает меня от сворачивания шеи Сорчи. Затем он скользит пальцами вниз по моей руке и прижимается ладонью к моей, в успокаивающем касании.

Он шепчет мне в ухо:

– Не позволяй ей видеть. Помнишь?

Пытаюсь. Так сильно пытаюсь спрятать все это. Та ужасная возрастающая беспомощность. Которую не испытывала с тех пор, как потеряла воспоминания, возвращается и вновь тянет меня вниз, вниз и вниз.

Зубы Сорчи мелькают в ухмылке.

– Что скажешь, Охотница? Спасение мира значит для тебя больше, чем твой драгоценный Киаран? Насколько отчаянно ты нуждаешься в моей помощи?

Она знает несколько вариантов, что у нас есть. И она издевается над нами из-за этого.

Когда Киаран смотрит на меня, я вижу, что он на самом деле обдумывает это. И мне становится тошно только от одной мысли о том, что ему предстоит пережить вечность рядом с ней. Я так близка к тому, чтобы позволить своим силам одержать верх, к тому, чтобы причинить ей боль, убить ее...

– Кэм, – голос Киарана, прорезывающий тьму.

Мое имя. Всего лишь мое имя. Как будто он просит меня понять, что он готов отдать себя, нет, свою душу, Сорче лишь бы спасти меня.

Это все что требуется, чтобы вновь обрести мой фокус. Не могу позволить ему сделать это. Нет. Киаран не какой-то чертов кусок собственности. Вы не можете заставить кого-то любить вас, владея их душой.

И Сорча делает это, потому что знает, что он владеет каждой частичкой и кусочком моего сердца.

Она делает это, потому что любит его так же сильно, как и ненавидит меня.

– Айе, что на счет этого, Кэм? – мои ногти впиваются в ладони, когда Сорча произносит мое имя. – Мы договорились?

– Нет, – отвечаю я сквозь сжатые зубы. – Нет, мы, черт побери, не договорились.

Но когда глаза Киарана встречаются с моими, я могу видеть, что он уже принял свое решение. Он взвесил варианты и наши альтернативы.

И он решил, что мы по-настоящему в отчаянном положении.

Когда он говорит, его голос низкий, и это убивает что-то внутри меня.

– Если я соглашусь, ты согласишься на мои условия. Никаких уловок. Ты дашь обещание не вредить Кэм.

– То же касается тебя. Если она попытается использовать Книгу, чтобы разрушить клятву, ты умрешь. Если она попытается наложить другую отметку поверх этой, ты умрешь. Если она когда-либо увидит тебя после того, как мы найдем Книгу, считай, что часть моей клятвы "не причинять ей боль" больше не будет иметь силы. Ты знаешь меня, Кадамах. Я выучила свой урок по поводу языка клятв.

Резко смотрю на нее. Что это значит?

Киаран кивает единожды.

– Книга для Кэм. И даже не думай о том, чтобы обойти убийство ее, поместив ее в постоянный сон. Никаких игр. Никаких извилистых условий, – он изучает ее суровым взглядом. – Я тоже выучил свой урок о языке клятв. От тебя.

Ее смех – еще один меч в моей груди.

– Поверь мне, я хочу, чтобы она прожила долгую, очень долгую жизнь. Полную осознания того, что она никогда не увидит тебя снова.

Вот и все. Хватаю Киарана за рубашку и тяну его прочь от Сорчи, прежде чем что-нибудь во мне сорвется.

– Мне нужно поговорить с тобой. Сейчас.

Киаран позволяет мне увести его достаточно далеко, чтобы я знала, что усиленный фейрийский слух Сорчи не сможет зацепить наших слов. Единственный звук между нами – ветерок, шуршащий в деревьях, которые растут вдоль дороги, отдаленное журчание ближайшего ручейка.

Когда мы останавливаемся, Киаран ничего не произносит; он просто смотрит на меня с этим молчаливым, стойким выражением лица.

Прячет свои чувства. Прячет все.

Когда-то это был единственный способ того, как он смотрел на меня. Когда мы охотились вместе, когда я наполовину жила тайной жизнью. Тогда я предполагала, что все фейри были без эмоциональными, что они не способны на чувства. После того, как он и Эйтинне спасли меня из тюрьмы Лоннраха, Киаран изменился, он больше не был замкнутым. Его страсть отражала мою собственную.

Но сейчас, когда его чувства наиболее сильны, Киаран прячет

свои эмоции от меня. Когда он не хочет, чтобы я видела, как сильно ему больно.

Прекрати пытаться защитить меня, Маккей.

– Что ты делаешь? – шиплю я.

Его выражение не меняется, и от этого я злюсь. Хочу видеть эмоции у него. Страсть, сожаление, горе, вину — что-нибудь.

– Какие у меня альтернативы, Кэм? – спрашивает он. – Смерть Эйтинне? Твоя смерть? У Сорчи есть преимущество, и она знает это.

– Тогда мы выследим Лоннраха.

– Как много времени у нас есть, прежде чем ты умрешь? – глаза Киарана встречаются с моими.

Меня практически выбивает из равновесия этим вопросом.

– Не переводи все....

– Не проси меня передумать, – срывается он. – У нас нет времени на поиски Лоннраха, верно?

Отвожу взгляд и слегка качаю головой. Он вздыхает звук отчаяния и глубокой усталости, который понимаю очень хорошо. Задаюсь вопросом, думает ли он о нашем времени вместе в постели, когда это казалось так просто – забыть обо всем на свете. Желает ли он вновь вернуться туда и позволить нам снова утонуть друг в друге снова и снова.

Я тоже это желаю.

– Предложи ей что-нибудь еще, – шепчу я. – Что угодно, – прижимаю руку к его груди, поверх того места, где, как я знаю, отметка Сорчи спрятана под рубашкой. – Затем, когда мы найдем Книгу, ты больше не будешь связан с ней клятвой.

– Она не примет другого предложения. Не тогда, когда знает, что мы бы не просили ее об этом, если бы имели другой выбор.

– Ты не собственность, – говорю ему резко. – Только по тому, что на тебе ее метка – не значит, что она владеет тобой.

После этих слов выражение его лица смягчается, и он прикасается ко мне. Его пальцы пробегают вдоль моих предплечий, следуя вниз пока не достигают кисти руки.

– Знаешь, по чему я больше всего скучал, Кэм?

Я трясую головой.

Не говори мне теперь. Не тогда, когда решаешь отдать свою жизнь ей.

Но он скользит своей рукой вверх, чтобы обхватить мою щеку и принуждает взглянуть на него.

– Мне никогда не приходилось носить твою отметку, чтобы знать, что я всегда буду принадлежать тебе.

Затем он целует меня, его губы мягкие напротив моих.

– Однажды ты расскажешь людям историю о короле фейри и человеческой девочке, – шепчет Киаран. – И как он наблюдал издали, когда она проживала двадцать тысяч человеческих дней. И если она прислушивалась во время зимы, когда ветер был холодным, а ночи длинными, она могла услышать, как он шепчет, что он дорожит ею так сильно, что готов отдать ей весь мир.

Я зажимаю глаза, прежде чем слезы начинают стекать.

– Что, если она не хочет целого мира? – спрашиваю его. – Что, если она хочет только тебя?

– Я уже есть у тебя, это ничего не меняет, – еще поцелуй, а затем он отдаляется, и я ощущаю его отсутствие, словно боль. – Я не спрашиваю твоего разрешения. Говорю тебе отпустить меня.

Отпустить меня.

Он говорил мне это прежде, в Эдинбурге, на поле сражения. Тогда я была согласна сделать это. Но теперь?

Часть меня не хотела, чтобы он не менялся. Чтобы в нем оставалась та беззаботная жестокость, которая бы сказала Сорче забрать ее соглашение и сжечь его. Но тогда он не был бы моим Киараном.

Не произноси слов. Когда ты произнесешь слова, ты потеряешь его.

Не могу. Каждый инстинкт во мне кричит. Я могла бы использовать мои силы. Могла бы сделать ее послушной. Но каждый раз, когда я использую свои силы, я знаю, что у меня остается меньше времени. Меньше времени с ним.

– Кэм, – говорит он мягко. – Тебе придется отпустить меня.

– Я знаю это, – едва могу говорить. – Но я не могу стоять здесь и слушать в то время, когда ты продаешь ей свою душу.

Поворачиваюсь спиной к нему и ухожу.

Глава 23

Позже Киаран находит меня в спальне, сидящей в огромном кожаном кресле у окна. Горящий камин — небольшой уют, который я себе позволила.

Не оглядываюсь, когда он подходит. Наблюдаю, как волны океана вокруг острова накатывают и отступают, накатывают и отступают. Сосредотачиваюсь на дыхании, мне необходимо что-нибудь контролировать. Что угодно. Потому что знаю, если не сделаю этого, то выйду из этой комнаты, найду Сорчу и проткну ее мечом.

Ощущаю его тепло прямо позади меня, но он не предпринимает никаких движений, чтобы прикоснуться ко мне.

– Ты принял клятву, – это не вопрос. Мой голос звучит спокойнее, чем я себя ощущаю. Держу свое дыхание таким же ровным, как эти океанские волны.

– Айе, – тихо произносит Киаран.

Мои ногти болезненно врываються в кожу ладоней.

– Где Сорча?

– Отдыхает. Она отведет нас к двери завтра.

Встаю, борясь за управление последними остатками моего контроля.

– Ей не нужен отдых, – говорю, поворачиваясь лицом к нему. – Давай просто сделаем это.

Когда пытаюсь проскользнуть мимо него, рука Киарана вытягивается и хватает меня за предплечье.

– Кэм.

Не позволяй ему видеть. Контролируй свое дыхание. Контролируй выражение лица. Не позволяй ему видеть.

Если я сейчас не уйду, то не смогу сдержать своих слез. В секунду, когда мои глаза встретят его, я сломаюсь.

– Дай пройти, Маккей, – первые признаки эмоций вкрадываются в мой голос. – Чем скорее мы найдем Книгу...

– Мне нужна одна последняя ночь с тобой.

Смотрю на него, удивленная, обнаружив выражение его лица открытым и уязвимым. Как будто он просит меня. Останься. Останься со мной.

Одна последняя ночь вместе, прежде чем мы отправимся на поиски той Книги, и я потеряю Киарана, так или иначе. Эта клятва, которую он дал Сорче, где-то на его теле. Она отметила его. Дважды.

– Дай мне увидеть ее, – говорю я жестким голосом. – Покажи мне ее клятву.

– Не надо, – шепчет он, – не делай этого.

– Покажи мне.

Со сжатой челюстью Киаран грубо снимает свое пальто и кидает его на пол. Затем рубашку.

Резко выдыхаю, когда вижу на нем новые отметки.

Торс Киарана – карта завивающихся узоров, вырезанных из его плоти и заживших в шрамы. Один, который охватывает всю его спину – клятва, которую он дал Катрионе, Соколиной Охотнице, в которую влюбился тысячи лет назад: его клятва никогда не убивать людей.

Отметка Сорчи пролежала прямо над его сердцем в беспорядке острых разветвлений, которые пересекали кожу, распространяясь до вершины его плеч, как будто желая покрыть каждый сантиметр тела, как будто бы желая поглотить его.

И сейчас так и происходит.

Его клятва Сорче вплелась вокруг и внутри той клятвы, через грудную клетку, выше и выше вокруг мышц его предплечий и плеч.

Обхожу его, чтобы увидеть, что она продолжается через всю спину, исчезая под ремешком его брюк, продолжаясь высоко, направляясь к шее, где ныряет под линию роста волос.

Киаран напрягается, когда я прикасаюсь к нему, но он не двигается и ничего не говорит. Пытаюсь почувствовать его силы, но все, что я могу ощущать – это Сорча. Как будто бы она обернула себя

вокруг него, насильственно засела под его кожей.

Это не просто клятва: это отметка собственности. Она говорит: «Ты – мой навечно, и я никогда не позволю тебе уйти».

Отшатываюсь от него, словно его кожа горит.

– Я найду способ избавить тебя от этого, – говорю ему напряженно. – Чего бы это ни стоило.

Прежде чем успеваю даже моргнуть, Киаран берет меня за предплечья и целует. Поначалу это сердцаразбивающе медленно, его губы легкие, робкие, но я хочу большего. Целую его сильнее. Вкладываю в поцелуй все свои чувства, каждую частичку себя. Все, что не могу сказать словами.

– Я твой, – он трется о мои губы.

Он притягивает меня к себе, его пальцы отчаянно оттягивают рубашку, чтобы почувствовать кожу под ней. Отдаляюсь чтобы позволить ему стянуть ее через голову, а затем его руки находятся везде, прикасаясь, поглаживая.

– Я твой, – произносит он снова.

Его губы следуют вниз к моей шее, плечу. Каждое касание обжигает. Его губы прокладывают иссушающую дорожку тепла вниз по моему телу, он шепчет эти два слова снова, снова и снова. Напоминание. Обещание. Клятва мне, та, что отмечена в его душе.

– Я твой.

Ощущение, словно он прощается.

Глава 24

На следующее утро Киаран и Сорча ожидают в холле дворца. Их головы склонены, и они что-то горячо обсуждают. Их голоса низкие, настойчивые. Они оба поднимают взгляды, когда эхо моих шагов разносится по темному полу из оникса.

На Сорче надето потрясающее красное платье из парчи и сапоги на каблуках, как будто бы мы на пути на бал. Она даже выглядит так, словно надела украшения.

Боже правый, так и есть. Это многослойное кольцо с вкраплениями рубинов. Что-то подобное могли бы носить королевские семьи.

– Мы намереемся сразиться с древним злом или собираемся на бал? – спрашиваю я, когда подхожу.

Сорча расплывается в медленной, ленивой улыбке. Победной. Которая говорит: "У меня есть все, что я хочу и мне плевать, что ты думаешь".

– Я отправляюсь на войну, одетая для исхода.

Бросаю взгляд на ее рубиновое кольцо. Надеюсь, Морриган задушит ее им.

Она бросает взгляд на мой меч, и слышу ее мысли: "Надеюсь Морриган проткнет тебя этим".

Если бы я не ненавидела ее так сильно, я бы рассмеялась.

"Однажды, я уничтожу тебя", – мысленно говорю ей, – "я сожгу

твою жизнь до основания".

– Кто-то полон энергии этим утром, – усмехается она. – Ты, должно быть, хорошо отдохнула. В отличии от Кадамаха, который, кажется, близок к тому, — она соединяет большой и указательный пальцы, — чтобы разорвать тебе глотку.

Резко поворачиваю голову. Когда глаза Киарана встречаются с моими, практически делаю шаг назад в тревоге. Черная часть радужек его глаз окрасилась еще больше в лиловый. Хуже, у него был дикий взгляд, едва сдерживаемая дикость. Он борется за то, чтобы держать себя под контролем рядом со мной.

Я должна была почувствовать это прошлой ночью, когда он покинул постель. Прямо перед рассветом я услышала, как он что-то пробормотал мне интонацией, убаюкивающей меня назад в сон. Он прижался поцелуем к моему плечу, а затем, думаю, ощутила легкое царапанье его зубов о мою кожу.

Когда я потянулась, он резко отпрянул назад.

– *Falbh a chadal*, – прошептал он, сидя на краю кровати и тяжело дыша, – засыпай.

После этого кровать ощущалась холодной.

Словно читая мои мысли, Киаран отводит взгляд. Сорча смеется.

– Ааа, значит ты отказываешь себе из-за нее. Я должна была догадаться. Так благородно и праведно. Так по-человечески.

– Лучше уж так, чем быть нравственно несостоятельной ведьмой, – говорю я.

– Его нужды не имеют ничего общего с нравственностью, наивная маленькая девочка, – она закатывает глаза, а затем изучает свои ногти. – Если Морриган не убьет тебя прежде, чем ты найдешь Книгу, вероятнее, это сделает Кадамах. Он не сможет ничего с этим поделать. Как ты думаешь, из-за чего умерла его первая зверушка – Охотница?

Киаран сужает взгляд.

– Ты бы, наверно, сдохла на месте, если бы целых три секунды не произносила ничего мерзкого и жестокого, да?

– То, что ты зовешь мерзким и жестоким, я называю честным, – Сорча пожимает плечами. – Ты можешь продолжать винить меня за ее смерть, но мне не пришлось ничего делать для этого. Только засунуть ее в одну комнату с тобой.

В этот раз, шипя, он сверкает своими зубами, и я вижу намек на клыки, появляющихся из десен — пока он не замечает, как я замерла и затаила дыхание. Я не смогла полностью спрятать выражение беспокойства от этих клыков, похожих на те, что оставляли отметки на моих руках, шее, плечах, груди. Прямо как у той женщины в домике.

– Кэм, – шепчет он. Затем закрывает свой рот.

– Мне жаль, что вообще попросила тебя вовлечь ее во все это, – трясущей головой.

– Я сожалею, что послушался тебя. Но мы уже здесь.

Смех Сорчи мелодичный и достаточно нервирующий для того, чтобы меня пробрала дрожь.

– Ох, да ладно вам. Я думала, мы все друзья.

– Забавно, – говорю, – я думала, мы злейшие враги.

– Разве это не то, что я только что сказала? – она поднимает вверх свое запястье, где ее клятва отмечает кожу узором похожим как у Киарана. – Сейчас у тебя есть моя клятва, чтобы помочь тебе найти Книгу, а Кадамах не будет принадлежать мне, пока она не станет твоей. Тебе не нужно беспокоиться о том, что я нападу на тебя снова. Я бы сказала, что это делает нас даже лучше, чем просто друзьями.

– Отведи нас к двери, пока я не задушил тебя, – говорит Киаран, жестом указывая на проход, который ведет к лабиринту коридоров.

Взмахнув своим длинным платьем из парчи, Сорча отправляется к коридору. Как только Киаран поворачивается, чтобы следовать за ней, останавливаю его.

– Подожди, – видя, как он хмурится, говорю: – Я приведу Эйтинне.

– О, воссоединение, – говорит с легкостью Сорча. – Обожаю воссоединение со всеми людьми, которых пыталась убить. Это так катарстически, ты так не думаешь? (катарсис –сопереживание высшей гармонии в трагедии, имеющее воспитательное значение, прим. пер.)

Я сжимаю переносицу.

– Маккей? Есть какой-нибудь шанс, что ты мог бы перефразировать ту клятву для обеспечения соблюдения тишины ради оставшейся ее очень долгой жизни?

Киаран игнорирует это.

– Я не соглашался брать с собой Эйтинне.

– Ты так же и не отказывался. Мы этого не обсуждали.

Киаран оглядывается на Сорчу, которая с весельем наблюдает за нами. Он берет меня за руку и ведет к другой стороне обширной прихожей ради некоторого подобия приватности.

– Пикси. Не Эйтинне.

– Если Сорча говорит правду о Морриган, нам понадобится твоя сестра.

Захват Киарана на моей руке напрягается сильнее.

– Если я потеряю там контроль и обижу тебя, я не верю, что Эйтинне сделает правильный выбор, она слишком мягкая, Кэм.

– О каком точно выборе ты говоришь? – хмурюсь.

– Ты уже поклялась, что оставишь меня там.

– Это ведь не то, о чем ты сейчас говоришь, да? – от его молчания мой голос становится еще ниже. – Что, Маккей? Хочешь, чтобы я убила тебя?

– Что бы не потребовалось, – его голос – грубое шипение, – Книга – наш приоритет. Если дойдет до того, что нужно выбирать: я или Книга, верю, что ты примешь правильное решение, – он

отпускает меня. – Моя сестра выбрала бы меня. Всегда выбирает. Иногда мне кажется, она позволит проклятому миру уничтожиться из-за меня.

До этого не дойдет. Я не позволю дойти до этого.

Но мы делаем это так же для того, чтобы разрушить и проклятие Эйтинне. Она должна быть там, на нашей стороне. Она должна быть там, чтобы помочь нам пройти через это, чтобы положить этому конец. И, если я умру прежде, чем мы найдем Книгу, она должна быть той, кто обратит вспять уничтожение наших миров. Не уверена, что Книга сможет воскресить меня, если я умру с силами Кайлих, но, по крайней мере, Эйтинне будет способна вернуть Кэтрин, Дэниэля, Гэвина и всех, кого они потеряли в войне. Они заслуживают лучшей жизни, чем эта.

Спиной отхожу от него.

– А если случится худшее, и ты нападешь на меня? Тогда что? – понижаю голос. – Ты ожидаешь, что справлюсь с тобой? Я только однажды превзошла тебя. И это было до...

До тебя. До нас. До всего.

– Если ты думаешь, что я буду более объективна, чем Эйтинне, – говорю вместо этого, – тогда ты идиот. А это не то слово, которое я бы использовала, чтобы описать тебя.

Я старалась не позволять моим чувствам к Киарану ослепить меня, но уже слишком поздно. Уже ослеплена. Неужели он не знает, что я сделаю все возможное, чтобы спасти его? Прямо как он бы сделал для меня? Ни один из нас не объективен. Мы зашли слишком далеко.

Вместо этого пытаюсь обратиться к практической стороне Киарана:

– У Деррика нет достаточно силы, чтобы сражаться с Морриган, и он более полезен в лагере, где сможет помочь другим в случае, если земля начнет разваливаться на части. И ты это знаешь.

Вот и все, что требуется. Киаран отступает назад, выражение лица снова закрытое.

– Ладно. Зови Эйтинне.

Колеблюсь, прежде чем задействовать свою силу, осторожничаю, чтобы не позволить ей стать слишком опьяняющей. Это так соблазнительно, позволить ей взять контроль надо мной, потеряться в ней.

Она скользит вниз по моим венам в мои ладони, и я направляю ее быстрым движением запястья. Найди Эйтинне.

Ответ практически мгновенный. Она вернулась обратно в лагерь с Дерриком и другими — я позволяю себе момент облегчения от того, что они невредимы. Пламя их костра горит высоко, и они все сидят на земле со старыми шерстяными одеялами на плечах. Гэвин снова пьет этот ужасный виски, в то время, как Деррик задает вопросы Кэтрин и Дэниэлу ни о чем конкретном.

Голова Эйтинне поднимается вверх, когда она чувствует меня, оставляю непрерывающуюся ниточку силы, чтобы намекнуть ей, следовать за ней.

– Самое время, черт побери, – говорит она, взбодрившись. – Я создам портал. Скажи Кадамаху открыть ворота.

Возвращаюсь и передаю Киарану ее послание. Он пересекает комнату, чтобы добраться до огромного рычага рядом с двойными дверьми, которого не видела. Быстрым рывком он тянет его в сторону, и тяжелые дубовые входные двери распахиваются.

Деррик первым вылетает из портала.

– Вы только посмотрите, – говорит он, прекращая меня изучать.
– Живая. Невредимая. Хорошо. Если бы было по-другому, я бы отрубил ему пальцы.

Киаран встает рядом со мной.

– Я бы оторвал твои крылья.

– Не обращай на него внимание, пикси, – Эйтинне заходит в комнату, ее длинное пальто развивается позади нее. – Я должна была догадаться, что он будет угрюмым и в ужасном настроении.

– Phiuthair, – Киаран сверкает на нее глазами, не выражающим никаких эмоций.

– Bhràthair, – она останавливается и изучает его. – Выглядишь хреново. Предположу, что ты не питался несколько дней, если отсутствие подарков является показателем.

– Не надо, – голос Киарана углубляется, предупреждая.

– Кстати, я прекрасно поживаю, – продолжает она, словно он ничего не сказал. – Тебе нравится мое пальто? Разве я не чудесно выгляжу? Разве я не лучшая сестра от того, что стою здесь, все еще желая поговорить с тобой после того, как ты месяцами игнорировал меня, упертый ублюдок?

– Ну, это весело, – произносит Деррик. – На самом деле я ощущаю любовь в этой комнате. Это прекрасно. Айлиэн, разве это не прекрасно?

– Ты здесь, потому что Кэм хотела твоей помощи. А не я.

– Проклятье, Маккей...

– Может быть, ты и не хотел моего присутствия, – говорит Эйтинне, не обращая внимания на мои попытки встать между ними, – но посмотри насколько быстро я пришла. Потому что, все еще беспокоюсь о тебе. Хотя Бог только знает почему, с тех пор как ты стал такой упрямой занозой в моей заднице.

– Обожаю, когда Эйтинне ругается, – говорит мне Деррик. – Я бы сказал, мы позволяем им выпустить пар. Раунд кулачных боев. Никаких убийств. Пойду, найду закуску.

– О, ради Бога, – произносит Сорча позади нас. – Если вы собираетесь устраивать разборки, я предпочла бы вернуться обратно в свою тюрьму. Там не было пыток. Вот это пытка.

Деррик выглядывает из-за моих волос.

– Что эта убийственная задница здесь делает?

– Как ты назвал меня только что? – Сорча моргает несколько раз, смотря на него.

– Ты слышала меня, клыкастая ведьма.

– Сорча может найти Книгу, – прерываю их. – И нам нужна ее кровь, чтобы попасть туда. Выбор был между ней и Лоннрахом.

– Значит, выбирая между смертоносными задницами, ты выбрала ту, что убила тебя, – смех Деррика сухой. – Это интересно.

– Я выбрала ту, которая очень кстати была скована цепями, вместо того, который скрывается.

Деррик не выглядел убежденным.

– И мы должны просто поверить, что она помогает из доброты того черного осколка камня в ее груди, который зовет сердцем?

– Я стою прямо здесь, – резко произносит Сорча.

– Хотелось бы, чтобы не стояла, – вздыхает Деррик. Затем мне: – Позволь-ка дать тебе кое-какой совет, подруга. Если собираешься взять ее с собой, заставь ее идти первой. В этом случае тебе не придется беспокоиться о том, что она проткнет тебя клинком в спину.

– Милый маленький пикси, – говорит Сорча, – если тут и существует одна вещь, которую тебе следует выучить, то это то, что я с готовностью заколю ее спереди, – она разворачивается на пятках и направляется к большому залу, материал ее парчового платья развивается по земле, как плащ. – Если вы идете, то дверь находится там.

Деррик начинает следовать за ней, но я останавливаю его.

– Мне нужно, чтобы ты оставался в лагере.

– Но там у меня не будет возможности убить кого-нибудь, –

хнычет он.

– Я бы взяла тебя с собой, если бы могла, но не могу оставить остальных без защиты. Не тогда, когда мир разваливается на части.

– Ладно, – вздыхает Деррик, – ладно, просто будь осторожна, хорошо? Не делай ничего глупого. И что бы ни потребовалось, не позволяй Сорче прибрать к рукам меч.

– Не позволю, – он обнимает меня, и я позволяю на краткий миг, прижаться к нему щекой. – Сделай мне пиратский костюм.

Ощущаю его улыбку на моей коже.

– Только если пообещаешь мне танец.

На этом Деррик вылетает из дворца, а я разворачиваюсь, чтобы следовать за Сорчей.

Глава 25

Киаран следует сразу позади Сорчи, без сомнений, чтобы присматривать за ней, в то время как я иду с Эйтинне. Длинный обсидиановый коридор все еще жутко тихий. Освещение тускнеет, и коридор отбрасывает тени, которые, кажется, растут и двигаются. Дышат.

Эйтинне начинает дрожать рядом со мной.

– Ненавижу это место, – шепчет она. – Хотя бы раз мне бы хотелось выйти из портала под радугой или рядом с выводком котят.

Я хихикаю.

Сорча приостанавливается и прижимает ладони к булыжникам, ее пальцы задерживаются на них почти что с любящей нежностью. Она качает головой один раз и продолжает идти, ее каблуки решительно цокают по полу.

Эйтинне склоняется ко мне.

– Я все ещё убеждена, что она ведёт нас к нашей гибели.

– Она произнесла клятву, чтобы помочь мне найти Книгу, – говорю я. – Она связана ею.

Киаран мастер в том, что касается фейрийской полулжи и манипуляции. Он бы убедился, что условия их клятвы настолько прямые, насколько это возможно. Но мне также известно и то, что Сорча будет искать способы повернуть её против меня. Только потому, что феири не могут лгать, не значит, что они честны, и ограничения клятвы не делают их неспособными к обману. Не встречала никого, кого бы Сорча не предала, даже тех, кого она любит.

Прямо сейчас у нее все преимущества. Она нашла дверь раньше, знает её тайны, видела Морриган. И каким-то образом все ещё жива.

– В моём Дворе мы говорим про таких как она, – Эйтинне издает небольшой смешок, – ты будешь думать, что выиграл сражение, пока не отступишь назад, и она отрежет твои лодыжки прямо под тобой.

– Я могу тебя слышать, – Сорча прижимается ладонями к другой стене. На её губах небольшая улыбка. Ей, похоже, нравится, что такое говорят. Это, вероятно, прямо про нее.

– Можешь? – с лёгкостью спрашивает Эйтинне. – О, хорошо. Теперь, когда у меня есть твое внимание, добавлю, что часто развлекаю себя, представляя, на что это будет похоже, если сбросить тебя с обрыва в море. Кстати, милое платье.

– Для чего ты вообще находишься здесь? – зеленые глаза Сорчи блестят от раздражения. – Кроме того, чтобы быть сумасшедшим маленьким грузом, потерявшей свой разум где-то в недрах Эдинбурга, – улыбка Эйтинне меркнет и Сорча видит это. – Скажи мне, сколько времени заняло у моего брата, чтобы сломать твой рассудок? Как много раз он разбивал твои кости и сжигал твоё тело, прежде чем ты стала такой жалкой? Это заняло сотни лет? Пять сотен? – улыбка Сорчи безжалостна. – Или это слишком много?

Где-то посреди злых вопросов Сорчи глаза Эйтинне становятся пустыми. Мертвыми. Я видела их раньше.

Нежно хватаю её руку.

– Эйтинне, – снова бормочу её имя, пока не вижу проблеска узнавания в её глазах.

– Тебе не стоит беспокоиться, – Сорча говорит мне. – Эйтинне сломлена. Морриган запросто уничтожит ее.

Киаран дёргает Сорчу к себе.

– Достаточно, – есть что-то дикое в его выражении лица, что-то безумное. Что-то темное. – Заговоришь с моей сестрой ещё раз подобным образом, и от следующей пытки, что я придумаю для тебя, ты будешь умолять покончить с нами обоими, – его нож оказывается в руке прежде, чем я успеваю моргнуть. – Возможно, мне следует начать сейчас? Как насчёт одного из этих чудесных зелёных глаз? – он прижимает край лезвия к ее щеке.

Пячусь назад. Его голос неузнаваем. Незнакомый. Этим голосом, как я представляю, могла бы говорить смерть: низкий, опасный голос, от которого мороз пробирает до костей.

Выражение Сорчи не меняется, но маленькая дрожь проходит через её тело.

– Начинай сейчас, Кадамах. Ты произнёс клятву...

– И она не вступит в силу, пока мы не найдём Книгу. Теперь двигайся, – затем он грубо пихает её в сторону.

Сорча только бросает взгляд на Эйтинне, подняв подбородок, и продолжает поиски. Она, может, и искусна в сокрытии того, как себя чувствует, но меня не одурачить. Киаран только что напугал её до чертиков.

Он так же до чертиков напугал и меня.

Пока мы продолжаем идти через коридор, Эйтинне не говорит ни слова. Зачастую её пальцы сжимаются и разжимаются на рукоятке меча; то, что сказала Сорча, добралось до нее. Я наклоняюсь и говорю Эйтинне в ухо, что быть уязвимой не значит, что она сломлена. Рука Эйтинне хватает мою, сжимая от понимания. Лоннрах пытался разрушить нас обоих.

Спустя некоторое время Сорча снова останавливается, кончики пальцев скользят по стенам. Ощущаю её силу в воздухе, только на мгновение, прежде чем она отходит снова с тихим, досадным ругательством.

– Если ты находила дверь ещё до того, как этот замок существовал, почему мы ищем сейчас в нем? – спрашиваю я.

– Когда Лоннрах в первый раз нашёл для меня тюрьму Морриган, – говорит Сорча, – она находилась в Sìth–bhrùth. А раз уж Sìth–bhrùth стерся практически ни во что, нам нужно искать её здесь. Пользуюсь кристаллом, чтобы направить свои силы, но чертова дверь двигается.

– Двигается? – спрашиваю я скептически.

– Почему, как ты думаешь, мне пришлось просить своего брата помочь мне в первый раз? – теперь она звучит раздраженной. – Раз уж это требует нашей крови, то было проще сделать это нам двоим.

– Или для того, чтобы найти ее, требуется кто-то с навыками помимо ухищрений и предательства, – бормочет Эйтинне, звуча больше как прежняя она.

Сорча выбрасывает руку вперед, и я ощущаю, как её сила растёт. В мгновение перед тем, как она ударяет, Эйтинне вскидывает свою руку и разрывает силу Сорчи так легко, как будто отрывает кусочек бумаги.

– Не позорься, – говорит Эйтинне с милой улыбкой. – Я, может, и сломлена, но, если захочу, могу заставить твоё сердце взорваться у тебя в груди.

С рычанием Сорча поворачивает в другой длинный коридор. Она вытягивает руки, кончики пальцев проходят по каменным стенам, и я снова могу чувствовать её силу в воздухе. На вкус, как железо, и имеет наждачную текстуру, грубую, как пемза.

Она прижимает ладони к стене, ее лицо – маска сосредоточенности.

– Дверь существует между нашими мирами, – бормочет она. – В правильном месте я могу вызвать ее, точно так же, как мы путешествует между этим миром и Sìth–bhrùth.

– Почему ты не нашла Книгу? – спрашиваю я. – Если ты так сильно её хотела, что заставило тебя уйти прочь?

Почему ты сдалась в попытке покончить с проклятием и спасти его? Если ты любила его так сильно...

Когда Сорча бросает на меня взгляд остекленевшими глазами, её сила все ещё ищет.

– В этом ты ошибаешься, Охотница. Я не ушла прочь; я упала на колени и уползла. Со своей жизнью.

Её брови пересекает морщинка, и она делает несколько шагов от нас. Затем резко останавливается, её голова дергается влево. Она пялится на стену, как будто видит что-то, чего остальные – нет.

Тянусь туда своими силами и ощущаю там тень... чего-то. Но она такая лёгкая, что я не могу разобрать. Сила, но только крошечный проблеск ее... Столь же слабый, как дуновение вереска в воздухе.

– Кадамах, – говорит Сорча низким голосом. – Дай мне свой клинок. Быстро.

Прежде чем я успеваю возразить тому, чтобы Сорча владела чем-то острым, Киаран вытаскивает нож из ножен на своём запястье и передаёт ей рукояткой вперед. Без каких либо объяснений и не мешкая, Сорча скользит оружием по обеим ладонями в два быстрых взмаха. Затем передаёт лезвие обратно и размазывает свою кровь по обсидиановой стене.

Ударяет ладонями по камням. Наблюдаю, как кровь собирается по гладкому камню, блестящая как патока. Только она не стекает вниз, как должна бы. Вместо этого она изгибается на камне, создавая узор. Похожий на одну из отметин Киарана: вихревой узор, который петляет вокруг себя, становясь мельче и более запутанным.

– Вот ты где, – шепчет Сорча. – Fosgail.

Внезапный треск эхом разносится по коридору, такой громкий, что моя рука тут же оказывается на рукоятке меча. Перед нами в стене формируется разлом, проходящий от пола до потолка. Камни распадаются, отрываясь друг от друга, чтобы показать крошечную пустоту, за которой я ничего не могу видеть — открытую ровно настолько, чтобы через нее мог пройти один человек.

Сорча моргает и отступает от разлома.

– Вот и он. Один портал в ад.

Я пялюсь в тёмное отверстие с надвигающимся ощущением тревоги. Что могла сделать Морриган, чтобы заставить Сорчу решить, что Киаран не стоит этого?

– Ты так и не сказала, что заставило тебя сдаться, – говорю я ей.

Я удивлена маленьким намеком на человечность в глубине её обычно холодных зелёных глаз. Прежде я видела моменты эмоций в ней, только когда она с тоской смотрела на Киарана. Но в этом что-то большее, ощущение потери, которое я узнаю, поскольку так остро ощущала его долгое время.

– Морриган сделает все что угодно, чтобы выбраться оттуда, – бормочет она. – В момент, когда мы войдем, она примет решение, кто из нас марионетки, а кто – ключ к её побегу.

– Кем была ты? – тяжело сглатываю.

Улыбка Сорчи горькая и жестокая одновременно.

– Ни тем, ни другим. Я была ее развлечением.

Сказав это, она отступает назад и посылает мне взгляд, будто спрашивая: «Как насчёт тебя, Охотница? Стоит он этого?»

Глаза Киарана ловят мои. Выражение лица его незнакомое, беспокойное. Проблеск чего-то тёмного и голодного прямо под поверхностью, едва сдерживаемый. Его проклятие. Проклятие, на которое у меня есть один шанс, чтобы отменить его.

«Спасти меня, Кэм? Ты бы желала моей смерти».

Резко отвожу взгляд, и прохожу через портал.

Коридор на той стороне похож на тот, что мы покинули — широкий, затемненный проход. Единственное, здесь нет дверей — по крайней мере, ни одной, которую могла бы увидеть через ряды увядшего плюща, который змеится по камням от пола до потолка. Ни единого зеленого листочка не осталось в листовом покрове, только увядшие коричневые лозы, которые тянутся в дальний конец коридора.

Дрожу из-за мороза от старых промокших камней, моё дыхание выходит белым туманом. Холод, пробирающий до костей, который происходит не из-за температуры, а из-за атмосферы. Стены ощущаются слишком близко и слишком далеко одновременно. Пока я стою здесь, коридор, кажется, становится темнее, холоднее и длиннее.

Где-то в плюще— в этом мертвом, пустом пространстве — кто-то наблюдает за мной.

Мне становится жутко. Киаран, Сорча и Эйтинне выходят из портала — и он исчезает, закрывается, словно быстро исцеляющаяся рана. Затем исчезают и трещины, как будто его никогда здесь и не было.

– Ну, это не очень хороший знак, – говорит Эйтинне, изучая плющ. Она скользит пальцем вдоль ветки. – Это место ощущается неправильным. Мертвым, – затем она мямлит: – Ну почему здесь не могли быть котята? Хотя бы раз?

Сорча пристально смотрит в коридор, становясь бледной от страха.

– Он так не выглядел раньше, – тихое ругательство на её губах. Она поняла что-то. – Кайлих держала это место целостным. Теперь, когда она мертва, а её силы в теле некомпетентного человека, этот мир разваливается на части, прямо, как и наши, – она резко смотрит на Эйтинне. – Мне следовало самой пихнуть тебя на меч Кадамаха. Я не собираюсь умирать, потому что он стал слишком мягким, чтобы убить тебя.

– Это не поможет, – фыркаю я.

– Мне плевать. Это все меняет. Ты хоть понимаешь, насколько отчаянно Морриган будет пытаться сбежать? Это её последний шанс, – она отступает обратно к portalу, из которого мы только что вышли. Когда она обнаруживает, что он закрыт, тут же закрывает глаза. – Кадамах, просто убей свою тупую сестру и стань следующим Кайлих. Избавь нас от неприятностей.

– Я лучше убью тебя. Теперь найди Книгу.

Сорча распрямляется.

– Если бы это было так просто, она бы не была все ещё здесь, верно? – срывается она. Затем мне: – Молись о том, чтобы выжить, и чтобы сделать её своей, Охотница.

Она проталкивается мимо нас и остальные следуют за ней. Пока мы продолжаем идти мимо лоз, коридор держится строго прямо. Он никогда не меняется. Лозы превращаются в пятно переплетенных, кажущихся бесконечными ветвей, иссохших и мертвых. Пол усеян листьями – единственный признак того, что это место когда-то было переполнено жизнью.

Были ли растения жестокой колкостью, которую Кайлих оставила Морриган? Напоминанием, что та никогда больше не увидит живую природу или мир? Или, возможно, они были маленьким проявлением доброты, которую Кайлих проявила к своей сестре, прежде чем запереть её здесь и выбросить ключ подальше: сад, чтобы облагородить ее тюремные стены.

Пока мы пробираемся через ворох листьев, слегка расширяю свои чувства, достаточно для того, чтобы прочесать коридор, но недостаточно, чтобы позволить силам измотать или поглотить себя. Внезапный холодок проходит по моей коже, и я останавливаюсь. Опять на меня смотрят глаза, в стенах, под этой листвой.

Голос проносится в моей голове – тот, что похож на голос Кайлих, но не старый, напуганный и умирающий. Этот голос могущественен. Он звучит как обещание смерти.

«Я вижу вас».

Воздух в коридоре густеет, слегка колеблется, как если бы

маленькая галька была брошена в лужицу воды. Мы все внезапно останавливаемся. Рядом со мной Киаран шепчет грязное проклятие.

– Я так понимаю, все это почувствовали? – спрашивает Эйтинне. Мы киваем. – У кого-нибудь ещё есть ощущение, будто им распорют живот и выпотрошат внутренности? – говорит она. Когда мы снова киваем, она добавляет: – Никогда прежде не чувствовала себя настолько напуганной, чтобы описать в штаны.

Киаран выхватывает лезвие.

– Эйтинне, – мямлит он, его глаза на мертвых лозах, – в этом больше информации, чем мне хотелось бы знать.

– Ты такой деликатный, – с лёгкостью говорит Эйтинне, но шагает ближе ко мне так же со своим вытянутым мечом.

Царапанье камня по металлу где-то в коридоре заставляет нас всех подпрыгнуть. Дыхание Сорчи становится неравномерным.

– Говорю, давайте убьем Охотницу, – говорит она. Я не пропускаю дрожь в её голосе. – Древняя магия любит хорошую жертву.

Я пялюсь на нее.

– Правда? Ты хоть понимаешь, что все здесь ненавидят тебя, да?

Прежде чем она успевает ответить, коридор снова дрожит, в этот раз более жестоко. Камни вокруг нас стонут. Что-то рушится. Я поворачиваюсь и вижу, как кусок потолка падает и разбивается о пол. И когда смотрю вверх...

Через крышу прорываются толстые лозы с острыми, как лезвия, шипами.

Глава 26

Киаран хватает мою руку и тянет так сильно, что я практически теряю равновесие.

– Бежим!

Мы несемся дальше по коридору, наши ботинки барабанят по мертвым листьям. Что-то цепляет меня за ногу, тянет назад, но я прорываюсь вперед. Еще раз, сильнее. Еще. И еще. Что-то с силой хватает меня за лодыжку, и когда я смотрю вниз, у меня в животе все переворачивается от тревоги.

Лозы. Прорываются через ониксовые плиты и быстро разрастаются вокруг моих ног. Удерживая меня на месте.

О, Боже. Вспышка паники приносит нежеланные воспоминания о зеркальной комнате, где меня держал Лоннрах. Там лозы удерживали меня на месте, сжимаясь плотнее, если я сопротивлялась. Удерживали меня, пока его зубы кусали мои запястья. Мои руки. Мои плечи. Шею...

– Маккей, – мне удастся только шепот.

– Дерьмо, – Киаран обхватывает мою руку и грубым рывком тянет к себе.

Лозы отрываются, но я все равно не могу двигаться, не могу думать, не могу ничего сделать. Двинусь, и это только больше меня ранит. Двинусь, и лозы покроют мой рот, чтобы поглотить мои крики...

Руки Киарана грубы вокруг моей талии, когда он притягивает меня.

– Кэм, ты должна бежать!

"Ты не там. Это не зеркальная комната. Вперед!"

Пытаюсь. Боже, я пытаюсь. Лозы прорастают вокруг наших ног, поднимаясь с пола. Они хватают меня за лодыжки, но я прорываюсь сквозь них. Вырываю. Царапаю. Отрываю. Но когда лозы оборачиваются вокруг моих запястий, больше не могу сражаться. Мои конечности слабеют.

"Не могу. Не могу, не могу, не могу. Зубы на моем запястье. Зубы на моем горле. Отметки в виде полумесяца. Не двигайся или они ранят больше".

Я поглощена своими воспоминаниями. Я не смогла бы бороться в ответ. Это ощущается реальным. Это реально.

Зубы на моем запястье. Кусают. Пускают кровь. Прорываются в мой разум.

"Не могу двигаться. Не могу кричать. Не могу думать..."

Киаран дергает меня вперед, прорезая своим клинком ростки.

– Кэм! – его руки по обеим сторонам моего лица. – Я здесь. Прямо рядом с тобой.

– Это ее страх, – Сорча вдыхает позади нас. – Морриган

считывает ее.

– Я здесь, – шепчет он снова. – Я здесь.

Это все, что требуется, чтобы заставить меня двинуться снова. Прикосновение Киарана возвращает меня к реальности. Он напоминает мне, что я все еще могу сражаться. Я не пленница.

Где-то позади нас еще одна глыба ониксового потолка обрушивается на пол. Еще, и еще. Лозы возникают по обеим сторонам от нас, закрывая нас внутри. Удерживая нас в ловушке.

Эйтинне размазывает кровоточащую рану на лице.

– Если у кого-нибудь есть какие-нибудь идеи, сейчас, возможно, самое время поделиться ими с остальными.

Киаран резко мотает головой.

– Нам придется с силой прорываться отсюда, – он смотрит позади нас, анализируя.

– Кадамах, – говорит Сорча, поднимая ладонь, – подожди...

Киаран крутится и ударяет кулаком в стену. Воздействие, которое должно было разрушить кирпичи до пыли.

Его шипение от боли удивляет меня. Когда Киаран притягивает руку обратно, костяшки пальцев кровоточат. Стена поранила его почти неуязвимую фейрийскую кожу. Как, черт возьми, это возможно?

Посреди хаоса он тяжело смотрит на Сорчу. И хотя его взгляд спокойный, я могу видеть, что что-то кипит там. Снова что-то дикое. Его выражение темное и немного на грани.

– Кэм, – говорит он медленно, – можешь взорвать эту стену на части?

Эйтинне шагает вперед меня.

– Я сделаю это...

– Нет, – голос Киарана тяжел. Он кивает мне, – мне нужно, чтобы это была Кэм, – его выражение лица не оставляет места для вопросов.

Эйтинне сжимает губы вместе и словно проектирует свои мысли мне, я могу слышать ее в своем разуме. "Скажи ему".

Едва заметно мотаю ей головой.

Если расскажу Киарану, его внимание будет рассеяно между нахождением Книги и беспокойством, что каждая маленькая вспышка силы будет той, что убьет меня. Он остановит меня от использования моих возможностей, чтобы найти Книгу... и против Морриган. У меня не остается выбора. Мне они понадобятся.

– Отойдите.

Мои силы превращаются в бурю внутри меня. Электрические разряды потрескивают в воздухе. Откидываю назад голову, когда энергия мчится прямо по моим венам, через мою кровь. Мое сердце бьется быстрее и быстрее, наполняя уши притупленным ревом.

Лозы прорываются сквозь камни у моих ног, и я мрачно улыбаюсь. "Стоп". Когда лозы прекращают расти, отдаю им команду умереть. Они начинают разрушаться вокруг нас, падая на пол и увядая. Это должно дать нам достаточно времени, чтобы выбраться отсюда, прежде чем Морриган снова атакует.

Секунды кажутся минутами. Волоски на моих руках поднимаются, и чувствую, как буря в моей груди возрастает, возрастает и возрастает, пока не становится болезненным давлением там.

"Выдыхай ее, словно воздух", – говорю себе.

Позволяю своей силе преобразоваться во взрыв, который превращает стену в руины – и все, что оказывается за ней – коридор, идентичный этому. Ну, спасибо за это.

Другая лоза прорывается сквозь стену позади нас с громоподобным треском. Краем глаза вижу, как листья вырастают из-под уже мертвых. Они выстреливают из стен и пола быстрее, чем прежде, разрушая всю каменную кладку вокруг нас. Растительность больше, гуще и сильнее, с шипами достаточно длинными, чтобы проткнуть.

– Отличная работа, охотница, – говорит Сорча. – Ты разозлила Морриган.

Нам приходится попытать наши шансы в соседнем проходе. Арки позади нас рушатся, пронзенные шипами. Стена рядом со мной разрушается, и огромная лоза направляется прямо к нам.

– Вперед! – выкрикиваю я.

Мы пролазим через дыру в каменной кладке прямо перед тем,

как коридор позади нас обрушивается, и растения начинают заполнять его. Кирпичи разбиваются о землю, пыль от обломков заполняет воздух. Я закашливаюсь. Не могу увидеть...

"Воссоздавай. Быстро".

Я сжимаю кулак и поднимаю руку, направляя силу, чтобы распределить камни, бросая их на место так, чтобы получилось что-то достаточно стабильное, чтобы временно сдержать натиск. Нам просто нужно достаточно времени, чтобы убежать. Самодельная стена сделана так, чтобы покрыть любую трещину, через которую могут проползти лозы, а затем ... тишина. Только наше напряженное, уставшее дыхание наполняет пространство.

Взрыв силы обрушивается на меня. Боже, Морриган такая сильная...

– Удерживай, Кэм.

Удерживать? Он в своем уме? Я зажмуриваю глаза, мое тело напрягается, когда сила Морриган борется с моей, со всей силой толкаясь в мою самодельную стену.

– Маккей, – говорю. – Сейчас не лучшее время...

– Мне нужно одно мгновение, – говорит он. Некая холодная и жестокая эмоция затеняет выражение его лица. – Эйтинне, ощути свою силу.

Эйтинне закрывает глаза. Практически немедленно она хмурится. Когда она открывает глаза, это впервые, когда вижу ее напуганной.

– Она здесь, но я не могу ... не могу дотянуться до нее, – Эйтинне вытягивает свою руку, словно ожидает, что что-то случится. – Я не могу даже вызвать пламя. Чертов детский трюк, – она с обвинением смотрит на Сорчу. – Что ты сделала с нами?

– Наши силы связаны, – говорит коротко Киаран. Он тянет Сорчу к себе.

Я задыхаюсь, поскольку силы Морриган снова обрушиваются на мои. Коридор трясет. Чуть выше нас маленький кусок стены отваливается и падает. "Удерживай. Держись, проклятье".

– Маккей, – предупредительно говорю.

Но Киаран не обращает внимания на хаос вокруг нас. Его взгляд сфокусирован на Сорче, его хватка оставляет синяки на ее руке.

– Ты знала, да?

Сорча пытается выглядеть невозмутимой.

– Я знала, что это маленькая девочка нуждается в Книге.

Киаран припечатывает ее к стене, и Сорча задыхается от боли.

– Объясняю. За каждый ответ, который меня не удовлетворит, ты будешь терять по пальцу. Попробуй отрастить их назад без какой-либо силы.

Страх зажигается в глазах Сорчи.

– Ладно, – грубо говорит она. – Ладно.

Сила Морриган ударяет в мою, и я сдерживаю крик. Теперь мое тело дрожит, а зрение расплывается. Коридор начинает шататься. Кирпич падает с вершины самодельной горы.

– Маккей, поторопись.

– Говори быстрее, – Киаран отпускает Сорчу.

– Это часть создания тюрьмы. У Кайлих получилось убить тело Морриган, но она была слишком сильна. Тюрьма ослабляет ее способности достаточно, чтобы она не смогла восстановить свое тело и сбежать, – Сорча смотрит на меня туда, где я залатала дыру в стене. – У Охотницы, должно быть, иммунитет, потому что тюрьма не создавалась для того, чтобы удерживать человека. Эффект на менее могущественного фейри – практически полное связывание силы.

– Что это значит? – мой голос хрипит от усилий удержать стену на месте. На краткий миг замуриваю глаза от очередного толчка. Еще один. Начинаю покачиваться на ногах, чувствуя головокружение.

Ругательства Киарана громко звучат в тихом коридоре. Он отходит от Сорчи и изучает костяшки пальцев. Тонкие порезы появились на его бледной коже с тех пор, когда он ударил в стену. Кровь стекает по задней части его опухшей руки.

Его раны не лечатся.

– Это значит, – говорит Киаран сквозь стиснутые зубы, – что мы все можем умереть здесь. А Сорча не потрудилась рассказать нам это.

– Мне представилась такая возможность, поэтому я ей воспользовалась, – мне знакома ее улыбка, ужасающая и темная. – Я была бы не я, если бы не сделала это. Я хотела тебя, и я ненавижу ее.

Смех Киарана низкий, опасный. У меня мурашки от него.

– Ах, *laoigh mo chridhe*, – бормочет он ей, поглаживая двумя пальцами ее щеку. – Я собираюсь прожить остаток моего существования, воображая различные способы, какими мог бы убить тебя, будь у меня такая возможность, – его голос понижается. – Звучит знакомо? Как это ощущается – быть не лучше своего прежнего хозяина?

Что это значит?

Сорча резко вздыхает.

– Кадамах, – шепчет она. Ее рука дрожит, когда она тянется к его руке. – Послушай...

Морриган ударяет по стене, которую я удерживаю, с такой силой, что я выкрикиваю:

– Не хотелось бы прерывать... – она вновь бьет, и в этот я раз стискиваю зубы от ее натиска.

Лозы находят путь через трещины в руинах. Сила Морриган возрастает вокруг нас, словно надвигающаяся буря, проталкиваясь сквозь мою с практически раздражающей легкостью.

Голос шепчет у меня в голове, холодный, как лед на ветру.

"Человек с силой моей сестры. Теперь это становится интересным".

Теперь она знает мою слабость. Она знает, что я умру, если продолжу пытаться.

– Кэм? – Киаран рядом со мной.

Пытаюсь сконцентрироваться, но мои мышцы болят. Мое тело напрягается от усилий удержать Морриган за границей, сохранить стену поднятой.

– Не могу сдерживать ее.

– Отпускай и беги, когда скажу, – говорит он мне. Затем он считает мне в ухо: "Один. Два. Три. Вперед!".

Отпускаю силы, и мы мчимся прямо по длинному коридору, мои ботинки тяжело ударяют по ониксовому полу. Позади нас стена со взрывом открывается. Лозы ползут по потолку, теперь еще гуще. Шипы разрывают кирпичи, словно бумагу.

Когда мы проносимся мимо трещин, образовавшихся в каменной кладке, Морриган в моей голове, копается, копается, копается. Читает меня. Оценивает мои силы и ищет другую слабость. Не могу остановить ее. Совершенно не могу удержать ее снаружи, не после того, как удерживала ее силы на границе. Она знает это и...

Клянусь, могу ощутить ее улыбку.

Коридор трясет, и я теряю равновесие. Что-то ударяет по кирпичам.

– Ты чувствуешь это? – говорю Киарану, тяжело дыша.

Он мотает головой один раз, как будто бы проясняя ее. Его ответ напряженный.

– Айе.

Мгновением позже земля под нами исчезает.

Глава 27

В животе замирает. Я сдерживаю крик, когда проваливаюсь через пол в темноту. Разбитые кирпичи обрушиваются в стены подо мной. Ощущаю грубую хватку пальцев Киарана на моей одежде, притягивающих меня ближе. Он произносит мое имя, и оно эхом разносится вокруг нас.

Умудряюсь открыть глаза, чтобы посмотреть вниз и ... там

ничего нет... ничего. Всего лишь яма, бесконечная чернота. Без видимого основания мне пришлось рискнуть, заключить сделку, что найду Книгу, и сейчас у меня единственная мысль – что я умру и подведу людей, о которых забочусь. Только в этот раз уйду навечно.

В этот раз для меня не будет пути назад.

– Кэм, – резкий голос Киарана выводит меня из моих мыслей. Ему приходится до синяков удерживать меня за предплечья, он дергает меня к себе в грубом объятии, пока воздух проносится вокруг нас. Как далеко нам падать? Сколько нам еще осталось?

– Держи свое тело прямо.

Как, черт возьми, он может звучать так спокойно в такое-то время? Ради Бога, он же сейчас смертный.

– Что?

Руки Киарана скользят вокруг моей талии, пальцы впинаясь в пальто, чтобы удержать меня от сопротивления. Как же мне не сопротивляться? Мы падаем быстро, в невесомости, вниз, вниз, вниз...

– Ты чувствуешь этот запах?

Сосредоточься. Успокойся.

Вдыхаю. И сквозь затхлый аромат камня вокруг нас вдыхаю морозный, чистый аромат воды. Словно мы падаем ко дну колодца или пещеры. Это шанс на спасение. Благословение в виде подземного озера. Сделаю все правильно, и мы можем выжить. Сделаю неправильно, и мы умрем.

– Помнишь утесы на Скае? – дыхание Киарана у моего горла. Едва могу слышать его из-за воздуха, проносающегося вокруг нас, пока мы падаем, падаем, падаем... – Отталкивайся своей силой, чтобы смягчить последствия, – дрожу, когда его пальцы проходятся прямо под моими ребрами. – Отсюда. Ты чувствуешь ее?

Я чувствую ее. Пульсацию под моей кожей. Определенный темп: «Доверься своему телу. Доверься своему разуму. Доверься своей силе».

Но как? Мы все еще падаем. Эта пещера бесконечна. Словно мы падаем сквозь звезды, через космос, в океане. Пытаюсь не отвлекаться на дрожащее тело, на паникующие мысли. Сосредотачиваюсь на ощущении своих сил, извивающихся и готовых, как будто они только и ждут моей команды. Позволяю им успокоить меня.

Я бесстрашная. Могущественная. Доверься.

– Теперь дай им выйти наружу, Кэм.

Выпускаю всю силу наружу. Прежде это было, словно пытаться дышать сквозь огонь, с дымом в легких и все кажется сжатым и сдавленным. Это становится проще с каждым разом, менее болезненно. Сейчас – это, словно пытаешься вдохнуть холодным зимним днем. Всего лишь давление моих легких, а затем ... вдох и выдох. Вдох и выдох.

– Вот так, – как будто бы Киаран ничего не мог с собой поделать, он прижимается поцелуем к моему подбородку. – Теперь создай восходящий поток, чтобы замедлить наше падение.

Делаю точно, как он говорит. Никогда не осознавала, как много из сил фейри было простым манипулированием существующих

элементов, таких как воздух, вода или земля. Склони их своей воле и используй для своей выгоды.

Моя сила управляет воздухом вокруг нас, уплотняя и создавая восходящий шторм, настолько сильный, что он замедляет нас, точно, как делал Киаран, когда мы падали с утеса на Скае. Только когда мы делали это – было изящно. Он делал это, казалось, не прикладывая усилий.

В пространстве нескольких секунд мой контроль начинает испаряться. Доверься своей силе. Доверься своему телу. Доверься...

Моя грудь сжимается. Делаю задышающийся вдох, но не могу добраться до воздуха. Моей душевной мантры недостаточно, поскольку легкие горят от усилия управлять всей этой силой. Зрение начинает расплываться.

Киаран должно быть чувствует, что что-то не так.

– Кэм?

Сфокусируйся на воде. Вашей спасительнице.

Ваш единственный шанс выжить.

Один последний вдох. Один финальный толчок. Слабая пульсация силы перед концом. Моя концентрация разбивается на кусочки в мгновение перед тем, как мы ударяемся о воду.

Не могу двигаться. Мои конечности внезапно становятся слишком тяжелыми, мертвый вес тянет меня дальше в холодные воды. Здесь нет течения, которое унесло бы меня, ничего кроме бездвижного бассейна без дна.

Я, должно быть, потеряла сознание, потому что следующее, что понимаю, это то, как Киаран произносит мое имя. Повторяя его снова и снова, словно молитву. Несколько раз его пальцы неуклюже прижимаются к моей шее в поисках пульса, и я слышу его маленький задыхающийся вздох, предающий его обычно спокойный фасад.

– Кэм, – страх в его голосе.

Киарану не нужно говорить мне. Я могу слышать медленную, тяжелую пульсацию в своих ушах. Неравномерный бит, который напоминает мне: Ты умираешь. Ты умираешь. Ты умираешь.

Открываю глаза. С моими чувствами фейри я могу видеть затемненную фигуру Киарана в крошечной темноте пещеры, то, как его бледная кожа блестит от воды.

– Что, черт побери, это было? – его голос грубый, как камень.

Солги.

– Ничего, – говорю я, мой голос хрипит. Лги лучше. – Просто нужно привыкнуть к силе Кайлих, вот и все.

Киаран тяжело смотрит на меня, его большой палец мягко проводит по моей верхней губе.

– У тебя кровотечение из носа, – его голос неустойчив. Внезапно он отскакивает, уплывает быстрее, чтобы между нами было как можно больше расстояния. Эти несколько футов, разделяющих нас, ощущаются колоссально.

Не знаю, что еще делать, кроме как приложить пальцы к носу.

Своими глазами с силами фейри, могу увидеть легкое смешивание крови и воды. Это было бы едва заметно для людей, но с Неблагодатной природой Киарана . . .

Киаран вздрагивает и отводит взгляд. Черты его лица напрягаются, челюсть сжимается. Мои движения медленные, когда я наклоняю голову в воду и стираю кровь. Так же я бы повела себя, если бы столкнулась с хищником в дикой природе: никаких резких движений. Отходила бы по сантиметру.

Не выгляди, словно добыча.

– То, что ты смертный сейчас не делает никакой разницы?

Он мотает головой один раз.

– Мои силы связаны, но они не исчезли. Мое пребывание временно смертным не делает из меня человека, так же как имение у тебя сил не делает тебя *sìthiche*.

Слова Киарана равномерные, безэмоциональные, практически жестокое касание. Как будто бы он винит меня за кровотечение — но дело не в этом. Мы охотились вместе так долго, что я могу читать его мысли так же ясно, как если бы они были моими: Киаран винит себя за то, что поддается искушению.

"Здесь. Я бы укусил тебя прямо здесь. И вот почему не доверяю себе рядом с тобой".

После затянувшейся тишины, говорю.

– Теперь ты в порядке? – мой голос слабый, неуверенный. Осторожный. Он знает, о чем спрашиваю: «Ты Киаран или Кадамах»?

– Еще нет. Говори. Отвлекай меня.

Пытаюсь сосредоточиться на нашем окружении, смотрю вверх на дыру, из которой мы упали. Она так высоко, что кажется маленькой яркой звездой посреди черноты.

– Думаешь, они все еще там наверху?

Слышу тихий вдох Киарана, когда он тоже смотрит наверх.

– Если это и так, то моей сестре хватило ума не прыгнуть за нами.

– Думаешь, с ними все в порядке?

– Надеюсь, – когда я не отвечаю, он резко произносит: – Расскажи мне, что ты видишь.

Мои глаза привыкают к практически крошечной темноте пещеры, и я рассказываю ему. Единственный свет исходит из дыры так высоко над нами, такой маленький разрыв в толстой каменной породе, окружающей нас. Плыву к небольшому алькову и устраиваюсь у валуна, поднимающегося из подземного озера. Трещина в стене с этой стороны озера темна; насколько могу судить, она ведет глубже в подземную систему пещеры. Она выглядит опасной и слишком узкой, чтобы Киаран смог пролезть сквозь нее.

Мои руки проходятся по скользким стенам. Так же нет никакой возможности вскарабкаться наверх. И, не смотря на участки гладкой скалы в озере, здесь нет других туннелей — по крайней мере, ни одного над водой.

Нет выхода.

Замешкавшись, смотрю на Киарана. Должна ли я сказать ему об этом? Его глаза закрыты, как будто бы я убаюкиваю его своим голосом.

– Продолжай рассказывать. Еще несколько минут.

– Что мне сказать?

– Что угодно, – в его голосе неприкрытые эмоции. – Что угодно. Расскажи мне другую историю.

Вынужденно вздыхаю и говорю первое, что приходит на ум.

– Король фейри и девочка привыкли тренироваться в ранние утренние часы, – говорю, сохраняя голос тихим и устойчивым. – Они занимались спарринг-боями, пока предрассветные лучи не появлялись над Северным морем. Иногда утром, когда небо было ясным, без туч, девочка окидывала взглядом короля, как только первые лучики солнца начинали сиять сквозь здания и купали город в прекрасном, золотом свечении.

– Потому что, видите ли, это был тот момент, когда король откидывал голову назад и закрывал глаза, а девочка позволяла себе в эти короткие моменты поразмыслить о вещах, в которых она могла бы никогда не признаться ему вслух. Например, как с каждым прошедшим днем она ненавидела его все меньше и меньше. Пока не наступило утро, когда она наблюдала за ним, встречающего утро, и знала, она не ненавидит его совсем, больше нет. Она поняла тогда, что однажды будет здесь, когда солнце взойдет над морем, и она посмотрит на него, и поймет, что любит его.

Я практически говорю это. Слова уже на моих губах, и темнота,

похоже, задерживает дыхание, ожидая, что произнесу их.

Я люблю тебя, Я люблю тебя, Я люблю тебя.

Затем что-то слышу. Дыхание рядом с моим ухом, практически неслышимое. Резко дергаю головой в сторону, и Киаран оглядывается на меня, готовый заговорить.

– Шшш... – прижимаю палец к губам, прислушиваясь.

Тихий, слабый... как будто он доносится издалека. Резко кручусь, но там ничего нет. Мне показалось? Я схожу с ума?

Нет, вот он снова. Голос такой тихий, что не могу разобрать слов, произнесенных на незнакомом языке.

Поворачиваюсь снова, вытягивая руку, но там ничего, кроме воздуха.

– Маккей, – говорю предупреждающе. – Ты...

Киаран тут же оказывается рядом со мной, плечом к плечу. Он ругается тихо и грязно.

– Не знаю.

Слева от меня доносится еще одно бормотание, тихое и темное, прижимаюсь ближе к Киарану.

– Я, определенно, слышал это, – говорит он.

Мы оба снова прислушиваемся, но пещера молчит. Слишком тихо. Нет никакого кап... кап... кап... падающей воды или чего-нибудь, чтобы определить, что мы вообще находимся в пещере. Ощущение, словно нас выбросило в космос, пока мы дрейфуем в пустынном озере без света и звуков — ничего, кроме нашего дыхания.

И чего-то еще. Кто-то в пещере, кого я не могу видеть, наблюдает за нами из теней. Кто-то, кто, более вероятно, может видеть нас. Мои чувства, возможно, и усилились, но я все еще человек. У моего тела есть пределы. И силы Киарана связаны.

Мы оба уязвимы. Оба смертны. Оба почти люди.

Позади нас раздается небольшой всплеск. Кто-то двигается сквозь воду. Шепот у меня слева, затем внезапная жалящая боль на моей щеке. Вскрикиваю больше из-за шока, чем от боли, и прижимаю ладонь к коже.

Убираю ее уже влажной от крови.

Глава 28.

– Не двигайся, – голос Киарана низкий, резкий. Издаст нечто похожее на рычание. Я напрягаюсь. Он чувствует мою кровь.

– Дыши, – резко отвечаю я. – Проклятье, просто дыши, – хватаю его за руку и тяну нас через воду до тех пор, пока наши спины не упрутся в валун, и мы оказываемся в алькове.

Только минута. Если Морриган собирается атаковать, у нас есть только минута.

– Какие-нибудь идеи? – когда он не отвечает, зажимаю его рубашку в кулак и принуждаю взглянуть на меня. – Не заставляй

меня вбивать в тебя ощущение реальности, Киаран Маккей. Идеи. Сейчас.

Глаза Киарана фокусируются на моих, и он дышит через рот, его черты напряжены.

– Морриган была известна своей способностью мысленно воздействовать на других фейри. Она умела врываться в их разум, заставлять их делать все, чего бы ни захотела, – я киваю.

«Продолжай. Продолжай говорить».

– Если Кайлих уничтожила ее тело, возможно, она может манипулировать только нашим окружением или принимать форму другого фейри.

"Морриган сделает все, что угодно, чтобы выбраться отсюда. Она примет решение, кто из нас марионетки, а кто – ключ к её побегу".

И кто же мы?

– Если она приняла другую форму, тогда какие фейри живут в воде? Кому так же нравится тьма? Фейри, которые...

– Ты будешь слушать дальше?

– Я продолжу слушать, если ты дашь мне чертов ответ. Думай!

Шепот слева от меня, издевающийся смех. Смех прямо позади меня. Верчусь. Она движется кругами, хищник, готовый к прыжку.

– Маккей.

Кричу от боли, когда Морриган режет мою руку. В этот раз намного больнее, как будто фейри использует докрасна раскаленный нож. Я отдаляюсь от Киарана, прежде чем он может учуять кровь. Сканирую воду, но ничего не вижу. Ничего не слышу. Мои силы манят, искушают, но если я воспользуюсь ими, рискую снова потерять сознание.

Нет пути наружу. Некуда пойти.

– Маккей, – говорю, каким-то образом отчаявшись, – ее форма?

Что-то движется через воду; больше не вижу даже разводов на воде. Ощущение, будто тьма стала гуще, пещера затуманилась. Воздух становится горячим и влажным.

Киаран резко вдыхает, и я знаю, Морриган должно быть нанесла по нему удар.

– Водяная лошадь, – предположительная форма фейри слетает с его губ с презрением, словно он говорит что-то дурацкое. Он продолжает перечислять: – Fuath. Fideal. Afanc..

Кричу от боли, когда когти впиваются в мою спину, глубоко и резко. Морриган снова шепчет мне на ухо:

– Прошло много времени с тех пор, как я видела человека.

Замахиваюсь рукой в атаке, поймав прядь длинных волос, которые растворяются, словно дым. Мелькает вспышка ее ярких сапфировых глаз, прежде чем Морриган вырывается в тень. Ее смех разносится вокруг меня в спешке внезапного холода, который

прорывается сквозь сырость пещеры.

– Ее фейрийская форма с когтями и длинными волосами, – говорю Киарану, – она просто испарилась в тени и ...

Голова Киарана резко поворачивается ко мне в темноте.

– Что ты только что сказала?

– ... Я собираюсь убить ее...

– Она испарилась в тени? – прежде, чем успеваю даже моргнуть, Киаран сжимает мое запястье. – Мы убираемся отсюда. Сейчас же.

– Маккей, я уже говорила тебе. Здесь нет пути наружу.

Его ответ произнесен сквозь стиснутые зубы.

– Тогда я протолкну тебя через тот маленький туннель, если придется.

Киаран тянет меня так сильно к другому концу озера, что мне приходится плыть или я закончу с полным ртом пещерной воды.

– Постой...

Морриган вырывает меня из хватки Киарана и жестоко отшвыривает через воду. Ударяюсь о поверхность только в сантиметрах от того, чтоб не размазаться о стенку пещеры. Всплываю, хватая ртом воздух.

– Кэм! – Киаран ныряет за мной, он быстр.

Что-то тяжело ударяет по нему. Он ударяется о стенку с грубым толчком, который заставляет его застонать. Он вращается, но вокруг полнейшая темнота. Проталкиваюсь сквозь воду к нему. Его руки находят мои в сокрушительном захвате.

Смех эхом проносится вокруг нас и что-то мелькает около меня, но пропадает слишком быстро. Затем ее голос раздается у моего уха, когти нежно проходят по моей шее.

– Что думаешь? Достаточно ли он любит тебя, человек?

Я рискую. Притягиваю свои силы, воздвигая их, словно шторм внутри себя, и сражаюсь со своим расплывающимся зрением. Но до того, как успеваю защитить себя, быстрым болезненным взмахом Морриган когтями режет мою руку. Моя сила умирает, оставляя позади тупую боль в висках.

Киаран делает резкий вдох и отпускает меня.

– Маккей, – когда тянусь за ним, хватаю лишь воздух.

– Не подходи близко. Она делает это намеренно. Она в форме Водяного Духа.

– Что?

Звучит так, будто слова произнесены сквозь гримасу.

– И она играет с нами.

Не могу вспомнить его уроков. Не сейчас. Не с давящей, удушающей темнотой.

– Водяной Дух? – выдыхаю я.

– Они сводят любовников вместе и настраивают друг против друга. Она использует эту форму, чтобы найти наши слабости. Хочет, чтобы я причинил тебе боль.

Смех Морриган раздается у меня в ушах.

– Причинил тебе боль? – она шепчет со смехом. – Он хочет убить тебя.

Кидаюсь, стараясь попасть кулаком в лицо создания, но она слишком быстра. Она уже позади меня, выдыхая холодные, жалящие слова мне в ухо.

– Он не может прятать свои мысли от меня. Я была первой Неблагодой. Его кровь – моя кровь.

Кручусь, вновь делая бросок.

Она у меня за спиной, дьявол, заполняющий мою голову ужасными сомнениями. Где Киаран?

Как будто бы ощутив, что ищу его, горячий пещерный туман проясняется достаточно для того, чтобы увидела его в профиль. Он неподвижен. Даже не шелохнется. Прислушивается?

– Это в его природе – охотится за твоим видом, – чувствую, как она перемещается вокруг меня, прижимаясь ближе. – Он может долго сопротивляться моему проклятию, но в итоге сдастся. Ничего не

сможет сделать с желанием покормиться тобой.

Тогда понимаю, что Морриган, бесспорно, говорит не только со мной. Она не только у моего уха.

У его тоже.

Произношу его имя, тихо, но настоятельно. И когда он смотрит на меня . . . О, Боже.

Я замираю. Киаран смотрит на меня сквозь ресницы, его взгляд темный, скрытый, но интенсивный.

"Ты Киаран или Кадамах?"

Что-то мелькает в его глазах. Я не знаю.

– Ты видишь, как он смотрит на тебя? – Морриган звучит как победительница в сражении, идущая по телам. – Прямо сейчас он едва может дышать без того, чтобы не соблазниться твоей кровью. Это мое проклятие, – ее губы сомкнулись на моем ухе. – Это наказание его рода.

Рыча, поворачиваюсь, чтобы схватить Морриган, но, как только я думаю, что столкнулась с чем-то твердым, она оборачивается в туман, ускользая, гортанно смеясь.

– Маккей, – прорываюсь сквозь воду, направляясь к нему. – Послушай меня, – резко говорю, когда достигаю его, – слушай мой голос. Ты Неблагодой Король. Теперь брось все это и помоги мне. Как нам убить ее?

Киаран единожды мотает головой, но его тьма не оставляет его

лица. Мы плывем к другим валунам, показывающимся из воды; он близок настолько, насколько может приблизиться, не прикасаясь.

Его голос опускается достаточно низко, только чтобы я могла его слышать, неровный, будто его подталкивают говорить.

– Если она примет физическую форму, ты, возможно, сможешь пересилить ее и воспрепятствовать тому, чтобы она снова приняла бестелесную форму.

– Как мы заставим ее принять физическую форму?

Киаран судорожно выдыхает, затем кладет ладонь на мою щеку.

– Доверься мне.

Как только он наклоняется ближе, я могу увидеть голод в его взгляде. Его зрачки расширены, как у хищника, готового напасть на свою добычу

Затем с мучительной нежностью он прижимается поцелуем к моим губам.

Это требует от меня всех моих сил – остановиться, чтобы не притянуть его ближе к себе. Ногти вонзаются в кожу ладоней.

«Замри. Не двигайся. Не дыши. Даже не думай».

Я знаю, его контроль неустойчив. Чувствую это, когда его губы дрожат у моих. Он дышит медленным, продуманным способом, будто бы пытается сохранить спокойствие.

Для нас это целомудренный поцелуй. Не знаю, как такое простое касание оставляет меня дрожащей, но я не единственная такая.

Пальцы Киарана следуют вниз по моему мокрому пальто, касание огня через холодный материал. Затем его рука проскальзывает под него, находя мою талию, пальцы ласкают кожу там, где рубашка и штаны встречаются. Мой разум шепчет простое слово: "Да".

"Да".

Когти проходят по моей спине, прорываясь через материал глубоко в мою кожу, и я кричу. Но мои инстинкты не подводят меня. Разворачиваюсь в руках Киарана, поднимаю ладони, и развязываю свои силы.

"Замри", – командую со всей силой Кайлих, – "Не двигайся".

Морриган мечется в теле фейри, разбрызгивая повсюду воду. Ее сапфировые глаза горят ненавистью и отвращением.

– Мерзкий человечиска.

– Этот мерзкий человечиска только что пленил тебя, – говорю я. – Маккей, – когда он не движется для удара, бросаю на него взгляд. – Маккей?

Тихое проклятие сбегает с моих губ.

Он пялится на меня... Нет, не на меня. На мою спину, где Морриган своими когтями порезала мою кожу, так глубоко, что могу учуять свою кровь, смешанную с водой.

Губы Киарана приоткрываются. Затем вижу маленький проблеск клыков, опускающихся над его зубами. Когда его глаза встречаются с моими, обычно яркие радужки его глаз затенены чем-то более темным.

Чем-то голодным.

– А вот и оно, – шепчет Морриган. – Мое прекрасное Неблагое проклятие.

– Замолкни, – резко говорю я.

Энергия, чтобы сохранить ее материальное тело, уже несет негативные последствия. У меня начинает кружиться голова. В висках стучит, и зрение расплывается. Мое человеческое тело не может выдержать это, и у меня не было шанса восстановиться с момента последнего использования силы. Боюсь, что, если попытаюсь убить ее, снова отключусь.

"Доверься ему. Доверься ему".

Морриган подходит ближе, сопротивляясь лимитам моей силы. Она ощущает возможность.

– Я могу читать его мысли. Должна ли рассказать тебе их?

– Остановись, – мое зрение ослабевает.

– Он сражается между своими чувствами к тебе и его волей к выживанию. Как думаешь, что из этого одержит победу? Думаешь, он сможет пойти против того, ради чего он был создан? Того, что я предназначала ему делать? Мое проклятие всегда побеждает.

"Его голод всегда побеждает. Всегда".

– Маккей, – говорю я, его имя едва слышнее шёпота, поскольку борюсь за то, чтобы остаться в сознании. – Посмотри на меня. Слушай мой голос.

"Ты Киаран или Кадамах?"

Он приближается, двигаясь сквозь воду, словно великая тень. От этого он кажется больше, более грозным. И хотя силы его связаны, Киаран не человек. Он создание тьмы, фейри во всех отношениях. Тот Неблагодь в нем, которого всегда видела затаившимся под поверхностью, больше не скрыт.

И центр его внимания, и этих глубоких темных глаз, – я. Нет ничего в его взгляде, чтобы указать, что он рассматривает меня как нечто другое, чем средство для выживания.

"Доверься ему. Доверься ему".

Его имя на моих губах, умоляющий шёпот: "Посмотри на меня. Вернись ко мне".

Морриган смеется.

"Доверься ему. Доверься ему".

Он так близко. Его клыки мелькают, тянутся за мной, чтобы высосать всю жизнь из меня...

Киаран хватает Духа за горло и быстрым движением руки сворачивает ей шею. Задыхаясь, смотрю на сгорбленную, безжизненную форму Духа, когда притягиваю силы в себя. Я

игнорирую барабаниющую боль в моих висках и смотрю на Киарана, но он не смотрит на меня.

Ему и не нужно.

Слева от меня начинает крушиться стена пещеры так легко, как сухая грязь, открывая портал. Маленькие кусочки камня расплескивают воду вокруг нас. Брызгаю водой в лицо, подготавливаясь к очередному сражению — к возвращению Морриган. Но все, что я вижу через портал— это лес под восхитительными звездами на ночном небе. Выход из пещеры.

Прямо за линией темных деревьев, клянусь, мельком вижу девушку с длинными волосами и бледной кожей, освещенной лунным светом.

Но когда смотрю вновь, ее уже нет.

Глава 29.

Снаружи пещеры возвышается лес с такими густыми и темными деревьями, словно покрытыми сажей колоннами. Высоко висящая яркая полная луна освещает верхушки ветвей темноватым, пылающим туманом. Я отклоняю голову назад от прохладного ветерка, дрожа в своей мокрой одежде.

Кем была та девушка?

— Ты видел... — мой голос утихает, когда оглядываюсь на Киарана.

Он дышит медленно и равномерно, как будто бы отсчитывает секунды, чтобы успокоить себя. Поднимает трясущуюся руку, чтобы

откинуть назад свои волосы.

– Видел что? – его голос дрожит.

– Ничего. Не важно, – сжимаю губы вместе, не уверенная, что сказать. – Мы должны идти через лес? – спрашиваю вместо этого. – Не найдет ли нас здесь Морриган?

– Даже Морриган требуется время на восстановление после атаки, подобной этой, – говорит он. – Принятие физической формы требует больших сил. Мы воспользуемся возможностью отдохнуть, – Киаран бросает мне свое пальто. – Вот. Там хлеб во внутреннем кармане. Тебе нужно поесть чего-нибудь.

Хлеб завернут в какие-то листы, которые оставили его сухим. Благодарно бормочу свое «спасибо» за то, что Киаран такой практичный. Между атаками Морриган и беспокойством о Книге, я даже не заметила, насколько изголодавшейся была.

Киаран собирает хворост для костра, и я поджигаю их своими силами. Маленькая частичка энергии, которой согласна рискнуть, потому что так чертовски устала, а еще я никогда не видела, чтобы Киаран выглядел настолько плохо.

"Теперь ты знаешь, как я себя чувствовала", – с иронией думаю, когда иду, чтобы присесть рядом с пламенем. "Никакой тебе неуязвимости, сияющей фейрийской кожи. Никакого немедленного исцеления. Только глубокая, до костей, усталость смертности".

Киаран садится напротив, как можно дальше от меня. Запах горящего дерева должен замаскировать запах моей крови, по крайней мере, немного. Он стреляет на меня взглядом с быстрой, контролирующей оценкой.

– Твои раны нужно перевязать.

Ничего не могу поделать с улыбкой.

– Сначала хлеб, теперь мои раны. Это то, как Киаран Маккей с заботой суется о ком-то?

– Я не суечусь, – говорит Киаран. – Я даю прямые указания, как, например, – перевяжи свои чертовы раны.

– Не люблю деспотичных мужчин.

Его губы изгибаются в хитрую улыбку.

– Ну а я люблю напористых, упрямых женщин.

– Боже, обожаю тебя, – смеюсь в удивлении.

Припускаю пальто с плеч, чтобы проверить ранения. На руках имеется несколько поверхностных царапин, самые глубокие, вдоль плеч, нуждаются в наложении швов. Но я не располагаю богатством таких вещей прямо сейчас. Все, что у меня есть, чтобы наложить повязки – это материал с моего пальто. Парча – точно не идеальный вариант, но все же лучше, чем истекать кровью.

Когда я полностью снимаю пропитанное кровью пальто, резкий голос Киарана застает меня врасплох.

– Сожги его.

В шоке поднимаю взгляд.

– Прошу прощения?

– Сожги. Пальто, – в этот раз он произносит слова сквозь стиснутые зубы. – Надень мое, чтобы прикрыть свой запах. Я могу учуять запах твоей крови, и это сводит меня с ума.

Затем он говорит кое-что, что никогда бы не ожидала услышать за тысячи лет:

– Пожалуйста.

Пожалуйста. За все то время, что знаю Киарана, он никогда не говорил такого. Так же, как и "Извини", уверена, не было в его словаре.

Но вот оно, слово, повисло в воздухе между нами, оценка его отчаяния. Пожалуйста. Теперь я знаю, что то, как он смотрел на меня в пещере, прежде чем убил Морриган в форме Духа, не было показушным. Это не было для того, чтобы Морриган думала, что она выиграла.

Она практически победила.

– Хорошо, – тихо говорю.

Дух достаточно искромсала мое пальто, его запросто можно порвать на полоски. Прижимаю длинные поперек плеча, удерживая их на месте с помощью других клочков материала, которые связываю узлом и затягиваю зубами. Как могу, вытираю кровь со спины, натирая, пока кожа не начинает пощипывать.

Затем бросаю остатки своего рваного пальто в огонь и влезаю в

пальто Киарана, от которого он отказался. Оно настолько большое на мне, что приходится закатать рукава.

Поднимаю руки с легкой улыбкой.

– Насколько глупо выгляжу в этом? Будь честен сейчас.

Замечаю, как небольшое напряжение покидает его плечи.

– Кэм, – он трясет головой, немного смеясь. – Ты очаровательна.

– Мой Бог, – усмехаюсь. – Ты только что назвал меня очаровательной в надлежащем контексте. А я-то, думала, что ты используешь это слово только для одной ужасной причины.

– Вторая причина, не ужасна: Ты. В этом пальто. С этой улыбкой.

– Что на счет моего определения? – встаю на ноги и начинаю обходить костер. – Ты. Я.. В обнимку...

– Не надо, – Киаран вытягивает руку, чтобы остановить меня, замираю, когда его зрачки расширяются. – Не надо, – повторяет он. – Оставайся там.

Остаюсь на месте, пока оглядываю его.

"Сколько времени у нас есть, пока ты не уйдешь слишком далеко, Маккей? Как много времени до тех пор, когда я не смогу больше увидеть Киарана?"

Именно тогда замечаю рану на его руке: длинный рваный порез.

Достаточно глубокий, чтобы кровь пропитала его грубую шерстяную рубашку. Морриган, вероятно, поранила его, чтобы быстрее порвать его контроль. С его связанными силами он не может вылечить это.

Медленно наклоняюсь, чтобы подобрать кусочки ткани, что оставила на земле.

– Твоя рука кровоточит.

– Я в порядке. Твоя забота не обязательна.

Он и раньше говорил так со мной, когда мы охотились вместе. Тогда была холодная дистанция между учителем и учеником, экспертом и новичком. С легкой снисходительностью, чертой превосходства, и от этого мне всегда хотелось стукнуть его по голове зонтиком от солнца.

Шагаю к нему, и он произносит мое имя достаточно резко, чтобы я остановилась.

– Я не хочу ранить тебя.

Терпеливо смотрю на него, потому что перевяжу его чертову руку, даже если мне придется силой удерживать его.

– Меня не заботит, чего ты хочешь. Ты никогда прежде не сталкивался с потерей крови. И ты не в порядке. Ты бледный, трясешься, и выглядишь хреново, – когда он начинает пялиться на меня, скрещиваю руки на груди. – Если ты попытаешься атаковать меня прямо сейчас, я готова поставить кругленькую сумму на то, что ты окажешься на своей заднице ровно через две секунды. Позволь мне перевязать эту рану или рискуешь отключиться, споря. Выбор твой.

После мгновения тишины он единожды кивает. Хорошо. Это спасет меня от усилий искать дубинку, чтобы вбить в него немного разумности.

Медленно подхожу, мои шаги осторожные и равномерные. Когда его пальцы сворачиваются в кулаки, приостанавливаюсь, пока он слегка не расслабляется. Затем сажусь на корточки рядом с ним и вытягиваю руку ладонью вверх. Ожидая разрешения.

– Так нормально? – спрашиваю, держа голос низко, устойчиво.

Он снова кивает.

Отодвигаю изодранную ткань в сторону, чтобы лучше рассмотреть. В отличие от моих, его рана уже начала раннюю стадию заживляющего процесса, что означает, что даже со связанными силами его исцеление намного быстрее. Оно не будет мгновенным, но он везучий ублюдок.

Использую один из лоскутков, чтобы приложить к его ране. Киаран не издает ни звука, даже когда оборачиваю тряпицу, перевязываю его рану и приступаю к следующей.

– Это тревожит тебя? – спрашиваю. – Знание, что здесь ты быстро не вылечишься?

– Нет. Это ... – он замолкает. – Иногда легко воспринимать жизнь, как должное, когда тебе не нужно волноваться о смерти.

Прокручиваю его слова в голове, задаваясь вопросом, каково это – быть бессмертным? Это нечто, такое же незначительное, как вид своей же крови может стать откровением.

– Ну, не знаю, – говорю с легкостью. – Я бы не возражала отправиться на битву, беспокоясь немногим меньше о том, что меня могут смертельно ранить. Иногда мне бы хотелось быть фейри.

– Нет, ты не захочешь, – говорит он, горько смеясь.

Смотрю на него с удивлением.

– Ты бы не хотел, чтобы я жила вечно? – "С тобой?" – думаю про себя.

Киаран пристально смотрит на огонь, его выражение лица выдает намек на неловкость от этой мысли.

– Нет, – его ответ словно поворот ножа.

– Ох, – я не хочу видеть, насколько глубже это лезвие вонзится.

Отворачиваюсь, чтобы создать некую дистанцию между нами, но голос Киарана звенит позади меня.

– Мой вид запасался годами, потому что мы эгоистичные от природы, – говорит он, звуча практически злостно. – Мы добавляли каждый год в нашу коллекцию, пока у нас не накопилось так много, что жизнь больше не стала иметь особого значения. Она стала банальной, незначительной и скучной. Это то, что ты хочешь для себя? То, что ты хочешь, чтобы я желал для тебя? Потому что, можешь не сомневаться, человеческая смерть была бы намного более великодушной.

Я становлюсь холодной внутри. Это его будущее, его жизнь, его существование. Если выживу в поисках Книги и сделаю ее своей, он будет жить. Мои кости будут давно погребены в землю, а он будет

все еще переживать это.

Фейри по-настоящему не живут. Они просто существуют.

Когда мои глаза встречаются его, чернота его внешнего круга радужки становится снова более светлой. Мне ненавистен этот маленький кусочек тьмы там, который напоминает о его Неблагой природе, эта преграда между нами.

Потребность ощутить его кожу на своей ошеломляет. Всего лишь на краткий миг вижу наше разделенное будущее и теперь понимаю, как мало времени у нас осталось. Если мы найдем Книгу, на этом все кончится. Если не найдем Книгу, тоже все кончится. Эти маленькие передышки между сражениями.

– Я хочу тебя, – шепчу, сглатываю, прежде чем поймать голос. Никогда не говорила ему этого прежде. Никогда. Бросаю взгляд на место рядом с ним. – Могу присесть?

Чернота продолжает разливаться по радужкам его глаз, а затем отступает. Он делает глубокий вдох и кивает. Медленно устраиваюсь рядом с ним, прижимаясь бедром к его. Он кладет руку мне на колено, жест такой привычный и в то же время отстраняющийся. Как будто он хочет либо каснуться меня в ответ, либо оттолкнуть.

– Скажешь мне остановиться, и я остановлюсь. – прижимаюсь ладонями к его щеке, и он тут же закрывает глаза. – Просто скажи слово.

Наклоняюсь и нежно целую его, только раз.

– Все в порядке?

Хватка Киарана на моем колене напрягается, но он снова кивает.

Опускаю голову, чтобы прижаться губами к месту над его плечом.

– Порядок? – шепчу снова.

Он замирает. Такой неподвижный. Слышу, как он сглатывает.

– Айе? – слово – мольба на его губах, и я слышу явное желание в этом. Нужду. Прямо так же сильно, как я хочу и нуждаюсь.

Нежно царапаю зубами по его шее и ощущаю тихое, дрожащее дыхание напротив моего языка. Он кажется более человечным, чем когда-либо прежде. Более уязвимым. Просто ... более. Более во всем.

Когда скольжу рукой вниз к пуговицам на его рубашке, он сжимает мое запястье, и я наблюдаю за борьбой в выражении его лица и понимаю, что даже если он и ощущается человеком, он не человек. Он Неблагодой. И я испытываю его границы.

Когда он снова открывает глаза, они ясны. Могу сказать, что он измотан, что битва по удержанию его Неблагодой натуры взаперти, начинает сказываться на нем.

– Спи, – говорю ему. – На этот раз тебе это нужно.

Когда начинаю вставать, он не отпускает меня.

– Останься, – хрипит. – Не уходи.

Он тянет меня вниз и нежно прижимается поцелуем к моим

губам, шепча слова заново.

"Останься". Еще. "Останься". Еще.

Он говорит это будто это все, что у него осталось. Он говорит слова, потому что у нас нет лет.

Мы копим наши минуты, наши драгоценные часы, потому что это все, что у него и у меня останется.

Глава 30.

Когда потягиваюсь и похлопываю по земле рядом со мной, нахожу ее холодной. Пустой. Что-то хрустит рядом, и я распахиваю свои глаза, рука тянется за мечом.

Сорча и Эйтинне склонились надо мной.

– Ты храпела, – говорит Эйтинне, слегка наклонив голову набок.
– И лапала землю, как маленькая собачка. Люди такие странные, когда спят.

Сорча фыркает.

– Ты вообще способна сказать что-нибудь, что не будет совершенно смехотворным?

– Я скажу что-нибудь, что не будет смехотворным, когда ты скажешь что-нибудь, от чего у людей рядом с тобой не возникнет желания оторвать тебе голову.

Сажусь так быстро, что голова начинает кружиться. В лесу все

еще ночь, или, возможно, она тут всегда. Костер давно потух, но полная луна все еще висит в небе, достаточно яркая, чтобы освещать пространство между деревьями. Сканирую лес в поисках Киарана, но там нет ни одного его признака. Единственный показатель, что он был здесь – примятая трава рядом со мной, его пальто подоткнуто под меня, как одеяло. Он, должно быть, накрыл меня, прежде чем ушел.

– Где Киаран?

Эйтинне выпрямляется.

– Ты была здесь одна. Мы прошли через дверь, и вот она ты. Храпящая.

Почему он ушел один, когда Морриган все еще где-то там? В животе все сжимается от страха. Надеюсь, она не выманила его. Слишком легко она манипулировала его Неблагой природой в пещере.

– Морриган атаковала нас, – говорю им, вставая на ноги. Засовываю руки в пальто Киарана и подбираю свой меч. – Мы должны найти его. Сейчас.

Эйтинне выглядит растеряно.

– Вы провалились в эту дыру всего лишь несколько минут назад, каким образом...

– Не будь идиоткой, Эйтинне, – с раздражением произносит Сорча. – Здесь время работает по-другому, в зависимости от того, где ты находишься. Так же, как и Sìth-bhrùth.

Где бы Киаран ни был, он ранен, устал и теряет контроль. Он может быть в беде.

Прикрепляю ножны к талии и направляюсь к лесу.

– Если вы идете, то поторапливайтесь.

Они смотрят друг на друга, но все же идут следом. Эйтинне пристраивается рядом, искоса поглядывая на меня.

– Ты же даже не знаешь, куда идешь, да? Ты не идешь в драку, ты несешься в нее на полной скорости с завязанными глазами и заткнутыми ушами и ...

– Спасибо тебе, – говорю я. – Нет нужды продолжать эту метафору.

И рискую, используя небольшой импульс силы, в поисках следов среди деревьев вокруг нас.

"Ищи Киарана".

Ничего. Ни шевеления, ни дыхания, ни шепота.

Эйтинне пренебрежительно машет рукой.

– Ты знаешь, о чем я.

Единожды мотаю головой.

– Никто из нас не знает, куда идти, – возражаю я. – Ты же не

знаешь? – бросаю взгляд на Сорчу, которая настороженно пялится на меня, без сомнения, я выгляжу наполовину спятившей. – А она?

Найти Киарана. Найти Книгу. Убить Морриган. Сосредоточься на этих трех задачах с железной волей того, у кого все поставлено на кон. Того, у кого, возможно, остались только часы.

Если я буду слишком сильно беспокоиться о том, что происходит с Киараном, то сделаю что-нибудь беспечное. Но он нужен мне. Чтобы утихомирить мои сомнения. Чтобы сказать мне, что я могу справиться с этим, мое финальное сражение. Это моя последняя попытка сделать все правильно.

– Охотница, – голос Эйтинне терпеливо. – Мы должны продумать наш следующий...

– У меня нет времени, и ты это знаешь.

Эйтинне хватает меня за руку, чтобы остановить.

– Ты понимаешь, как ты сейчас звучишь? – говорит она резко. – Mar theine beumach. Как будто ты на пути разрушения. Ты думаешь не ясно.

– Она человек, – возражает Сорча. – Они когда-нибудь думали ясно?

Кручусь в направлении Сорчи, вытаскивая лезвие из ножен. Металл свистит по дуге, рассекая воздух, кончик прижимается к ее горлу.

– Ты же знаешь, как найти Книгу, да?

– Айлиэн.

Игнорирую Эйтинне, мой взгляд полностью сосредоточен на Сорче.

– Отвечай.

Зеленые глаза Сорчи блестят.

– Мне не нравится разговаривать с лезвием у горла.

Ее кожа разрывается под моим мечом, и маленькая струйка крови скользит вниз по ее груди. Она впитывается в красную парчу ее платья, идеальное совпадение.

– А я не люблю, когда мной манипулируют. Ты нашла Книгу?

Ничего. Ни намек на ответ. Взгляд Эйтинне ловит мой, и я знаю, что она видит там вопрос.

Она единожды кивает: "Сделай это".

Режу Сорче руку. Она кричит и пятится назад, но я быстрее. Мои пальцы сжимаются вокруг ее горла, вжимаясь в кожу.

– У тебя, кажется, возникло неправильное представление, что, выбирая из Киарана и меня, я та, что слабее. Позволь заверить тебя, что это не правда, – сжимаю сильнее, чтобы придать этому больше значения, и она задыхается.

– Айлиэн... – нерешительно произносит Эйтинне.

– Говори, или я прорвусь сквозь твои воспоминания, словно через вату, – Сорча бормочет что-то, но слишком тихо, чтобы услышать. – Громче. Прежде чем моя рука соскользнет, и я пережму твою трахею.

– Айе, – хрипит она. – Я нашла тогда чертову Книгу.

– Как? Где она?

Сорча обнажает свои клыки.

– Я не помню.

Прямое утверждение, в нем нет места для лжи...

Нет. Она должно быть каким-то образом полу-лжет. Сорча – манипулятор в достаточной степени, чтобы разобраться, как обойти правду.

– Я тебе не верю, – сержусь. – Последний шанс сказать мне правду.

Она сжимает губы вместе, ее глаза сужаются в щелки.

– Я. Не. Помню.

Я не мешкаю. Проламываюсь в ее разум. Не так, как прежде, в этот раз я проношусь по ее мыслям с громким, требовательным грохотом. Спеша найти правильные мысли, правильные картинки, правильные воспоминания.

"Покажи мне".

Сорча не была подготовлена к тому, насколько я буду безудержной. Как спешно, отчаянно хватаюсь и прорываюсь через ее разум. Я взбудораженная и решительная, пока быстро просматриваю изображения: ее и Лоннраха у дерева, ее бегущей, некой девушки с длинными волосами и бледной кожей, отмеченной чем-то, но там слишком темно, чтобы увидеть.

Продолжаю, пока не достигаю воспоминания, которое заставляет меня остановиться. Картина настолько ужасна, что сглатываю назад слезы.

Сорча кровавой кучей находится на земле в лесу, точно таком же, в каком мы сейчас. Я не знаю, что вижу; не знала, что конечности могут быть так повернуты, во все разные стороны, согнутые, изувеченные. Некоторые больше не прикреплялись к телу. Кровь застыла густой темной лужей вокруг нее. Ее дыхание выходит грубым хрипом, как будто ее легкие были повреждены.

Она поет на фейрийском языке, слова застревают в горле. Щебетание сломанной девочки.

Каким образом Сорча вообще жива? Как? С ее-то исцеляющей способностью, связанной...

Получаю ответ мгновением позже, когда появляется женщина с черными волосами и бледной кожей.

Эйтинне?

Практически отпускаю Сорчу от удивления, но затем Эйтинне поворачивается, и я вижу ее глаза. Голубые глаза, которые сияют так же ярко, как грани сапфира — не вихревое, расплавленное серебро

глаз Эйтинне. Это Морриган в форме Эйтинне. О Боже. Морриган удерживает Сорчу живой.

Она проводит пальцем вниз по окровавленной, с дорожками слез, щеке Сорчи.

– Мне нравится эта песня. У тебя такой красивый голос, птичка, – затем она сжимает волосы Сорчи и произносит: – Пойдем со мной. Давай снова соберем тебя воедино и попробуем что-нибудь еще.

Морриган тянет изувеченное тело Сорчи сквозь деревья. Сорча так и не прекращает петь.

Глава 31

Я отхожу от Сорчи и меня рвет. После ее воспоминания сомневаюсь, что смогу удержать что-нибудь внутри. Мой разум продолжает прокручивать эту картинку снова и снова: поломанные конечности Сорчи, ее бессвязную песню.

"Я была ее развлечением".

– Не понравилось, что увидела? – с насмешкой спрашивает она позади меня. Под всем этим я слышу дрожь в ее голосе, намек на уязвимость. – Первый урок, Охотница: не врывайся в чьи-то еще мысли, если только не можешь справиться с ними.

– Что ты видела? – Эйтинне сжимает мою руку, чтобы помочь встать.

"Все". Резко закрываю глаза. "Все".

– Мне жаль.

Поднимаю взгляд на Сорчу, чтобы найти ее вцепившейся в ствол дерева, как будто бы она пытается найти равновесие. Словно собирает разбитые остатки того, что осталось от ее брони, и ставит их на место. Брони, через которую я прорвалась, будто бы она ничего и не значила.

– Мне жаль, – повторяю я.

Глаза Сорчи полыхают гневом.

– Мне не нужна твоя жалость, – ее губы изгибаются. – Хочешь узнать, почему я ненавижу тебя так сильно, Охотница? Это не из-за твоего трогательного маленького романчика с Кадамахом. Ты девушка с довольно привлекательным личиком и с небольшими навыками в сражениях, а он мужчина, а мужчины – дураки. Нет, я ненавижу тебя, потому что ты веришь, что намного выше моего вида, в то время как правда в том, что ты такая же безжалостная, как и все мы.

Мне нечего ответить на это, нет никакого четкого ответа. Потому что это правда. Я – ожесточенная войной девушка, чье отчаяние постепенно съедает душу, и я дважды вламывалась в ее разум.

– Позволь мне повторить то, что я сказала ранее, теперь, когда к моему горлу не приставлен меч: Я. Не. Помню, – она проговаривает последние слова, рыча. – Когда я пришла сюда в первый раз и Морриган поймала меня, она отправила меня искать Книгу, раз уж ей нужна моя кровь, чтобы открыть ее. Я нашла ее. Но я не помню, как или на что она похожа. Только знаю, что каким-то образом потеряла ее, и Морриган нашла огромное наслаждение в наказании меня за мою неудачу.

"Она отправила меня искать Книгу".

– Ты хочешь сказать мне, – осторожно говорю, – что у Морриган Книги нет?

Сорча нетерпеливо окидывает меня взглядом.

– Кто-нибудь, дайте этому человечешке безделушку в награду за ее детективные навыки. Ты настоящее чудо, Охотница, – на мой резкий взгляд, Сорча объясняет: – Книга была спрятана здесь, и когда Морриган пришла искать ее, Кайлих поймала ее в ловушку. С тех пор Морриган ищет Книгу и пути для побега.

Тогда история, в которой говорится, что Морриган нашла Книгу, неверна. Это значит, что у нас все еще есть шанс заполучить ее.

Смотрю на Сорчу, на этот раз неловко, после всего того, что я видела в ее разуме. Она говорит правду. Знаю это. У меня так много вопросов, но сначала ...

– Если ты не можешь вспомнить, как нашла ее, тогда может быть Эйтинне может...

– Нет, – ее губы изгибаются, – если уж Морриган не смогла откопать эти воспоминания из моего разума, что заставляет тебя думать, что эта недееспособная простушка может?

– Я не недееспособная, – говорит Эйтинне. – Я просто ненавижу тебя.

Сорча закатывает глаза, хватая свою юбку и проходит мимо меня.

– Слушай, давай просто найдем Кадамаха и закончим это, чтобы

я могла избавиться от вас обеих.

Она не ушла далеко, прежде чем громкий "Хрясь!" Заставил нас всех замереть.

Хватаю меч, мои глаза сканируют деревья.

– Что, черт возьми, это было?

– Я бы все отдала за свои силы, – ругается Эйтинне, резко поворачиваясь от другого тихого шелеста, непонятно с какой стороны.

– Как на счет меча? – говорит Сорча низким голосом. – Я уже поклялась не засовывать его между твоих реб...

Хлоп! Хлоп, хлоп!

Мы крутимся прямо в тот момент, когда огромный дуб позади нас наклоняется вперед. Делаю выпад в сторону, стараясь уйти с дороги, прежде чем он упадет.

Он не падает. Проклятое дерево движется.

Ветки тянутся за нами словно скрипучие, скрюченные пальцы. Корни оборачиваются вокруг лодыжек Эйтинне и дергают ее назад. Она падает на землю и дерево с силой тащит ее по влажной почве.

– Уходите! – выкрикивает Эйтинне. Она машет своим мечом, кромсая ветки, чтобы освободить себя. Затем прыжком поднимается на ноги и пускается в бег.

Мы бежим через густой лес. Наши ботинки ударяют по грязи и воде; по такому сложно быстро продвигаться. Чуть дальше скользкие листья на земле препятствуют нашему поддерживаемому темпу, но мы продолжаем бежать. Мы не замедляемся. Позади нас можно услышать ломающиеся ветви, звуки столкновения, когда тяжёлый корень ударяет по земле.

Оглядываюсь на Сорчу и вижу движение слева от меня.

– Позади тебя!

Опаздываю. Ветви обхватывают тело Сорчи, сбивая ее с ног. Деревья дергают ее назад через грязь, болезненно ударяя о землю.

Не могу ничего поделать с промелькнувшей мыслью: "Оставь ее там".

Но даже если Сорча не может мне помочь найти Книгу, мне все еще нужна она, чтобы открыть ее. Это единственная причина, по которой я буду беспокоиться о том, чтобы спасти ее никчемную шкуру. Она права: я безжалостна.

Мчусь вперед, ударяя по дереву. Металл фейри с легкостью проходит сквозь него, но ветка хватается меня за лодыжку, рублю по ней, прежде чем появляется возможность схватиться сильнее. Затем делаю выпад, чтобы схватить руку Сорчи.

– Самое время, Охотница, черт побери.

Мое лезвие свистит в воздухе, когда перерезаю сковавшие ее ветви.

– Подумывала оставить тебя.

– Я думала, ты так и сделаешь.

Дергаю ее с собой, когда пускаюсь на бег.

– Это ничего не значит. Ты мне нужна, чтобы открыть Книгу. Я все еще ненавижу тебя.

– Поверь мне, Охотница, я понимаю, что твои мотивы далеки от благородных.

Где Эйтинне? Смотрю влево и нахожу ее сражающейся с огромным, возвышающимся деревом. И остальные начинают приближаться. Морриган оживила весь чертов лес.

Эйтинне прыгает с переворотом в воздухе, чтобы увернуться от ветви, но другая появляется справа от нее. Крутясь под наклоном, она высоко бьет мечом. Ускорившись, она присоединяется к нам. Выражение лица угрюмое; ее плечо кровоточит.

Мы прорываемся сквозь тянущиеся к нам ветви, продираясь и сражаясь за наш путь отсюда. Лес густой, слишком густой. Мне не видно, где он заканчивается и это нападение слишком насыщенное, слишком быстрое. Мои конечности болят, начинает расти усталость. Когда отсекаю одну ветвь, другая занимает ее место. И другая. Их хватка мощная, грубая, оставляющая красные полосы на моих запястьях и руках.

– Там, – задыхается Сорча.

Через ряд деревьев сияет портал.

Выкрик Эйтинне привлекает мое внимание. Она бьет своим

лезвием, ее движения быстры. Когда она дотягивается до меня, Эйтинне тяжело пихает меня вперед.

– Отправляйся через портал! Найди Книгу!

Ее серебряные глаза горят.

– Позволь мне выиграть для тебя время.

– Но...

– Идиотка, – фыркает Сорча, хватая меня за рубашку. Она тянет меня с силой и начинает бежать. Мы бежим к portalу, ветки вокруг нас начинают сокращать расстояние. Мы не успеем. Он слишком далеко.

Слишком далеко.

Нет, мы почти там. Сосредоточься. Найди Киарана. Найди Книгу. Убей Морриган.

Всего лишь немного впереди...

Ветка оборачивается вокруг запястья, и я вскрикиваю, ударяя наотмашь мечом. Другая дергает за ноги. Ударяюсь о землю, и ветка беспощадно тянет меня назад, но я хватаюсь за грязь в попытке добраться до меча, чтобы отрубить ветвь. Умудряюсь подняться на ноги, но теперь она снова достала меня болезненным захватом на руках.

Сорча там. Она выхватывает один из маленьких клинков из ножен на моем запястье и улыбается, мелькая своими клыками.

– Полагаю, что тоже выигрываю для тебя время. Это все еще ни черта не меняет.

Она прорезает ветвь, хватая меня за пальто и тяжело пропихивает через портал.

Глава 32

Портал отправляет меня на край темного, освещенного лунным светом, поля. Требуется мгновение для глаз, чтобы достаточно привыкнуть и заметить, что на земле находятся фигуры. Той формы, которую не могу уверенно определить...

Позади меня слышатся шаги. Низкое бормотание Сорчи доносится из колыбели лесных деревьев на краю поля. Затем:

– Ух! Эйтинне, ты не могла бы отпустить мою...

– Твое предплечье намного менее мускулистое, чем я думала оно будет.

– Потому что это не мое предплечье, идиотка.

Поворачиваюсь прямо в тот момент, когда они обе, спотыкаясь, выходят из-за деревьев на краю поля. Эйтинне цепляет ветки и вытаскивает их из волос, а Сорча поправляет тяжелый материал своего платья. Ее каблуки проваливаются в мягкую землю поля, когда они направляются ко мне.

– Рада, что тебе это удалось, – говорю я.

– Конечно же, мне удалось это, – бодро отвечает Эйтинне. – Я потрясающая.

– Ты застряла с деревом, – фыркая, говорит Сорча. – Мне пришлось освободить тебя от веток и тащить твою тяжелую задницу через портал именно тогда, когда он начал закрываться...

Эйтинне чуть было не врезается в Сорчу, которая просто замирает по пути. Она смотрит мимо меня и ее дыхание затрудняется.

– О, боже.

Следую за их взглядом, и через меня пробегает холодная дрожь. Фигуры на земле, которые я не могла определить до этого – части тел. Тысячи тел. Ни одно из них не целое или скрепленное: просто поле конечностей, сердец и других органов, вырастающих из земли, будто это какой-то сад.

Это не было сражением. Это не было даже убийством. Это было ради развлечения. В этом есть определенная структура, извращенное чувство удовольствия в том, как поле подготовлено, а тела разделены по своим собственным отличным секциям. Сердца. Конечности. Внутренние органы. Головы. Таким способом можно было бы разделить цветники и каталогизировать каждый вид.

Каждая часть идеально сохранившаяся. Нет никакого признака разложения, нет даже запаха. Как говорил Деррик, daoine sìth не гниют. Вот почему они сжигают своих мертвых, потому что в противном случае они закончат подобным образом. Не могу смотреть на кучу голов, в особенности таких не тронутых, как эти, они как будто все еще живы.

Есть только зловоние крови, насыщающее воздух. Как будто бы Морриган оплодотворила этим землю. Оно такое сильное, что мне приходится сглотнуть, прежде чем встать.

Пячусь назад, пока мое плечо не касается Сорчи. Боже, даже

через платье и пальто я могу почувствовать, насколько ледяная ее кожа, такая тревожно ледяная. Она вообще не двинулась.

– Что, черт побери, это такое?

Сорча с яростью смотрит на меня.

– А что, ты думаешь, это такое? – с шипением спрашивает она. – Здесь находится каждый дурак, который когда-либо приходил сюда завладеть Книгой. Это было бессмысленно, потому что у них не было крови моих родственников, чтобы открыть ее. Морриган играет с ними несколько сотен лет, но в конечном счете ей надоедает. Потом она убивает и добавляет их в свой маленький сад.

Под злобой Сорчи проходит легкая дрожь, которая намекает на ее страх. Я видела ее воспоминание; Сорча, должно быть, жила в ужасе от того, что в один день будет добавлена в отвратительную коллекцию Морриган, будет разорвана на части в последний раз и не восстановится. Голос Сорчи, наверное, единственное, что спасло ее.

Мой пульс громко отзывается в ушах, когда я снова смотрю. Поле простирается так далеко, словно океан. Это, должно быть, заняло тысячи лет, в течении которых фейри проходили через портал, чтобы сформировать такое огромное поле.

– Я думала, они не могут найти портал без вашей крови, – говорю.

Сорча отрывает свой взгляд от зрелища перед нами. Выражение ее лица возвращается к обычному отполированному презрению.

– Какая же ты наблюдательная, Охотница. Мои предки отводили других фейри к двери, брали с них плату, и оставляли на милость Морриган. Почему, как ты думаешь, я убила всех своих

родственников? Это произошло не только потому, что я находила их раздражающими.

– Всех, кроме меня, – произнес низкий голос рядом с нами.

Я застываю. Его голос. Этот голос я неделями слышала в зеркальной комнате. Зубы на моей коже, у моего горла, кусающие меня снова и снова. Оставляющие меня все слабее и слабее с каждым разом, пока я не прекратила бороться с ним. Пока не сдалась ему. И никогда не прощу себя за это.

Лоннрах. Он не прячется. Больше нет. Он здесь.

Когда дотягиваюсь до руки Эйтинне, ее кожа холодная и влажная. То, что Лоннрах делал с ней, было хуже. Он мучил ее две тысячи лет в фейрийской тюрьме под Эдинбургом, убивая ее снова и снова, хотя у него и не было силы вызвать ее постоянную смерть.

Лоннрах делал это просто потому, что Эйтинне и Киаран оставили свои троны, и королевства развалились на части. Эйтинне лично построила тюрьму, которая заперла его и остальных фейри под землей. Он провел столетия, вымещая свою ярость на ней за ее предательство.

– Моя Королева, – говорит он с легкостью. Затем: – Соколиная Охотница. Вернулась из мертвых и сражаешься плечом к плечу с той, кто убила тебя, – он смеется глубоко и раскатисто, и я дрожу от этого звука. – Ты была довольно занята, да, Сорча?

Могу почувствовать, что он пялится на меня, словно шепчет мне на ухо: "Посмотри на меня. Посмотри на меня сейчас же".

Я поднимаю глаза. Он красив, практически как принц из романтической книжки, с солено-белыми волосами, бледной кожей и

светлыми серыми глазами. Но холодный, суровый и озлобленный. Лоннрах – дьявол в красивом костюме.

Сорча шагает вперед, становясь немного впереди меня. Я удивлена от того, как почти ... защищающим кажется это движение.

– Что, черт побери, ты здесь делаешь?

– Я мог бы задать тебе тот же вопрос, – Лоннрах не кажется встревоженным, когда проходит по полю с частями тел. – Но, полагаю, что я уже знаю ответ, да? Ты пришла сюда ради него, – его губы изгибаются. – Кадамаха.

Сорча тянется назад за свои юбки и кладет пальцы на мое запястье. Стараюсь не показывать своего удивления, когда она начинает доставать оттуда мой кинжал из ножен, медленно и аккуратно, так, чтобы он не заметил движений.

Так вот почему она шагнула вперед меня.

– А ты? – ее голос жесткий. – Ты последний, кого я ожидала обнаружить среди ищущих Книгу. Ты говорил, что я дура за то, что пытаюсь.

– Тогда у меня было королевство и Королева, которую нужно защищать, – он бросает взгляд на Эйтинне с отвращением. – Теперь этого нет.

– Ах да, как меняются вещи, – Сорча на дюйм вытащила лезвие. – В один день ты рыцарь, а в следующий – твоя маниакальная иллюзия быть монархом разбивается твоей собственной сестрой. Так что за тщеславный план привел тебя сюда? – еще один дюйм лезвия. Сорча наклоняет голову, будто глубоко раздумывает. – Морриган пообещала тебе жалкое маленькое королевство в твое личное

пользование? Нет, она слишком эгоистична для этого. Тогда предложение стать ее консортом, – на его молчание она смеется. – Ох, ты так жалок.

– Лучше быть консортом Морриган, чем рыцарем этой суки, – Лоннрах бросает взгляд на Эйтинне и выражение на ее лице застывает. Он улыбается, когда видит, насколько она выведена из строя. – Морриган обещала, что я смогу заполучить тебя. Разве ты не скучаешь по нашему времени, проведенному вместе в подземелье? Я – да.

Эйтинне начинает тяжело дышать. Она один раз мотает головой, резко, и клянусь, что слышу, как она выдыхает одно слово: «Нет».

– Стоит ли мне рассказать тебе одну вещь, что я узнала, брат? – Сорча полностью вытаскивает из ножен мой клинок, чтобы спрятать его за своими юбками. – Ты – средство для достижения цели. Вот что держит тебя живым. Но Морриган требуется только один для того, чтобы открыть Книгу. Значит, другому придется умереть, – она поднимает оружие и рычит: – И это буду не я.

Она бросает кинжал, и он вонзается прямо ему в грудь. Лоннрах вскрикивает, но я не вижу, падает ли он; Сорча хватает меня за руку.

– Беги! Если он заключил сделку с Морриган, она...

Что-то грубо хватает меня за ногу, и я, споткнувшись, лечу вперед. Смотрю вниз в ужасе от понимания, что моя лодыжка в одной из нескольких фейрийских рук, их пальцы впиваются в мою одежду, чтобы удержать меня на месте. Она живая. Чертова штука живая.

Сорча хватает меня и выдергивает из его захвата.

– Эйтинне, – рычит она, – прекрати пялиться, идиотка. Давай, к чертям, выбираться отсюда!

Все поле ожило, как что-то, вышедшее прямо из ночного кошмара. Разъединенные конечности корчатся вокруг, достигая и хватая нас, чтобы замедлить. Мы мчимся по вспаханной земле, отчего каждое движение становится более тяжелым, учитывая бесчисленное количество фейрийских тел; мы карабкаемся по ним, разрывая нашу одежду, чтобы выбраться. Рука с силой сжимает мое предплечье, и я тяну ее на себя, чтобы освободиться, но на ее месте появляется другая, и другая, и еще одна. Так мы далеко не уйдем.

Звук привлекает мое внимание к ряду деревьев по другую сторону поля, где в лунном свете виднеются силуэты. Сад не был всем ее кладбищем. Морриган держит цельные тела в лесу.

И она только что оживила армию своих мертвых ферийских жертв.

Фейри каждого вида стоят в ряд, каждый из них с насыщенными сапфирово-голубыми глазами. Теми же глазами, что видела в пещере. Глазами Морриган.

Она говорит ртом женской фейри перед нами.

– Здесь нет места, где вы могли бы спрятаться так, чтобы я не последовала за вами. Сдавайся, птишка.

– Никогда, – Сорча чуть не сталкивается со мной, отходя назад

Сорча крутится и бежит, грубо таща меня и Эйтинне за собой.

Теперь мы по-настоящему прокладываем свой путь через поле, больше отчаянно, чем координировано. Здесь, в самой глубине поля, конечности тянутся за нами хватающими руками и ногтями, которые прорываются через нашу одежду.

Эйтинне смахивает руку со своего ботинка, задыхаясь.

– У этого бегства есть план?

– План, – отвечает Сорча, – добраться до леса.

– До леса? – голос Эйтинне отражается эхом, когда мы проносимся по полю, ударяя и прорезая кожу нашими мечами. – В тот магически напичканный Морриган лес?

– В данный момент, мне бы хотелось, чтобы это был магически напичканный идиотами лес, – фыркает Сорча, ломая пальцы отделенной руки, чтобы освободиться. – Охотница, почему бы тебе не побыть полезной и не прочистить нам путь?

– Мне на самом деле не следовало бы.

– Что, черт побери, это значит?

Армия фейри спешит через поле за нами. Ни один звук не предает их нахождения; никакого дыхания, чтобы понять, насколько далеко они, или даже звуков шагов по возделанной земле. Только невыносимая приближающаяся холодность, как будто они были огромной тенью, надвигающейся на пейзаж.

Рука хватается Сорчу за лодыжку, и она резко падает на землю с испуганным вздохом. Хватаю ее руку и дергаю, нанося удар по руке своим мечом.

– Это значит, – ударяю мыском ботинка по другой конечности и вырываю свое пальто, – эти силы убивают меня быстрее с каждым разом, когда использую их.

Эйтинне присоединяется, разрубая отдельные конечности, чтобы проложить путь к деревьям.

– Никакого толку от тебя, – гневается Сорча. – Если мы не доберемся до леса, я сама убью вас обеих.

– Не заставляй меня оставлять тебя позади, ты неблагодарная... – фейри начинают приближаться с обеих сторон, быстро. Слишком быстро. – Да будь вы прокляты, – ворчу. – Отлично.

Верчусь, вытягиваю руку в сторону армии надвигающихся фейри, и отпускаю свою силу. Недостаточную, чтобы навсегда навредить им (это потребовало бы слишком много энергии), но так, чтобы замедлить их. Превращаю сад в болото, которое притягивает их тела к земле. Фейри начинают застревать по колено, потом до бедер, в грязи настолько густой, что им становится сложно передвигаться.

Голубые глаза Морриган встречаются с моими, и она говорит:

– Это не спасет тебя.

Не отвечаю. Устремляюсь за Сорчей за линию деревьев. Если бы это было любое другое место, прикрыться лесом – было бы облегчением, но Морриган может управлять природой. У нее все преимущества, и мы просто ждем, когда она выбьет нас одну за одной.

– Мы не можем продолжать бежать, – говорю я.

– Тише, тише, тише, – говорит Сорча, выдергивая свое платье у ветки. – Прекрати болтать. Я знаю, что делаю.

Эйтинне и я позволили ей вести нас через темный лес. Мы бежим по скрюченным корням старых деревьев, дыхание учащается. Куда она нас ведет? Мы так углубились в лес, что я едва могу видеть землю перед нами, ничего, кроме клочка света впереди. Сорча направляется прямо к нему.

Почти там. Сорча проталкивает нас к открытой местности и нам приходится резко остановиться на берегу реки, откуда с утеса срывается огромный водопад прямо в лес внизу.

– Теперь прыгаем, – мрачно улыбается Сорча.

– Шутишь? – моя голова дергается в ее сторону.

– Я похожа на тех, кто стал бы шутить об этом?

Эйтинне потирает свои руки.

– О, слава Богу. Обожаю прыгать с высоты. Надеюсь, я не умру.

Сорча прищипывает переносицу.

– Никогда не понимала и уже наверно не пойму, почему Кадамах не убил тебя, – ворчит она. Эйтинне усмехается и срывается с края обрыва. Она исчезает в тумане у основания водопада.

– Ну, ладно, тогда, – Сорча смотрит на меня с приподнятой бровью. – Теперь мы. Готова?

Зажмуриваю глаза и прыгаю вместе с ней.

Глава 33.

Приземляюсь четко на свои ноги, удивленная, обнаруживаю твердую землю под собой. Открываю глаза. Я в пещере (сухой в этот раз, спасибо Богам) и на удивление теплой. Очаг был установлен в середине с грудой дров рядом. Еще больше сучьев и дров сложены у дальней стены пещеры.

Место размером с жилую квартиру в Эдинбурге. Но лицемерие хоть чего-нибудь немного безопасного – это такое облегчение, что в данный момент я могла бы пасть на землю и целовать ее.

Сорча начинает собирать хворост из стопки и укладывать в костер.

– Ну? – говорит она. – Вы двое собираетесь присесть или продолжите пялиться на стены, как дуры? Это пещера. Здесь не на что смотреть.

Эйтинне скользит своими пальцами по стенам, хмурясь.

– Это место ощущается странно. Где это мы?

– Небольшой карман между мирами, – говорит Сорча, формируя аккуратную горку из дров. – Они существуют повсюду в тюрьме Морриган, и это единственные места, куда она не может последовать. Охотница, прекращай стоять здесь с открытым ртом и разожги костер.

Зажигаю огонь небольшой вспышкой силы и вздыхаю от

удовольствия, когда он, вспыхивая, приходит к жизни. Присаживаюсь рядом с ней, благодарная за возможность отдохнуть.

– А ты разве не могла сбежать сюда, когда она поймала тебя?

– Они как и дверь, – передергивает плечами. – Двигаются. И они не больше человеческой тюремной клетки. В любом случае, я была бы все также в ловушке.

– Они двигаются? – пристально смотрю на нее. – Ты хочешь сказать мне, что понятия не имела, будет ли это пещера все еще здесь, когда мы прыгнули?

– Уверена, мы бы услышали, если бы Эйтинне шлепнулась на какие-нибудь камни ...

– Я должна была понять, что ты что-то затеваешь, когда ты не стала прыгать первой, чтобы спасти свою собственную задницу, – говорит Эйтинне, присаживаясь рядом со мной. Она рукой проходится по своим темным, спутанным волосам. – На следующем утесе, на который мы придем, я столкну тебя с края.

Сорча закатывает глаза и устраивается на земле.

– С вашего позволения, хотелось бы насладиться спокойствием, немного поспать, и не слышать ни одну из вас, идиоток, следующие часов пять.

Вздыхаю и смотрю на Эйтинне.

– Нам вероятно следует тоже поспать. – Кто знает, когда у нас появится такая возможность снова?

Просыпаюсь ночью, обнаруживая Сорчу, сидящую у все еще горящего огня, задумчиво уставившуюся на пламя. Не знаю, как долго я спала, но у Сорчи темные круги под глазами, которые выдают ее утомление. Она не смотрит на меня, когда я встаю и тихо присаживаюсь рядом с ней.

– Тебе нужно подольше поспать, – говорю я. – Выглядишь изможденной.

– Беспокоишься обо мне, Охотница? – Сорча поднимает бровь.

– В целях самосохранения, айе.

Она слегка улыбается.

– Я все задавалась вопросом, когда же ты признаешь, что действуешь только исходя из своей эгоистичности, прямо как я.

– Однако это не так ведь? – спрашиваю ее мягко. – Ты хотела, чтобы Киаран был Королем. Ты могла бы сама заявить права на Трон.

Она передергивает плечом.

– Это не то, для чего я была рождена.

Мы обе смотрим на огонь, и я понимаю, как много вопросов у меня скопилось к ней. Как мало я знаю о ней и о прошлом Киарана. Мне известно только то, что я узнала из воспоминания ее с Лоннрахом, из коротких разговоров ее с Киараном.

– Почему ты любишь его? – не могу ничего поделать, как спросить это. – Если он не любит тебя в ответ?

Думала, что Сорча, вероятно, обидится от такого вопроса. Она же выглядит просто задумчивой, возможно, немного печальной.

– Ты не поймешь.

– А ты попробуй.

Она не отвечает. Возможно, из-за ее усталости. Возможно, из-за воспоминаний, что мы разделили. Возможно, из-за чего-то другого. Это единственное объяснение, которое у меня есть, почему она тихо признается:

– Есть вещи, которые выходят за пределы любви. Кадамах единственный, кто никогда ... – она отводит взгляд в сторону.

– Никогда что? – тяжело сглатываю.

Она поднимает взгляд, чтобы встретится с моим.

– Не использовал меня.

– И все же ты принудила его к этой клятве, – держу свой голос легким, но не могу спрятать намек на горечь под этим.

"Ты все еще забираешь у него выбор".

– Он не был не прав, – говорит она, снова уставившись в костер.
– Я не лучше моего бывшего хозяина. Я становлюсь всем тем, что

ненавижу, я признаю это.

– Что это значит?

– Доброта надолго не сохраняется, Охотница. Если проходит достаточно времени и достаточно людей ранят нас, мы все становимся злыми и бессердечными ублюдками, – она сурово смотрит на меня. – То же стало бы и с тобой, если бы люди жили достаточно долго.

– Эйтинне не такая, – сжимаю губы вместе.

– Ты думаешь, Эйтинне такая особенная, – фыркает Сорча, – потому что она верит, что люди не совсем бесполезны? Ты, может, и видела ее сражение, но я видела ее во время войны. Ты веришь, что она не способна быть жестокой? А я проходила через целые поля, усыпанные ее жертвами.

Вздрагиваю и отвожу взгляд в сторону, прямо на спящую Эйтинне.

– Она защищает тех, кого любит.

– Разве мы все так не поступаем? – тон Сорчи поддразнивающий. – Мы все стараемся сыграть в героя поначалу, Охотница. Так проще оправдывать худшие наши действия потом, – затем, после мгновения размышления: – возможно, мне стоит показать тебе.

Она сильно хватает меня. Ее ладони на моих висках, и прежде, чем я могу остановить, ее разум соединяется с моим.

Глава 34.

Я в пещере, освещенной тусклым светом единственной лампы на земле. Первое, что я замечаю, это как огромна пещера, как темна и бесконечна, с густыми и давящими на мою кожу тенями. Второе – зловоние, такое сильное, что меня шатает. Смерть. Разложение. Железный ожог пролитой крови протискивается в мои легкие. Прижимаю ткань рукава от пальто к своему носу, чтобы притупить запах, но это не срабатывает... Это воспоминание. Не реальность.

Чуть видимая фигура сидит рядом с лампой, рядом с ней ведро. Когда я подхожу, то замечаю, какая она маленькая, достаточно маленькая, чтобы быть ребенком. Она напевает, когда встает, длинная прядь черных волос сбегает из-под капюшона со спины ее платья, когда она делает пару шагов и наклоняется...

Я резко дергаюсь назад, когда осознаю, что то, что я думала было темным холмом горной породы прямо за светом лампы, не было частью пещеры совсем. Это огромная куча тел. Сотни. Тысячи тел. Они распространяются дальше, чем может достигнуть свет, ряды за рядами мертвых фейри-солдат, все еще одетых в броню.

Девочка хватается тело за руку и вытягивает из кучи. Она проделывает быструю работу, снимая броню, двигает тело в другую кучу, затем перетаскивает броню к свету. Вынимает мокрую щетку из ведра и соскребает кровь и грязь с металла, ее движения быстры и эффективны. Пальцы такие же грациозные, как у пианиста, длинные и суженные. Она барабанит ими по металлу, пока тихо напевает. Песня знакомая, я слышала ее однажды на берегу озера в Sìth-bhrùth.

Нет, это не может быть она, она слишком маленькая, чтобы быть...

Но это она. Сорча. Кому как ни ей здесь быть? Это ее воспоминание.

Сажусь на корточки рядом с ней, наблюдая за ее пальцами, как они ловко двигаются по броне, пока она скребет, скребет и скребет. Если я думала, что она выглядела больной в ее воспоминании с Лоннрахом, то тот вид не сравнится с этим. Темные круги под глазами выглядят синяками на бледной коже. Ее кожа, выглядывающая из-под изодранного темного шерстяного платья с капюшоном, более бледная, чем обычно, столь же белая и пепельная, как у привидения.

Она хрупка и тонкостенная, как новорожденный жеребенок, и такая же неустойчивая. Она слегка покачивается, когда встает на ноги с броней, бросая тяжелый нагрудник, шлем и блестящие пластины в их собственные кучи в противоположном конце пещеры. Возвращается. Подбирает другое тело. Освобождает от брони. Очищает металл. И снова, и снова. Время от времени она выливает воду и наполняет деревянное ведро в подземном ручье. Снова. И снова. И снова.

Вздрагиваю, когда она напевает во время работы, даже когда ее руки трясутся и голос становится хриплым. Даже когда ее дыхание становится неровным, рваным от бессилия. Она так устала, что ей приходится сидеть на земле, пока соскребает.

Это работа не для королевского консорта. Это работа для...

Ее песня прерывается металлическим лязгом замка. Оглядываюсь, когда тяжелая деревянная дверь, ведущая в пещеру, открывается. Там стоит мужчина, всего лишь силуэт напротив яркости слепополуденного солнца. Сорча закрывает глаза от резкого света. Делает резкий вдох. Из чувств ее разума, я могу почувствовать, как она жаждет отправиться наружу.

Она находилась в этой пещере слишком долго. Соскребая. Готовя мертвых к их погребению. Спасая их броню для новых солдат, чтобы те умерли одетыми на поле боя против Благих. Она была среди мертвых слишком долго. Слишком долго.

Она находится в этой пещере сотни лет.

Мужчина захлопывает дверь и подходит к Сорче, на его лице тень улыбки. Как и остальные Неблагие, он прекрасен. Сияющая медь его волос пылает в мягком свете лампы Сорчи. Его глаза два колодца-близнеца черноты, резкие от злорадства... и чего-то еще. Удовлетворения, которого я не понимаю.

Она становится неподвижной, когда он грубо отбрасывает капюшон с ее волос и скользит рукой по длинным, блестящим прядям.

– Хорошо справляешься, *ban-òglach*. Ты проделываешь работу так эффективно. Я доволен тобой.

Сорча сидит, не двигаясь, на земле, но я замечаю, как ее глаза ожесточаются ненавистью. То, как пальцы зарываются в землю у ее ног, словно она сдерживается, чтобы не причинить ему боль. Почему она сдерживается? Она не скованна и не связана...

Он снова гладит по волосам, как будто бы провоцируя ее. Что-то внутри меня переворачивается с отвращением, с гневом. За нее.

– Разве я не справедлив? Не милосерден? – спрашивает он нежно. – Я дал тебе четыре сотни лет. Когда ты займешь свое место рядом со мной?

Сорча вырывается из его хватки и плюет на его ботинки.

– Ни сейчас, – шипит она, – ни потом.

Губы фейри сжимаются в жесткую линию, когда он

вытаскивает платок из кармана пальто и машет ей вниз.

– Вытри.

С рычанием, Сорча выхватывает ткань и вытирает слюну с его ботинок.

– Удовлетворен? – слово выходит, словно проклятие.

– Нет, – он хватает лезвие на бедре и бросает на землю. – Подними кинжал и прижми прямо поверх твоего сердца, – рука Сорчи трясется, но она делает так, как он говорит. Ее глаза суровые, убийственные. – Воткни его внутрь, девочка. – говорит он с шипением.

Я прижимаю руку ко рту, когда Сорча проталкивает лезвие через ткань платья и кожу. Ее дыхание учащается, глаза крепко зажмурены, но она не кричит. Могу сказать, что ей хочется. Маленький всхлип срывается с ее губ, но она сильно прикусывает нижнюю губу.

– Стоп, – наконец-то говорит фейри. – Прямо здесь. Еще один толчок, и я заставлю тебя покончить с твоей жизнью. Каждый раз, когда ты подумаешь о том, чтобы бросить мне вызов, вспоминай этот момент. Запомни его хорошенько, – он приказывает вытащить лезвие, и Сорча достает с тяжелым вздохом. – Следует ли мне спросить тебя снова? – спрашивает он, когда прижимает руку к ее ране. – Ты займешь свое место рядом со мной?

Она смотрит на него исподлобья.

– Я лучше воткну этот кинжал в свое сердце.

Фейри ничего не отвечает. Он становится на колени рядом с

Сорчей и грубо хватает ее за подбородок.

– Ты еще более сильная духом, чем твоя мать. Сотня лет здесь, и она бы сделала все, о чем бы я ни попросил. В некоторые дни я жалею, что принял твое предложение занять ее место. Жалею, что хочу тебя так сильно с самого начала.

Сорча мелькает клыками.

– Хорошо.

Его пальцы напрягаются на ее челюсти.

– Затем я думаю о том, как это будет чувствоваться, когда ты, наконец, согласишься, – другой рукой он проводит линию на ее горле, вниз, к основанию шеи, где вижу отметки, которые не замечала ранее. Отметки, которых у Сорчи сейчас нет. Я резко окидываю ее взглядом. Клятва? Ему?

– Однажды ты согласишься на нее и больше не будешь думать о ней, как о бремени. Ты придешь ко мне по собственной воле.

Ее смех грубый, насмехающийся.

– Однажды этой отметки не станет. И первое, что я сделаю – перережу тебе горло.

Его глаза ожесточаются.

– Ты вынуждаешь меня быть жестоким. К счастью для тебя, я так же очень, очень терпеливый, – он отпускает ее и встает. – Тогда еще одна сотня лет. В этот раз я даже не принесу тебе умирающего человека, чтобы покормиться. Посмотрим, сколько ты протянешь,

прежде чем сама будешь умолять об одном.

Дверь открывается в прекрасный солнечный день, а затем закрывается с жестоким хлопком, чтобы оставить ее в темноте с мертвыми.

Воспоминание меняется. Темные стены пропадают, превращаясь в богатое, роскошное помещение огромной палатки. Большая раскладушка, покрытая белыми шелковыми простынями, выглядит крохотной в задней ее части. Палатка состоит из неразрывно сотканых гобеленов, изображающих сражения темных и светлых фейри. Киаран против Эйтинне.

Посередине палатки, занимая большую часть пространства, стоит широкий, крепкий дубовый стол. Киаран здесь, стоит с хозяином Сорчи. Нет, не Киаран. В его глазах тот же глубокий, темный и безнадежный взгляд, который мне пришлось узнать. Это Кадамах.

Он внимательно смотрит вниз на карту, которая покрывает почти всю длину и ширину стола, расположение Благих и Неблагих земель.

– Если мы пошлем флот кораблей, – говорит другой фейри, – мы можем запросто взять деревенский порт. Прервать их линию поставок и вынудить их отступить.

Сорча сидит на корточках у ног Киарана, прикрепляя защитные металлические щиты вокруг голени. Подготавливает его к сражению. Она работает тихо, искусно затягивая кожаные ремешки. Черт побери, она выглядит просто ужасно. Намного хуже, чем ранее. Фиолетовые пятна под глазами потемнели, а эти красивые зеленые глаза потускнели от голода. Она такая худая, что выглядит, как одна из жертв Киарана, так близко к смерти, что я не знаю, каким образом он не заметил.

Когда она передвигается, чтобы надеть защитный щиток на другую ногу Киарана, он едва выпрямляет ногу, не смотря вниз, я понимаю почему.

Она прислуга. Он даже не видит ее.

Киаран ведет пальцем по местам на карте, где отмечены их корабли и сбивает их один за другим.

– Так значит, ты думаешь, Стратег? Я теряю свое время, атакуя западный фронт? – Он смотрит вверх и меня трясет от того, как холоден его взгляд. – Скажи мне, как ты думаешь, почему я держу своих солдат на наших берегах, а не посылаю их в море?

– Простите меня. Я не должен был так говорить, – голос Стратега слегка дрожит от страха.

– Нет, – говорит Киаран, – ты не должен. Отвечай.

Сорча тянется за нагрудником на кровати. Ослабшая от голодания, она шатается под его весом и роняет металл на пол с тяжелым клацаньем. И замирает, сделав вдох ужаса.

Киаран оглядывает ее, как будто бы заметил в первый раз.

– Ты глупая девка, – рычит Стратег на Сорчу. Он грубо хватается ее за руку. – В этот раз я буду держать тебя в той пещере, пока ты не сможешь даже двигаться...

– Убери от нее руку, – голос Киарана низкий, опасный. Когда Стратег мешкает, он добавляет: – Сейчас, – Киаран кивает на кресло в другой стороне палатки. – Сядь там и помолчи. Если произнесешь хоть звук, я отрежу твой язык и заставлю проглотить его.

Сорча остается, замерев, ее глаза опущены вниз, когда он подходит к ней.

– Посмотри на меня – командует он.

Ее глаза встречают его. Хотя она, очевидно, напугана, в ее чертах присутствует вызов. Как будто бы говоря: " Делай, что хочешь. Накажи меня. Я не буду умолять за свою жизнь".

Губы Киарана дергаются, и я знаю, он тоже это видит.

– Почему бы тебе не рассказать мне то, что мой Стратег не смог?
– спрашивает он ее почти нежно. – Почему я держу своих солдат у наших берегов?

Сорча сжимает губы.

– Благие... – ее голос дрожит, и она делает вдох, прежде чем попробовать снова. – Они могут говорить с морем, узнавать секреты из воды. Они бы знали, что мы идем, – на ожидающий взгляд Киарана она объясняет с толикой горечи. – У меня есть брат. Он – Благой.

По тому, как светятся глаза Киарана, я знаю, что она ответила правильно.

– Что бы ты предложила вместо этого?

– Я не Стратег.

Киаран машет рукой в сторону карты.

– Побалуй меня.

Наблюдаю, как Сорча молчаливо вникает в географические особенности. Ее разум проходится по возможностям, атакам и контратакам. Она проигрывает боевые сценария так, как я планировала свои изобретения, как будто бы это ее вторая натура.

Наконец, она скользит пальцем по карте и указывает на горный перевал.

– Здесь. Достаточно близко к морю, чтобы Королева решила, что ее позиции более выгодны. Утесы с обеих сторон достаточно высоки, чтобы наши солдаты могли притянуть тени и скрыть их настоящую численность, – она смотрит вверх на Киарана. – Вы бы могли отправить некоторых солдат на наше побережье, чтобы привести Королеву к этому переходу.

– Предлагаешь мне пожертвовать ими.

Сорча пожимает одним плечом.

– Я говорила вам, я не Стратег.

Киаран смотрит на карту, на Сорчу, на своего Стратега.

– Думаю, что Стратег. Ты решила, что победа будет стоить их смертей, – она ничего не говорит, когда он садится в кресло за стол и осматривает ее. Его взгляд останавливается на узоре вокруг ее шеи. – Ты носишь отметку рабыни.

– Да, – Сорча напрягается.

– Ты не производишь на меня впечатления кого-то достаточно глупого, чтобы принять эту клятву без веской причины. Расскажи мне.

– Сначала он подловил мою мать, заставив ее произнести клятву, – говорит Сорча. – Я видела, что он делал с ней. Как отметка вынуждала ее исполнять каждую его команду, как бы сильно это не ранило ее. Она бы не прожила еще дольше, оставаясь с ним, – она вскидывает подбородок. – Поэтому я предложила себя на ее место. Я была глупа. Я была ребенком.

– Он приказал тебе убить ее, – выражение лица Киарана не изменяется.

Губы другого фейри напрягаются, но он не издает ни звука. Он не собирается рисковать с тем, чтобы Киаран воплотил свои угрозы.

– Да, он приказал, – говорит Сорча, на этот раз ее голос дрожит от гнева. – Конечно же, он приказал. Она не была той, кого он хотел.

– Когда в последний раз ты кормилась? – голос Киарана почти мягкий, когда он спрашивает это.

Она втягивает судорожный вдох.

– Почти две сотни лет назад.

Могу почувствовать удивление Киарана. Его лицо остается невосприимчивым как никогда, но в его взгляде что-то возрастает, что-то гневное. Что-то безжалостное.

– Ты желаешь убить его?

В углу палатки Стратег тихо закашлялся.

Улыбка Сорчи маленькая, как острие кинжала.

– Каждый день.

Глаза Киарана находят Стратега.

– Освободи ее от клятвы.

Голос Стратега дрожит, когда он произносит:

– Но, мой Король...

– Это не предложение, – холодно говорит Киаран. – Не заставляй меня повторять снова.

Тот фейри смотрит на Сорчу и закрывает глаза в поражении. Его слова едва громче вдоха.

– Я освобождаю тебя от твоей клятвы.

Сорча сгибается пополам с резким вскриком, когда отметка вокруг ее шеи загорается огненно-красным, как расплавленный металл. Отметка распадается до пепла на ее одежде. Она выпрямляется, ее пальцы ощупывают шею чуть выше ключицы, с удивленным взглядом на лице. Когда она смотрит на Киарана, взгляд полон облегчения и благодарности.

– Спасибо вам, мой Король. Спасибо.

– Не благодари меня. Я ничего не делаю по доброте душевной, – Киаран тянется за лезвием на бедре, вытаскивает кинжал и вручает ей рукояткой вперед. – Ты сказала, что желаешь его смерти. Отомсти.

– Как раз планировала, – Сорча широко улыбается.

Стратег вскакивает на ноги и кидается в переднюю часть палатки, но Сорча первая оказывается там. У него не было и шанса. Она падает на него, выпустив свою на удивление мощную силу, чтобы удержать его на месте. Затем берет лезвие и перерезает ему горло. Она не останавливается на этом. Вонзает кинжал в него снова, и снова, и снова, крик вырывается из ее горла с каждым разом. Это длится так долго, что я закрываю глаза, чтобы блокировать это зрелище.

К тому времени, как она заканчивает, тяжело дышит, ее конечности трясутся. Она покрыта кровью. А глаза влажные от слез.

Она даже не обращает внимания, когда Киаран подходит к ней.

– Скажи мне свое имя.

– Сорча, – шепчет она.

– Сорча...

Она закрывает глаза, словно ее имя на его губах – песня, которую только она может слышать.

– Кажется, мне необходим новый Стратег. Ты заинтересована?

– Да, – ее улыбка обнажает зубы, те, с которыми я хорошо знакома. – О да.

Когда Сорча выталкивает меня из своих воспоминаний, мы обе дрожим. Ее глаза широко открыты, слегка влажные.

– Позволь мне спросить тебя кое-что: если бы ты могла убить меня в ночь, когда я убила твою маму, как бы ты это сделала? – спрашивает она. – Было ли это быстро и милостиво? Или ты перерезала бы мне горло и воткнула кинжал сотню раз, как это сделала я со своим хозяином?

Я не встречаюсь с ней взглядом. Знаю, что бы выбрала. Она это тоже знает.

– Видишь? – выдыхает она. – Тебе следовало бы поблагодарить меня, он потеряет тебя до того, как его драгоценная Охотница превратится в безжалостную, которую я вижу в твоём сердце. Ты бы стала такой же, как я, подвернись тебе шанс. Мечь всех нас делает монстрами в конце. Запомни это.

– Сорча...

– Достаточно, – она встает и уходит назад. – Этого достаточно. Я собираюсь поспать.

Наблюдаю, как она сворачивается в задней части пещеры, одна.

Глава 35.

Отчаянный крик будит меня.

– Кэм!

Быстро сажусь, сердце грохочет в груди.

– Киаран?

Эйтинне и Сорча все еще спят у костра. Ни одна из них не двинулась и не потянулась от зова. Мне показалось? Он был таким громким, будто кричали прямо снаружи.

– Кэм!

Я вскакиваю на ноги. Определенно, не показалось.

Это может быть ловушкой.

Снова доносится зов Киарана, так близко, и в нем так много боли, что в груди все сжимается, даже просто слыша это. Хватаю ножны с земли и цепляю к бедрам, когда направляюсь к выходу из пещеры. Он снова зовет, теперь еще отчаянней. Это посылает через меня так много страха, что я не могу думать здраво. Мой инстинкт говорит, что нужно просто выбежать и найти его.

Просто сделай один шаг наружу, и, если не сможешь увидеть его, возвращайся внутрь.

– Киаран? – зову выходя из пещеры. Один шаг.

Портал открывается и меня затягивает прямо в него.

Внезапно оказываюсь в бальном зале. Мужчины и женщины вокруг меня танцуют вальс, прямо как на одном из отличных приемов

в Эдинбурге...

Мое дыхание застревает в горле. Я в Эдинбургском зале для приемов.

Узнаю величественную люстру, которая отбрасывает в комнате блестящий свет. Фонарики из разноцветного стекла парят над головой, рассеивая красное, зеленое, желтое и голубое свечение по текстурированным золотым обоям. Юбки шуршат вокруг меня, когда джентльмены вращают своих партнерш по кругу комнаты, каждый из них в идеальном синхронном ритме с оркестром виолончелей, пока те играют веселый национальный танец. Тот, который я помню из моих кошмаров.

Тот, который играли в момент, когда убили мою маму.

Онемев от ужаса, смотрю вниз на свое платье. Мое платье. Пальцы начинают перебирать складочки, чтобы убедиться...

Настоящее. Оно настоящее. Но оно не может быть настоящим.

В последний раз, когда я надела это платье, был вечер моего дебюта. Даже украшенные бисером балетки, выглядывающие из-под моих юбок, те же самые. Мое дыхание застревает в горле.

– Доставите ли вы мне удовольствие? – рука джентльмена в перчатке появляется в поле моего зрения.

Это не настоящее. Это не реальное. Не...

– Моя леди?

У джентльмена шутливая улыбка на загадочном лице. Он

кажется безобидным, но в нем есть что-то неправильное. Есть что-то неестественное в его чертах. Его улыбка слишком дружелюбная, кожа слишком бледная. Вспышка света мелькает в его глазах, но исчезает так быстро, что мне, возможно, привиделось.

Затем мерцание проходит по его коже, как тень проходит по поверхности воды. На мгновение задаюсь вопросом, может, я вообразила его, но, когда прикасаюсь к его руке, она теплая. Твердая.

Я задерживаю дыхание.

– Мне нужно идти.

Когда я отворачиваюсь, он грубо хватает меня за руку. Его пальцы оставят синяки на коже.

– Ты никуда не пойдешь.

– Отпусти мою руку, или я сломаю тебе пальцы.

Не ожидая ответа, вырываю руку и спешу к выходу. Другой джентльмен блокирует мой путь, высокий блондин, но с таким же легко забываемым лицом. Тем же самым лицом?

– Моя леди, уверен, этот танец за мной.

Мне нужно выбираться отсюда.

– Нет, – говорю я, – дай мне пройти...

Он сжимает мою руку. Его захват такой сильный, что я кричу от боли.

– Прекрати.

Сопровствляюсь, но джентльмен тянет меня в середину танцевального зала. Я брыкаюсь ногой в балетке, попадая ему в колено, но его это даже не беспокоит, он оборачивает свои длинные пальцы вокруг моего запястья и тянет меня так сильно, что я спотыкаюсь.

– Будет легче, если ты не будешь сопротивляться, – почти останавливаюсь от женского голоса под его мужским баритоном. – Двигайся! – хватаю его руку (сломаю все до последнего его пальца, если потребуется), но он ведет меня в вальсе.

Прямо перед тем, как я выгибаю его пальцы назад, через меня проходит болезненный разряд. Сила густая, подавляющая, от которой все немеет. У меня больше нет контроля над телом. Неважно, как сильно я стараюсь, мои ноги не слушаются. Они не двигаются, не бьют, не брыкаются, не делают никаких движений, которые мой мозг кричит им делать.

Танцую как послушная марионетка. Пешка.

Действительно ли я – пешка? Тогда думаю о словах Сорчи. Возможно, я – развлечение.

Прижата так близко к этому незнакомцу, что могу ощутить его тепло через платье, и это не обычное тепло. Оно обжигающее. Сила в воздухе обжигает настолько сильно, что мне практически затыкает рот. На вкус, словно дым, проходит вниз по моему горлу, угольный огонь в легких. Едва могу дышать и едва могу думать.

Морриган.

Она заманила меня сюда, и я совершенно одна. Мимолетная картинка Сорчи пролетает в моем разуме. Ее изувеченные конечности и дрожащий голос, когда она поет песню.

"Давай соберем тебя воедино и попробуем что-нибудь еще."

– Стоп, – шепчу я, – остановись.

– Хочешь, чтобы я остановилась?

Руки Морриган напрягаются на моей талии, и я чувствую безошибочный намек на когти, царапающие ткань моего платья. Ее губы на моей шее, и я чувствую укус зубов. Он закончился так быстро. Предупреждение. Едкое замечание. То, которое говорит: "Ты – моя".

– Но я только возвращаю должок, маленький человечек. Маленькая месть за то, что убила меня в пещере. Как это ощущается?

Теперь это ее голос, четкий и самостоятельный. Хриплый шепот, который заставляет меня думать о разрушении и надвигающемся хаосе.

– Катись в ад.

Ее смех заставляет мои кости замереть.

– Как же я скучала по людям. Таким экспрессивным и таким болезненно глупым, – ее голос омывает меня, как цунами зимой. Быстро, безжалостно. Холодно. – Зачем ты здесь, Айлиэн Кэмерон?

– Что, не можешь прочитать мысли? – рискую, задавая насмехающийся вопрос.

– Проблесками. Как этот зал и унылый прием. Но, в отличие от своих друзей, ты все еще имеешь силу, чтобы защитить свои мысли, – ее когти напрягаются на моей талии. – Теперь говори, зачем пришла, пока я не вонзила свои когти в твои внутренности.

– Ты знаешь, почему я здесь. Я хочу твою книгу.

– Все хотят мою Книгу для своих собственных целей. Власть, жадность, мания величия. Каковы же твои причины?

Отодвигаюсь назад достаточно, чтобы видеть ее лицо, эти темные ресницы цвета сажи, обрамляющие ее ожесточенные яркие сапфировые глаза.

– Я хочу спасти свой мир.

Сила Морриган прокатывается по моей коже, впитываясь в вены и поглаживая мои кости. Сильная, такая схожая с моей. Она сестра Кайлих. Подобное притягивает подобное.

– Ты уже знаешь, как спасти свой мир, – говорит она. – Это часть моего проклятия. Все, что требуется, это чтобы один из них умер. Но вместо этого ты привела их обоих ко мне. Какое неожиданное благословение.

Резко зажмуриваюсь, когда ее слова доходят до меня. Я преподнесла их обоих (слабых, со связанными силами, почти людей) к их самому злейшему врагу.

– Ты собираешься убить их?

Ее губы изгибаются в маленькую улыбку.

– Я не жертвую своими пешками, пока не уверена, что близка к победе.

Значит, я не пешка. Ключ. Всегда ключ.

– Что ты хочешь от меня? – шепчу я. Она бы не была здесь, танцуя со мной, если бы чего-то не хотела.

Глаза Морриган начинают блестеть.

– Знаешь, что самое худшее из того, что моя сестра сделала мне? – спрашивает она вместо ответа. Ее большой палец гладит мою щеку.
– Не то, что она предала меня, или что пыталась уничтожить. А то, как она оставила меня: без тела. Не мертвая, не живая, застрявшая в этом жалком полусостоянии, – она склоняется, ее голос проходит по моей коже, как шепот шелка. – Что я хочу от тебя, Айлиэн Кэмерон? Хочу, чтобы ты помогла мне. Я хочу свою книгу.

Конечно же. Она хочет, чтобы я сделала то, чего не смогла Сорча.

Принесла бы ей Книгу. А если нет...

Слова Сорчи эхом проносятся в моем разуме. "Я была ее развлечением".

Если Морриган не знает, где находится Книга, значит, еще есть шанс выкрасть ее, чтобы Сорча открыла ее, и сделать Книгу моей.

План все еще тот же. Найти Киарана. Найти Книгу. Убить Морриган.

– Я бы посоветовала тебе не принимать это за признание слабости, – говорит Морриган напряженным голосом. – Если ты не сделаешь то, что хочу, я разорву тебя на части. Запросто.

– Если бы ты могла навредить мне так просто, ты бы уже это сделала.

– Я почти заставила твоего любовника убить тебя в моей пещере.

– Но не заставила. В конце ты все же не смогла.

Теперь она улыбается, и это подобно острию бритвы.

– Какая же ты умная маленькая девочка. Теперь вижу, почему моя сестра передала свои силы тебе, а не одному из своих бесполезных детей. Сожалею по поводу твоего человеческого тела.

– Почему просишь меня найти Книгу? – говорю я, игнорируя ее укол по поводу моей смертности. – Потому что у меня силы Кайлих? Только потому, что она спрятала ее от тебя, не значит, что я знаю, где она.

Вспышка раздражения пересекает черты ее лица.

– Моя сестра? О, пожалуйста. Она бы никогда не смогла проверить все это сама, – ее голос резок. – Это все девочка... мой консорт. Всегда знала, что она была слишком мягкой. Она украла Книгу, отнесла моей сестре, и они вместе спрятали ее здесь. Когда я последовала за ними, Кайлих убила мое тело и заперла меня в ловушку, – ее губы изогнулись в отвращении. – Надеюсь, мое проклятие заставило ее страдать.

Эйтинне была права в том, чтобы не доверять историям, которые

слышала. Даже старейший фейри, с которым она говорила, должно быть, еще не был среди живых, когда первоначальная Кайлих предала Морриган. Мысль озаряет меня: может быть, Сорча стерла свои воспоминания, чтобы защитить их. Чтобы убедиться, что Морриган не сможет прочесть ее разум, чтобы найти Книгу. Держу выражение лица ровным.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, почему я?

Ее пальцы поднимают мой подбородок, и я встречаюсь с ее глазами. Ярко голубой цвет не делает их менее глубокими, чем самые глубины бездны. Было что-то мстительное в этом взгляде, что-то гневное и выстраиваемое в течении многих веков.

– Моя пташка однажды была, как ты. Упрямая, решительная. Она забрела сюда со своим яркими крыльями и дикой песней, и я подумала про себя: «Эти крылья выглядели бы лучше, будь они окрашены в алый цвет крови, а ее голос звучал бы более прекрасным из спроектированной мной клетки».

Сорча. Она говорит о Сорче. Пташка.

Сломанные конечности, как изувеченные крылья. Загнанный голос, как плененная колыбельная. Сломанная оболочка девушки.

– Она была такой прекрасной. Я была бы рада слушать ее щебетание рядом со мной, под моим правлением. Но она не могла бы воспользоваться моей Книгой, и это делает ее бесполезной.

Не смогла воспользоваться Книгой. Ее слова прокручивались у меня в голове. Сорча в любом случае не могла бы пользоваться Книгой. Не удивительно, что она поклялась отдать ее мне, словно это уступка, обмен. Киаран за Книгу. Не удивительно, что она отдала ее мне так легко, и я ни на мгновение не переставала задаваться вопросом: «Почему?»

Потому что я дура. Дура, которой легко манипулировать, потому что иначе она все потеряет. А когда вам есть, что терять, все, что нужно сделать другому – выбрать, каким оружием воспользоваться против вас.

Стараюсь не показать эмоции на своем лице, но, должно быть, терплю неудачу в этом. Губы Морриган изгибаются.

– Она не рассказала тебе, – откидывает голову назад и смеется. – Ох, моя умная пташка. Всегда такая скрытная.

Отвожу взгляд.

– Просто скажи мне, почему просишь меня?

– Ну конечно, – ее улыбка исчезает так же быстро, как удар мечом. – Это предусмотрительность моей сестры: только кровные родственники моего консорта могут открыть Книгу, но не могут использовать ее сами. Она никогда никому не доверяла. И этого я не знала, пока не прочитала воспоминания моей пташки.

– Сорча говорила, что они были стерты, – говорю, не подумав.

Не раскрывай информацию так просто. Позволь ей рассказать тебе все.

Глаза Морриган ярко зажглись от гнева.

– Да, та глупая девочка стерла все, что смогла. Все, что мне осталось – это фрагменты. Только ее мысли. Достаточно, чтобы распознать, что она пыталась воспользоваться Книгой, но у нее не получилось, а затем она потеряла ее. Я наказала ее, но в конце мне

пришлось позволить ей улететь. Никогда не смогу оправиться от потери моей пташки. Она была моей фавориткой.

Пташка. Изувеченные крылья. Преследующие звуки. Сломанная девушка.

Прекрати это. Сфокусируйся. В моей голове целая какофония вопросов, но могу задать только один:

– Почему бы тебе самой не найти Книгу и использовать ее?

– Даже если бы я нашла ее, у меня нет тела, – говорит она коротко. – А вселение в кого-то еще – не работает. Еще одна мера предосторожности, чтобы остановить меня от использования, – ее выражение становится горьким. – Мне все еще нужна кровь родственников моей пташки, чтобы открыть Книгу, и мне все еще нужен кто-нибудь, кто может использовать Книгу. Ты.

– Ты могла бы попросить Киарана или Эйтинне, – когда ее глаза сужаются, понимаю почему. – Ах, понимаю. Ты боишься, что, если один из них приберет ее к своим рукам, они станут более могущественные, чем ты.

– Ты – человек, – Морриган кажется нетерпеливой. – У тебя силы моей сестры, и ты умираешь. Ты очевидный выбор.

– Значит, я человек с наибольшими причинами помочь тебе, – она не отвечает на это, ей и не нужно. – Что ты предлагаешь мне в обмен? – спрашиваю я, думаю о сделке Лоннраха.

Морриган расплывается в улыбке.

– Ух ты... А ты многому научилась у моего вида, так ведь? Очень

хорошо. Что бы ты хотела?

Что-то внутри меня ощущается таким открытым, словно я распадаюсь на части по краям. Чего я хочу? Киарана.

Не говори ей этого.

– Мой мир, – выдаю, хватаясь за первую пролетающую мысль в моей голове. – Нетронутым.

Морриган пялится на меня, будто бы ее это удивило и позабавило.

– Человеческое сердце недостаточно большое, чтобы вместить пространство целого мира. То, что имеет для тебя наибольшее значение, что-то маленькое. Ради чего стоит умереть.

Сжимаю челюсть.

– Откуда ты знаешь?

– Мы все эгоистичные создания, девочка. Даже люди, – она наклоняется вперед. – Вот тебе правда: ты хочешь проклятого короля. А если ты найдешь Книгу, он свяжется с моей пташкой навечно.

Ничего не говорю, смотрю в сторону на другие пары, танцующие вокруг нас. Они похожи на оживших марионеток. Те же лица, та же одежда, те же платья в различных расцветках. Просто устроенные для этой встречи, чтобы показать мне, что, если Морриган хочет, она может узнать что-то из моего разума и использовать это против меня.

Морриган хватается меня за челюсть.

– Обрати внимание, – длинный коготь царапает мою щеку недостаточно глубоко, чтобы пустить кровь, но достаточно, чтобы причинить боль. – Я могу сделать его твоим. Могу перенести его клятву и могу забрать его проклятие.

– Я не наивная, – говорю ровно. – Ты хочешь что-то еще. Для чего ты хочешь, чтобы я использовала Книгу?

Ее губы изгибаются в улыбку.

– Я могу понять, почему он любит тебя, – она наклоняется. – Используешь Книгу, чтобы возродить мое тело. Сделай это, и я дам тебе все, что ты пожелаешь. Его проклятие будет снято. Его клятва моей пташке исчезнет, – ее глаза резкие, выискивающие. Оценивающие мои слабости. – Бессмертность. Разве тебе бы это не понравилось? Быть с ним вечно?

"Человеческая смерть была бы милосерднее" – так говорил Киаран.

Милосерднее для меня, но не для него. У меня есть шанс изменить это, не смотря на то, чего он для меня хочет. Слова Сорчи эхом пересекают мой разум: "Ты станешь такой же безжалостной, как остальные из нас".

Я безжалостная. Война сделала меня бесчестной, а иногда жестокой и не совсем человеческой. Потому что, почти говорю "да". Слово вертится у меня на языке, на губах, у меня в голове, и я открываю свой рот, чтобы прошептать свою судьбу в единственном слове. Да, да, да, да.

Пока не вспоминаю отметку Сорчи на теле Киарана. Знак обладания. "Ты – мой".

Мы передаем его туда–сюда, как объект. Как будто бы у него нет чувств. Словно, он чертов кусок собственности, имущество, приз. Я могу быть безжалостной и жестокой, но не хочу обращаться с ним подобным образом; не настолько похожа на Сорчу, чтобы лишать его выбора. Не хочу его себе настолько сильно, чтобы дать Морриган силу, которая у нее однажды была. Ей нельзя позволять возродиться снова. Не буду ответственной за это.

Когда я говорю, мой голос жесткий, решительный.

– Нет.

Пристальный взгляд Морриган такой же острый, как край ножа.

– Подумай очень хорошо, прежде чем говорить мне "нет".

– Подумала. Все еще нет.

Морриган действует быстро. Она сжимает мою руку, бросает свое тело на мое, и выворачивает мне плечо в быстром толчке. Агонизирующая боль взрывается в руке. Искривленный крик вырывается у меня из горла, и она шлепает ладонью по моему рту.

– Шшш... – воркует она, прижимая меня ближе к себе. – Я не говорила, что ты можешь кричать, – ее губы у моего уха. – Дай мне мое "да", и я вылечу это. Заберу твою боль.

– Нет, – говорю, когда ее рука сдвигается с моего рта.

В моих пальцах появляются кинжалы с запястья нетронутой руки. Быстро.

Ее когти впиваются в мое плечо, посылая через меня новую

волну боли.

– Я уничтожу все, что ты любишь, – шипит она. – Заставлю тебя ненавидеть его. Сломаю тебя в конце, прямо как мою птичку. Заставлю тебя сказать «да».

Вкладываю лезвие в свою ладонь.

– Я найду твою Книгу, – говорю я Морриган. – И использую ее, чтобы убить тебя, – вонзаю лезвие между ее ребер.

Морриган в теле джентльмена заваливается на пол.

Беги! Я создаю перерыв для этого, но Морриган уже в другом теле, блокирующем мой путь.

– Ты поможешь мне, – настаивает она, ее глаза темнеют.

Скольжу лезвием по ее горлу и сильно пихаю. Убегаю, направляясь к двойным дверям, одна рука бесполезно висит сбоку.

Игнорирую боль. Продолжай двигаться.

Другой мужчина притягивает меня в вальс, его хватка жесткая на моем раненом плече. Музыка от визжащих скрипок нарастает, проникая в мои уши. Не могу слышать ничего другого, ни мое дыхание, ни мое сердце, ни мои мысли. Морриган хватает мою талию и выпускает когти, чтобы удержать меня на месте.

Она передает меня другому джентльмену. Еще одному. Все под ее контролем, как марионетки, которых она использует для своего преимущества. Каждый раз, когда разворачиваюсь прочь, я заканчиваю в руках другого танцора. Борюсь, чтобы выйти отсюда,

но они снова меня ловят. Я заперта в клетке человеческих тел. Кружусь, мое зрение расплывается. Мне слишком жарко. Не хватает воздуха. Мне нужно идти, нужно сбежать, но куда бы я не повернулась, находится все новый и новый мужчина. Их смех такой же, как у Морриган. Он звучит так, будто лезвие царапает по металлу. Он резкий, грубый и не по-человечески мелодичный.

– Я дам тебе подумать об этом, – говорит Морриган из другого тела. Затем хватает меня за руку и вставляет ее обратно на место. Лечит раны быстрой пульсацией магии. – Наслаждайся танцами. Сломаю тебя снова попозже.

Качаюсь в сторону при очередном повороте. Крепкие руки предотвращают мой побег. Мое дыхание становится быстрее, теперь я паникую.

Выбирайся. Иди к выходу.

В отчаянии я смотрю через плечо держащего меня джентльмена в сторону двери, и ...

Прямо там стоит девушка.

Глава 36.

Мои глаза чуть было не просмотрели ее. Она практически сливается со стенами. Ее кожа отражает свет. Ее маленькие, костлявые плечи согнуты, а выражение лица пугливое, будто она твердит вам: «Ты не видишь меня, ты не замечаешь меня, меня здесь нет».

Поскольку я сражаюсь в танце, чуть не теряю ее из вида. Продираюсь через толпу, чтобы мельком увидеть ее снова. Вот она, стоит у выхода. Замечаю настороженный взгляд, глубокий янтарный

оттенок ее глаз.

У нее тело танцовщицы: сильное, гибкое и атлетичное. Платье, которое на ней надето, показывает ее формы в скандальных вырезах: вырез горловины уходит вниз почти до середины туловища. Даже рукава отрезаны практически полностью, оставляя сильные, мускулистые руки обнаженными.

Резко вдыхаю, ее кожа покрыта чернилами. Это она. Я видела едва заметный проблеск ее в воспоминании Сорчи, но все остальное? как чистый лист. У нее та же форма, что и у женщины, силуэт которой я видела в лунном свете, когда была в пещере. Кто она? Когда перехожу к другому джентльмену, не могу удержаться. Не хочу отводить от нее глаз, от этих странных татуировок, которые, кажется, блестят на свету, потому что боюсь, если отведу взгляд, она исчезнет.

Отметки девушки не такие, как у Киарана, они не в виде шрамов и не вырезаны на коже. Ее такие же темные, как тень, ползут, словно змеиные завитки, прямо к кончикам пальцев. Что-то в ее отметках привлекает меня к ней. Без причины, без логики. Я просто знаю, мне нужно пойти к ней.

Ее глаза распахиваются и встречаются с моими. То, что вижу в них, поражает меня. Она боится. Я увидела ее, и она в ужасе от меня. Почему? Кто она?

Кружусь в другом повороте вальса, и когда поворачиваюсь обратно, вижу вспышку ее полночно черных волос, пока она быстро выходит из зала, как олень, торопящийся скрыться в лесу.

Найди ее. Быстро. Сейчас.

Начинаю направляться к выходу, пихая джентльмена вытянутыми руками. Но другой хватает меня за руку достаточно

сильно, чтобы остались синяки. Я так не думаю. Врезаю кулаком в его лицо и слышу удовлетворяющий треск, прежде чем его нос изрыгает кровь. Хорошо.

Доберись до двери. Вперед! Поторопись!

Срываюсь на бег, но другой джентльмен блокирует мой путь. Не останавливаюсь. Не замедляюсь. Выкидываю ногу и ударяю носком балетки прямо между его ног. Он отшатывается назад.

Мои руки схвачены двумя другими мужчинами. Я отталкиваю их, изо всех сил выпрямляясь, но они слишком сильные. Не могу двигаться. Их руки держат меня грубо.

Продираюсь мимо них, кусаюсь, пинаюсь. Мои крики остаются без внимания, когда они стараются удержать меня на месте. Это море чистых лиц в черных смокингах, марионетки в форме мужчин, они здесь, чтобы удерживать меня в плену, загнанной, пока не скажу да. Пока не дам свой ответ.

Отчаянно оглядываюсь в поисках выхода. Пытаюсь бороться против них. Мой кулак врезается в плоть, а мои дурацкие неэффективные балетки наносят столько повреждений, сколько могут, но их подошва недостаточно жесткая, чтобы причинить реальную боль. Я бью локтями. Разбиваю носы. Выворачиваю пальцы. А они все равно приходят и приходят, как будто им нет конца. Ничто не остановит их. Я буду раздавлена толпой, и откуда-то, клянусь, ощущаю на себе взгляд Морриган.

"Скажи да. Скажи да."

Нет. Я должна найти ту девушку. Должна выбраться отсюда.

Ногти впиваются в руки, врываясь в мою плоть, мужчины

смеются мелодичным, нечеловеческим смехом Морриган, и что-то взрывается во мне.

– Отойдите. Все. От. Меня!

Из меня вырывается взрыв силы, ком энергии, который превращает их в пепел. Это ощущается так, словно сила изгибает мои кости, горит в моей кровеносной системе. Это ослепляющий свет, вихрящийся потоком силы со скоростью шторма. Мне приходится закрыть глаза против этого натиска.

Когда я их открываю, вижу, что все джентльмены исчезли. Мое ревущее сердцебиение отдает в уши. Тишина такая густая, что мое быстрое, поверхностное дыхание – единственный звук в бальном зале.

Головная боль ударяет меня через виски, достаточно болезненная, чтобы оставить меня задыхающейся. Все мое тело так сильно трясет, что я с трудом остаюсь на ногах. Что-то влажное стекает на мои губы.

Прикасаюсь пальцами. Кровь.

"Ты умираешь. У тебя не так много времени. Найди девушку!"

В отчаянии я мотаю головой, чтобы прояснить ее, и спешу к двери, через которую она прошла.

Мое зрение пульсирует перед глазами. Врезаюсь в стену в коридоре и чуть не падаю с ног.

"Не падай. Ты не поднимешься обратно".

Перебежками следую по коридору на выход в задний сад.

Ночь.

Здесь ни единого звука (или, может, я не могу ничего услышать за ревом пульса и бам-бам-бам в ушах). Волна головокружения настигает меня так внезапно, что мне приходится резко зацепиться рукой за колонну здания, чтобы обрести равновесие.

Затем я слышу это. Низкий вдох, пойманный в крике. Знакомый звук, тот, который мне снился каждую ночь. Тот, который Лоннрах заставил меня вспомнить в зеркальной комнате.

Вот так мой кошмар начинается.

Мое сердцебиение тяжелеет, словно барабанный ритм. Медленно иду по тропинке между кустами роз, дрожа от зимнего ветра. Это все знакомо. Все точно то же самое, вплоть до количества шагов, что я делаю, шороха моих юбок, когда я прокладываю свой путь к задней части ограждения, которое отделяет от улицы.

Когда достигаю ворот, мой разум кричит на меня, чтобы я нашла девушку, которую видела. Сконцентрироваться. Сосредоточиться на чем-то еще. Это постоянный бит в голове: "Не смотри. Не смотри. Не смотри. Это не по-настоящему. Не смотри."

Но я вынуждена. Должна посмотреть.

Шагаю вперед и просовываюсь между живой изгородью.

И вот они: моя мама и Сорча. Сорча держит ее не нежно, не как любовницу, но так, как кошка, должно быть, держит мышку: жестокий захват, все ногти впиваются в кожу, губы на ее горле. Затем

Сорча откидывает голову назад, чтобы восстановить дыхание, ее клыки светятся кровью.

– Стой, – шепчу я, неспособная остановиться. – Стой, – отворяю садовые ворота. Я не напуганная девочка, которая прячется за стеной, так, чтобы монстр ее не видел. Я не та Айлиэн, которая не ввязывается в драку. Не та Айлиэн, которая наблюдала за смертью своей мамы.

– Сорча! – моя сила рычит во мне, готовая развязаться...

Сорча поднимает на меня взгляд. Только ее глаза не знакомого зеленого цвета, которые блестят ехидством. Нет, они странные, ярко-сапфировые глаза Морриган. Вижу вспышку этих невероятных радужек, тонкую, как острие ножа, улыбку прямо перед тем, как она вырывает сердце моей мамы.

Придушенный плач вырывается из моего горла прежде, чем я могу остановить его. Моя грудь напрягается, и я не могу получить достаточно воздуха. Все происходит снова, и это ощущается настоящим, и я здесь, и воздух холодный, и она ударилась о землю с отвратительным глухим стуком...

Затем оказываюсь на коленях рядом с моей мамой. Моя сила болезненно крутится внутри меня, когда я держу ее обездвиженное тело в своих руках, и ее кровь теплая, а глаза незримы.

Прямо, как в первый раз. Точно так же, как в первый раз.

Звуки медленного, тихого дыхания заставляют меня посмотреть вверх. Сорча.

Наблюдаю, как голубые радужки Морриган превращаются в зеленые, а затем Сорча оглядывается вокруг, пораженная.

– Какого...

Морриган вселилась в тело Сорчи и сделала это просто, чтобы наказать меня.

Она, должно быть, поймала достаточного проблесков моих воспоминаний в бальной комнате, чтобы воссоздать это: воспоминание, которое навсегда связало меня с Сорчей.

Воспоминание того, когда ее драгоценная птичка разбила мою жизнь.

Когда Сорча смотрит вниз на меня и мою мертвую маму у меня на руках, она замирает. И клянусь, я вижу что-то похожее на раскаяние в ее взгляде.

Затем мои руки становятся легче и легче. Когда я смотрю вниз, вижу, что мама исчезла... иллюзия Морриган прошла.

Это была угроза. Предупреждение. "Я убью всех, кого ты любишь, если ты не поможешь мне."

Остаюсь на коленях на улице из булыжников. Игнорирую тупую головную боль, что напоминает о надвигающейся смерти, и смотрю на фейри, которая забрала маму у меня. Которая использовала меня, манипулировала мной, украла у меня. И теперь я точно знаю, как ей удалось сбежать в первый раз.

"В конце мне пришлось позволить ей улететь. Я никогда не отойду от потери моей птички. Она была моей фавориткой."

– Ты принесла Морриган клятву, да? – спрашиваю я ровно.

Сорча отводит взгляд, и я получаю свой ответ. Мой смех грубый и сухой. – Что, никаких оправданий? Никаких забавных отговорок, пташка?

– Не смей называть меня так, – глаза Сорчи горят.

Поднимаюсь на ноги, осознавая, что снова в одежде для охоты. На мне пальто Киарана. Платье и балетки пропали, кровь исчезла с моих рук. Ничего из этого не было настоящим; она украла это из моих воспоминаний, из воспоминаний Сорчи.

– Почему нет? Это то, кто ты есть. Пойманная пташка Морриган, – Сорча так сильно ударяет меня по лицу, что покачиваюсь в сторону.

– Я сделала то, что должна была, – срывается она. – Чтобы выжить. Чтобы выбраться отсюда. Поэтому я произнесла клятву, что однажды приведу сюда кого-нибудь, кто сможет использовать Книгу. Ты просила. Ты хотела ее.

Возможность представилась сама, так что воспользовалась ею. Это были ее слова.

– А если она получит ее, что тогда? Она убьет всех нас.

Сорча издает резкий смешок, горький.

– Я не дура. Ты моя страховка. Почему, как ты думаешь, принесла тебе клятву? Пока она нуждается в моей крови, чтобы открыть ее, Книга моя. А я обещала ее тебе. У тебя наиболее веская причина удержать Книгу подальше от ее рук.

– И я та, кто в большей степени пострадает.

Ее руки сжимаются в кулаки по бокам.

– Айе. Признаю.

– Тогда это, должно быть, просто замечательно, когда Морриган воспроизводит твой самый лучший момент. Когда ты забрала мою маму у меня.

– У меня нет никакого желания отдавать свое тело, чтобы его использовали, как марионетку. Особенно ей.

Ладно, достаточно этого. Мне нужно найти ту девушку, и Киарана, и Эйтинне.

– Где Эйтинне?

– Я проснулась в пещере одна, – напряжено говорит Сорча. – И обнаружила себя здесь, когда попыталась ее покинуть.

Заталкиваю подальше свои эмоции. Не могу думать ясно, если чувствую так много, и Морриган будет пользоваться этим против меня. "Сосредоточься на первостепенной задаче. Та девушка".

– Здесь была девушка, которая вышла этим путем. Я видела ее в твоих воспоминаниях. Маленькая, покрытая чернильными отметками.

Клянусь, что-то промелькнуло во взгляде Сорчи. Смущение?

– Я не помню никакой девушки.

– Вот вы где, – слышу голос Эйтинне за собой. Поворачиваюсь,

чтобы увидеть, как она выходит из двери здания, облегчение читается на ее лице при виде нас. Она приостанавливается. – Рада видеть вас обоих. Даже тебя, – говорит она Сорче, – хотя я по-прежнему тебя ненавижу.

– О, слава Богу, – произносит Сорча. – На минуту я подумала, что ты на самом деле можешь обнять меня, – она звучит так же едко, как и всегда, но клянусь, выглядит такой же радостной от вида Эйтинне.

– Я все еще могу. Просто, чтобы помучить тебя.

– Эйтинне, – говорю. – Ты видела...

Девушка пробегает через улицу прямо позади Эйтинне, ее темные волосы светятся в городских огнях. Когда она видит, что я заметила ее, издает тихий вздох и бросается в бег.

Прежде чем я успеваю отправиться за ней, Лоннрах появляется из теней зданий и хватает ее.

Глава 37.

Я бегу вниз по улице с Эйтинне и Сорчей прямо позади меня.

Лоннрах пытается втянуть девушку через портал в двери другого здания, но она чертовски хорошо сопротивляется. Девушка ударяет ботинком по его колену, вырываясь из захвата, и срывается на бег.

Когда Лоннрах видит нас приближающихся, он ругается и устремляется за ней.

Эйтинне хватает меня за рукав.

– Что мы делаем? Кто это был?

– Я не знаю, – задыхается Сорча. – Но, если мой брат хочет её так сильно, нам нужно добраться до неё первыми.

Мы мчимся мимо ряда зданий с белыми колоннами на Джордж-стрит и срезаем путь, появляясь рядом с садами. Огни Старого города тёмные, город выглядит зловещим и затемненным, когда нам приходится резко затормозить перед мостом.

– Эйтинне, отправляйся этим путём, – жестом указываю на западную сторону улицы. – Сорча, бери Северный мост. Я буду следовать позади, и мы перехватим его на Хайт-стрит. Вперёд!

Мы срываемся каждый в своём направлении. Я следую за Лоннрахом мимо Вэверли-брайдж в извилистые, темные проходы между многоэтажками в древней части города. Здания здесь высокие, все они расположены достаточно близко и построены частично под землёй. Если я упущу из вида Лоннраха и девушку, у меня не получится найти их снова. Эта часть Эдинбурга построена слоями в тщательно продуманном лабиринте тоннелей, переулков и тупиков.

Пока следую за Лоннрахом по другой стороне улице, здания вокруг, кажется, становятся темнее, более тенистыми. Морриган строит город из моих воспоминаний. Она должна быть где-то здесь, помогая ему. Кто эта девушка? Она ещё одна фейри в поисках Книги?

Вижу её прямо впереди, длинные волосы развиваются позади неё, словно завеса. Она бросается в темный тупик и пытается воспользоваться преимуществом тусклого света и подобным лабиринтам улицам Старого Города. Лоннрах следует за ней.

Я следую позади, но здания начинают надвигаться, как будто бы они...

Двигаются. Они правда надвигаются.

Девушка оглядывается назад испуганным взглядом и прибавляет скорость. Она кружится и прижимается ладонью к стене, открывая дверь, которую я даже не заметила там.

Лоннрах прорывается через дверь и следует за ней. Когда достигаю двери, она срастается со стеной и исчезает. Как будто её и не было здесь с самого начала.

Проклятье!

Спешу к концу аллеи, но стены теперь находятся так узко, что мне приходится пробираться боком. В отчаянии вытягиваю ладонь и выпускаю вспышку силы. Она ударяет в здания и создаёт дыру для моего побега.

Выбегаю на улицу как раз вовремя, чтобы увидеть впереди Лоннраха и девушку. Продолжаю преследование, но они слишком быстры. Я потеряю их.

Сорча вылетает из-за угла и врезается в своего брата. Они падают на землю, колотя друг друга. Она врезает кулаком в его челюсть и ударяет его голову о бордюр. К тому времени, когда достигаю их, Сорча держит его в железном захвате, а девушка исчезает на другой улице.

– Её нет, – задыхаюсь я. – Чёрт побери.

– Кто она? – рычит Сорча на Лоннраха.

Его улыбка насмехающаяся.

– Ты не знаешь?

Она врезает ему по лицу, тяжёлый удар, от которого кровь разбрызгивается по тротуару. Когда он поворачивается обратно, его губа кровоточит.

– Говори, – она сверкает своими клыками. – Я должна была остаться, чтобы прикончить тебя на том поле. Я должна была сделать это давным-давно.

Лоннрах бросается на нее, но я оказываюсь первой. Хватаю его за руку и выворачиваю под болезненным углом. Он кричит и это так удовлетворяет меня. Он заслуживает это после всего того, что когда-либо сделал мне. Заслуживает большего. Он заслуживает того, чтобы его воспоминания опустошили, его надежду уничтожили. Он будет сломлен.

Боже, как мне хочется покончить с ним. Моя вторая рука так близко к мечу, все, что мне требуется, только вытащить его.

Затем слышу шаги позади себя. Когда оборачиваюсь, вижу Эйтинне, осматривающую Лоннраха, находящегося на коленях и истекающего кровью. Смертного.

Его убийство не моё дело. И так же не Сорчи.

– Он твой, – говорю я Эйтинне. Он сопротивляется в моём захвате, но я уверенно держу. – Вспомни, что я обещала тебе. Мы сделаем это вместе, но он твой.

– Сорча, – теперь Лоннрах звучит отчаянно. – Сорча. Я сожалею...

– Теперь ты сожалеешь? – Сорча смеётся, и её клыки блестят белым во тьме. Затем говорит мне: – Охотница, когда ты видела мои воспоминания, я не показала тебе, что просила Лоннраха помочь спасти нашу маму, но он отказался, потому что мы были Неблагими, – она издает рык, обнажая зубы. Когда она говорит снова, её голос холодный, тихий и гневный. – Что ты там сказал, братец?

Лоннрах сжимает губы вместе и трясёт головой. Сорча хватается за рубашку.

– Скажи это. Напомни мне.

Его шепот такой тихий, что едва слышу его. Вздрагиваю от того, что он говорит, от внезапного воспоминания того, каково было Сорче под контролем Стратега. Он её брат, бросил её.

– Верно, – говорит Сорча с улыбкой. – Как же хорошо я запомнила эти слова, – она проводит ногтем по его щеке. – Теперь позволь вернуть тебе ту же мысль: ты не моя проблема.

Затем она отступает назад и единожды кивает Эйтинне. Безмолвное послание: она не собирается делать ничего, чтобы остановить нас.

Лоннрах дергается у меня в руках, когда Эйтинне направляется вперёд, но я пихаю его на землю, крепко удерживая. Ему не сравниться с моей силой, не тогда, пока он смертный. Пришло время. Пришло время покончить с этим.

Дыхание Эйтинне дрожит, когда она пристально смотрит на него, но, когда она говорит, её голос силен.

– Если бы я была хоть наполовину такой же жестокой, как ты, я

бы заставила тебя испытать худшую боль. Убедилась бы, чтобы ты страдал так же долго, как заставлял страдать меня. Твоя смерть заняла бы у меня две тысячи лет.

Она достает меч из ножен и встаёт перед ним. Затем смотрит на меня, сигнализируя, чтобы отпустила его.

Я отпускаю, и он падает на колени. Когда он пытается убежать, я пихаю его назад своей силой. Снова. И снова. Пока он не начинает задыхаться от бессилия и страха, преклоняясь перед Эйтинне.

– Моя Королева, – шепчет он.

– Это я-то? – Эйтинне кладет кончик пальца под его подбородок и смотрит почти нежно. – После всего ты вновь заявляешь о верности мне?

– Да, – говорит он почти отчаянно. – Да.

– Тогда считай это моим последним действием, в качестве твоей Королевы. Я дам тебе лучшую смерть, чем ты заслуживаешь, – она вонзает меч ему в сердце.

Сорча и я даем Эйтинне несколько мгновений, чтобы собраться и забрать свой меч. Кладу руку ей на плечо.

– Ты в порядке?

– Нет. Но я буду, – она оглядывается на Сорчу. – Спасибо тебе.

Сорча смотрит вниз на тело брата с нечитаемым выражением.

– Я знаю, каково это хотеть отомстить человеку, который причинял мне боль, и ты проявила по отношению к нему сострадание. Это была более добрая смерть, чем я дала своему, – затем её глаза встречаются с моими, и она бормочет единственное слово, и я знаю, что оно для меня: "Другая".

Другая. Эйтинне другая. Она не такая, как Сорча... Не такая, как я. Я хотела заставить Лоннраха страдать за все то, что он сделал; хотела, чтобы его смерть была продолжительной. Но Эйтинне? Она была милосердной. Даже тогда, когда ей и не обязательно было быть такой.

И кого это делает из меня, когда фейри способна на большую человечность, чем я?

Отзвук слабых шажков отвлекает меня. Поднимаю взгляд и вижу татуированную девушку, мчащуюся из здания на улицу. Она ловит мой взгляд и без единого замешательства снова срывается с места.

– Поймай! – бегу за ней.

– Охотница!

Я не останавливаюсь. Должна поймать эту девушку. Что-то в ней призывает меня.

Проблеск её волос прямо передо мной. Мой темп убыстряется. Она попадает в затемненный ряд зданий, и я следую за ней. Догоняю ее, достаточно близко, чтобы слышать её дыхание, пока она бежит.

Она огибает здание, я за ней, снова зову её. Но как только поворачиваю, заканчиваю тем, что прохожу через другой портал.

Я в комнате. Комнате, полной зеркал.

Глава 38.

Поворачиваюсь, чтобы сбежать, но портал закрыт. Зеркала окружают меня. Нет пути наружу.

Я не здесь. Эйтинне только что убила Лоннраха. Не здесь.

Я кружусь и бегу вдоль длинной линии зеркал, ненавидя своё отражение.

Не смотри. Выбирайся отсюда. Ты должна выбраться отсюда.

Врезаюсь в зеркало с болезненной отдачей, но едва это замечаю. Мой пульс мчится, дыхание становится быстрым. Моё зрение размывается.

Это иллюзия. Бью по зеркалу кулаками. У меня теперь есть сила. Ударяю снова. Он мёртв. Я призываю силу Кайлих, пока она не становится крутящимся штормом, прорывающимся по моим венам, создающим ощущение истощения и абсолютного отчаяния. Выбрасываю всю эту энергию на зеркала.

Они не разбиваются. Они едва ли даже вздрагивают. Унизительный, жалкий плач вырывается из меня. Затем глубокое, содрогающееся рыдание. Бью еще раз. Затем снова, если придется.

Снова.

Снова.

Снова.

Кровь устремляется вниз по моему лицу из носа, глаз, ушей, но мне все равно. Моё зрение размывается, и звезды мерцают перед глазами, но я игнорирую это.

Не останавливайся. Тебе нельзя останавливаться.

Подаюсь вперёд, чтобы снова ударить по зеркалу своей силой. Это ничего не меняет. Мысли пролетают у меня в голове. Я слишком отчаялась, чтобы мыслить ясно.

– Ты все ещё можешь передумать.

Замираю от звука голоса Лоннраха. В животе завязывается узел ужаса. Кровь ревет в ушах, и я зажимаю глаза.

– Ты не настоящий. Ты воспоминание. Эйтинне только что убила тебя, и ты мёртв.

– Повернись, Айлиэн Кэмерон.

Не поворачиваюсь. Не могу. Я не могу смотреть на него, не в этой комнате.

– Повернись, – его голос резкий, командующий.

Не показывай своего страха.

Поднимаю подбородок и поворачиваюсь. Лицо Лоннраха пристально смотрит на меня, но вместо штормовых серых радужек, его глаза блестят двумя бассейнами жидкого сапфира. Глаза Морриган.

– Мне бы хотелось побыть с тобой наедине, – говорит она, уставившись на руки Лоннраха. – Я увидела эту комнату в его воспоминаниях, что он делал с тобой здесь. Лоннрах был таким умным мальчиком, но слишком высокомерным. Слишком требовательным, – её губы изгибаются в отвращение. – Он даже не пел.

– Поэтому ты позволила нам убить его.

Она моргает.

– Конечно же. Я отдала его тебе в качестве подарка. Разве тебе не понравилось?

Я сжимаю челюсть.

– Мой ответ все ещё – нет.

– Правда? – её глаза становятся холодными. Не дожидаясь моего ответа, она говорит: – Ну, это в любом случае довольно полезно. Это место, это тело. Раз уж твои силы укрывают твои мысли от меня, его возможности помогут мне, рассказав все, что мне нужно знать.

"Мне просто нужно воспользоваться твоей кровью, чтобы увидеть".

Дергаюсь назад. Знаю, что она намеревается сделать с ним. С его телом.

– Нет.

Снова призываю силу. Она вращается внутри моей оболочки. Жаром проносится по моим костям, венам...

Жарко. Слишком жарко. Зрение расплывается. Кровь прорывается через рот и разбрызгивается на покрытый лозой пол.

Я слишком слаба, чтобы удерживать себя, поэтому падаю.

Вставай. Вставай!

Глухой стук ботинок по плющу привлекает мое внимание. Морриган склоняется надо мной, выражение ее лица спокойное. То, как я представляю, выглядит Смерть, прежде чем забрать вашу душу.

– Сила моей сестры разрывает тебя на части. Найди Книгу, отдай ее мне, и я воспользуюсь ею, чтобы спасти тебя.

– Я уже ответила тебе, – мой голос слаб.

Морриган встаёт на колени рядом со мной.

– Ты глупая девчонка, Айлиэн Кэмерон. Когда я заберу у тебя Книгу, я пленю тебя. Прямо, как мою пташку.

Она обнажает свои клыки и сжимает руку.

Отбивайся.

Мой разум кричит на меня, но моё тело не может двигаться. Оно больше не может бороться.

Закрываю глаза, когда она кусает.

Это не то же самое, что с Лоннрахом. Морриган не скользит легко в моё сознание. Она врывается в мой разум, словно приливная волна обрушивается на скалу: быстро, мощно и разрушительно.

Она прорывается через воспоминания Киарана и меня. Просматривает нашу охоту, смотрит, как мы бежим по тёмным улицам под звёздами. Она наблюдает за нашим поединком, как будто мы танцуем. Смотрит, как он спасает меня, как он шепчет у моих губ, не прекращающее "я – твой".

Она поднимает глубинные, темные секреты моего сердца. Моё желание жить вечно, если бы я могла... С ним. О том, как мы дорожим нашими минутами, часами, потому что это все время, что у нас есть.

Потому что он – это все, что важно.

Потому что он – все.

Затем Морриган убирает зубы с моего запястья. Когда она смотрит на меня, её улыбка удовлетворенная. Победная улыбка. Когда она начинает говорить, я начинаю дрожать от страха.

– Вот так, Айлиэн Кэмерон, я получу своё «да», – её смех прокатывается через меня, как холодная тень. – Ты ни разу не

говорила ему, да? Ни разу не сказала этих слов.

Слова. Три простых слова, что изменили бы все.

Я люблю тебя.

Я не могу произнести их, когда знаю, что у него и у меня не может быть будущего вместе. Потому что, даже если умудрюсь пережить все это, он будет наблюдать, как я взрослею, старюсь, наблюдать, как я умираю. Вот наша судьба.

Предпочту, чтобы Киаран думал обо мне лишь один день из сотни (двух сотен, трех, четырех, пяти...) с этого момента, таким же тоскующим способом, как он думает о Катрионе, его Охотнице, и я буду вспоминаться, как "грустная улыбка"; "Поцелуй любовницы"; "А что если"; "А могло бы быть..."

Это сделает воспоминание обо мне менее болезненным, чтобы вынести, чем если бы он услышал эти три слова на губах умирающей девушки.

"Ты была его бабочкой."

Как будто читая мои мысли, выражение лица Морриган становится суровей.

– Так много эмоций. Если бы у тебя и у него не было бы совсем никаких чувств, это бы не было так просто.

Она практически выглядит сама собой, почти могу видеть ее очертания сквозь лицо Лоннраха, красивые черты, которые выглядят такими похожими на черты молодой Кайлих.

– Знаешь, он отдал бы все, – она постукивает по своему виску. – Я видела это в его голове. Он отдал бы свою бессмертность, чтобы стать просто очередным жалким человеком. Ради тебя.

Её суровый голос – лёд у меня в венах.

– Скажи да.

Я закрываю глаза.

– Нет, – шепчу.

Когда я открываю глаза, она стоит в десяти футах вдали, её выражение холодное и недоступное пониманию.

– Наше время истекает, и я собираюсь получить своё да, девочка, – Морриган улыбается своей медленной, победной улыбкой. – Одно слово. Это все, что требуется, – она исчезает, словно дым.

Остаюсь одна в комнате из моих кошмаров. И начинаю верить, что мне никогда не удастся выбраться.

Это так просто. Просто бояться и верить, что я все ещё под контролем Лоннраха. Когда смотрю вниз на кровоточащую отметку, которую оставила Морриган, мне приходится напоминать себе, что это не его. Что я не там.

Это пальто Киарана, – говорю я себе.

Помнишь? Ты разорвала своё после того, как Морриган появилась в виде Водяного Духа, и использовала его, чтобы перевязать раны. Те, помнишь? Почувствуй на спине. Это отметки от её когтей. Они настоящие. Ты настоящая. С тобой все в порядке. Ты

настоящая и ты жива и это пальто Киарана.

Снимаю пальто с плеч и прижимаю к лицу, закрывая глаза.

Оно пахнет им. Даже со всей моей кровью, оно пахнет им. Как ветер, дождь и море, чем-то диким и необузданным. Как соль в воздухе. Как бег сквозь лес, ветер, раздувающий мои волосы.

Затем слышу звук с другого конца комнаты, и, когда поднимаю глаза, вижу его.

Глава 39.

Мой первый инстинкт – подойти к нему, но что-то останавливает меня.

Киаран не выглядит прежним.

Тени сгущаются вокруг него более тесно, чем следует. Длинные щупальца тьмы поднимаются с пола и оборачиваются, как лозы, вокруг его ног. Его кожа кажется бледнее. Даже с его связанными силами, он кажется светящимся изнутри, сияющим. Прекрасным. Пока не смотрю на его руки.

Они покрыты кровью.

Мой взгляд встречает его, и моя грудь напрягается от ужаса. Его радужки – глубокие колодца чёрного... Ни единого намека на лиловый в них. Они останавливаются на мне и вспыхивают голодом.

"Ты Киаран или Кадамах?"

Он мотает головой, как будто пытается прояснить её, и чернила в его глазах начинают отступать, пока не я делаю шаг вперёд.

– Держись подальше, – его голос резкий.

Поднимаю руки вверх.

– Ты в порядке?

– Нет. Ты снова поранилась, – слышу его тихий вдох. Он может учуять мою кровь. Сомневаюсь, что даже костёр мог бы сейчас спрятать мой запах от него.

– Морриган, – говорю, как будто это все объясняет. Смотрю на его промокшие кровью руки снова. – Твоя?

Пальцы Киарана сжимаются в кулаки.

– Я не знаю.

Он оглядывается вокруг и ловит своё отражение в одном из зеркал. Затем зажмуривает свои потемневшие глаза. Ему становится хуже, он балансирует на краю.

– Не знаю, – говорит мне снова. – Она заставила меня убить тебя. Я думал, что убил тебя. Больше не знаю, что реально.

Я тяжело сглатываю. Морриган мучает его, разбивая его контроль кусочек за кусочком. Когда он снова поднимает взгляд на меня, его глаза такие же чёрные, как беззвездное небо.

– Откуда мне знать, что ты настоящая? – Киаран направляется ко мне, ботинки барабанят по полу. – Откуда мне знать, что ты – не она?

О Боже. Тени оборачиваются вокруг него густой дорожкой у ног. У него быстрая поступь хищника. Быстро, слишком быстро. Мне некуда уйти. Некуда бежать.

Я пячусь назад, пока не упруюсь в зеркало, а он все ещё идёт на меня.

– Маккей.

Киаран останавливается в дюймах от меня. Его эбеновые глаза впиваются в меня. Затем белизна клыков проглядывает между его губ. Он наклоняет голову, лёгкая морщинка появляется на лице.

– Маккей, – шепчу снова.

Затем, что-то блестит в его взгляде. Он узнает меня? Или он слишком далеко ушел?

"Его голод всегда побеждает. Всегда"

Нет. Этого не может произойти. Я могу вернуть его назад. Должна вернуть его назад.

Бормочу его имя снова, медленно вытягивая руку. Мои липкие, покрытые кровью пальцы встречают его. Он резко вдыхает, и на мгновение я задаюсь вопросом, не совершила ли я ошибку, дотронувшись до него.

Но затем, с тем немногим оставшимся в нем контроле, он шепчет:

– Откуда мне знать, что ты настоящая?

– Хочешь, чтобы я позадавала тебе раздражающие вопросы? Или мне следует рассказать тебе другую глупую историю? – сглатываю назад дрожь в своём голосе. – Потому что я могу сделать это.

Улыбка Киарана небольшая. Но видеть ее, словно выиграть войну.

– Не имеет значения.

Провожу кончиками пальцев по его щеке и рассказываю ему то, что никогда не забуду.

– Десять месяцев спустя знакомства короля с девочкой, они попали в ранний утренний ливень на окраине Старого города. Была середина осени и погода теплее, чем обычно. Они срезали дорогу к городу через луг, где лужи были такие глубокие, что вода доходила до лодыжек, – я скольжу рукой вниз, на его ключицу, ниже, пока не оказываюсь прямо у его сердца. – Девочка была настолько окрыленной их охотой, что думала, что взорвётся от радости. Она скинула свои ботинки и побежала по траве. Кружилась под дождем. Она практически попросила короля потанцевать. Но когда оглянулась на него, он наблюдал за ней с наиболее странным взглядом на лице, – наклоняюсь вперёд и прижимаюсь губами к его. Нежный поцелуй. Лёгкий. Осторожный. – В дальнейшем, она часто лежала в кровати ночами, пытаясь разгадать тот взгляд, но никогда не была удовлетворена ответом. Ей всегда было любопытно, о чем же он думал.

– О том же, о чем думаю сейчас, – Киаран открывает свои абсидианово-черные глаза. – Я люблю тебя.

Затем он целует меня, его рот жёсткий напротив моего.

Требующий. Суровый. Его поцелуй – это тьма, и любовь, и горе, и радость, и тысяча различных противоречивых вещей, потому что он борется с собой, а я все, что осталось, чтобы удержать его. Его пальцы оставляют следы огня вниз по моей талии, бедрам.

– Я люблю тебя, – Киаран задыхается у моих губ, прижимая меня ближе. – Я люблю тебя.

Его пальцы тянут меня за одежду, теперь нетерпеливо. Он снова шепчет, что любит меня, практически отчаянная мантра. Скидывает мое пальто с плеч. Его пальцы проходят по изгибу спины и скользят прямо к животу. Он боготворит меня маленькими касаниями, словно ему все мало, словно я единственное, что может спасти его.

Он целует меня так сильно, что его клыки прокусывают мою нижнюю губу.

Дергаюсь назад с резким вздохом. Когда я поднимаю взгляд на Киарана, он пялится на мой рот, туда, где кровь стекает на подбородок. И его глаза темные и хищные.

Киаран не способен помочь мне в таком состоянии. Ещё один толчок от Морриган, и разговоры не вернут его обратно. Я должна предложить ему единственное, что знаю, в чем он нуждается: достаточно моей энергии, чтобы поддержать его, пока мы не найдём Книгу. Достаточно, чтобы утолить его голод и вернуть ему некий контроль.

"Если я пойду с тобой и стану кем-то, кого ты не узнаешь, не позволяй мне ранить тебя. Оставь меня позади, если придётся. Обещай мне"

Я солгала. Знала, что дойдёт до этого. Я не сдержу своего обещания.

Хватаюсь за ворот моей рубашки, чтобы обнажить шею.

– Я не хочу терять тебя.

Глаза Киарана неизмеримо глубоки. Такие же глубокие, как океан, такие же глубокие, как темнейшие части космоса. Его рука скользит, чтобы обхватить сзади мою шею, когда он притягивает меня вперёд. Когда он снова смотрит на меня, его взгляд с последней крупницей контроля. Бессловесный способ спросить меня "Ты уверена?"

– Уверена, – шепчу.

Его губы оказываются на моей шее, едва целуя, прежде чем он кусает меня.

Укус Киарана ощущается не так, как у Лоннраха. Он не жестокий. Не яростный. Он держит меня так же, как и когда целует. Когда мы были в постели, и он прижимался поближе ко мне.

Киаран опускает меня на пол и вытягивается своим телом поверх моего. Яд от его укуса взрывается во мне, и моё тело узнает эту боль. Оно узнает, что это, и я даю слабинку в его захвате.

Зажмуриваю глаза.

Это не Лоннрах. Это Киаран и ты в порядке. Ты в порядке. Ты в порядке. Ты в...

Его контроль разлетается на кусочки, и он кусает сильнее. Сжимаю губы вместе, чтобы не издать ни звука. Мои силы режут внутри меня. Пытаюсь сдерживать их. Но у меня начинает кружиться

голова. Зрение расплывается.

– Маккей, – шепчу. – Тебе нужно сейчас остановиться.

Он вытягивает из меня ещё больше энергии, и мне приходится прикусить язык, чтобы не закричать.

– Маккей, – стараюсь держать голос ровным. Стараюсь произносить его имя, чтобы вернуть его назад. Это не срабатывает.

Моя энергия покидает меня быстрее, чем я могу вынести. У меня больше не получается шептать слова, ни его имя, ни чего бы то ни было. Киаран убивает меня. И если он это сделает, он нарушит свою клятву Катрионе. Он умрёт со мной.

Я в достаточном отчаянии, чтобы воспользоваться своими силами, но слишком поздно. Слишком слабая, чтобы призвать их, чтобы сделать что-нибудь. Не могу даже двинуться. Его имя – дыхание на моих губах. Но он не слышит меня. Не слушает. Он так далеко зашёл, что нет способа дотянуться до него.

В другом конце комнаты вижу девушку в зеркалах, ту, что с татуировками. Она стоит там, будто не уверенная, что делать. Её глаза встречаются мои. Я в достаточном отчаянии, чтобы прошептать одними губами одно слово ей: "Помоги."

Эти тёмные угольные глаза активизируются, и, клянусь, я чувствую, как она соединяется с моим разумом. Пробное прикосновение, практически заботливое... А затем голос шепчет среди моих мыслей лёгким ветерком: «Хотелось бы мне знать раньше, что ты не такая, как другие, которые приходили прежде. Твои воспоминания показали безопасное место. Надеюсь, ты найдёшь нечто подобное снова».

Затем она прижимается ладонью к зеркалу и исчезает. На стене открывается портал, и я вижу костёр в лагере Эйтинне, моих друзей вокруг него. Деррик сидит на плече Гевина.

– Деррик, – выдыхаю. Для этого требуются все мои усилия, чтобы просто произнести это. – Деррик.

Он поднимает взгляд, как будто бы слышит меня.

– Айлиэн?

Другие не замечают, когда он пролетает мимо костра, ближе к краю портала. Он, должно быть, видит его, как только пролетает деревья, потому что его глаза расширяются.

– Айлиэн? – неверие, как будто бы он не понимает, что видит.

Проектирую мысль, потому что это все, на что способна: "Ты мне нужен"

– Чёрт побери, – Деррик мчится мимо деревьев и через портал прямо перед тем, как тот закрылся. Он внезапно останавливается, когда понимает, что происходит. Мы на полу. Киаран у моей шеи. Мои руки хватают рубашку Киарана, как будто это могло бы заставить его остановиться. Но это не может.

"Помоги".

Деррик выдергивает ужасно крошечное лезвие из ножен.

– Убирайся к черту от нее, ты, мерзкий... – он прорывается вперед и скользит лезвием по спине. Киаран поднимает голову со злобным рыком, полным острых, как лезвие, зубов. Когда его глаза

встречают мои, они как смоль. Нет ни единой частички Киарана в этом взгляде.

Затем я с ужасом, наблюдаю, как его радужки освещаются до яркого, чистого сапфирово-голубого.

Я замираю. Морриган. Она воспользовалась отсутствием его контроля, чтобы захватить его тело.

"Я заставлю тебя сказать да."

У меня есть только мгновение. Собираю силы и откидываю Киарана через комнату. Пытаюсь встать. Деррик рядом со мной, тяжело дышит.

– Что он делал? Что, чёрт побери, происходит?

– Не. Он, – едва могу формировать слова. Из-за сил и энергии, что забрал Киаран, я выжата. Мой нос и шея кровоточат. Моя кожа чувствуется липкой, горячей и влажной.

Деррик смотрит на меня с опасением.

– О Боже, – говорит он. – Айлиэн.

Волна головокружения проходит через меня, и мне приходится на мгновение облокотиться на зеркало, пока моё зрение не прояснится. Наблюдаю, как Киаран поднимается на ноги, и страх связывается в узел внутри меня.

– Маккей, тебе нужно бороться с ней. Я знаю, ты можешь.

– Хочешь, чтобы я остановилась? – Голос Морриган переплетается с его. – Скажи да.

– Нет, – рычу.

– Тогда я пожертвую своей первой пешкой.

Киаран достигает меня в бегущем рывке, и я уклоняюсь как раз вовремя. Вращаюсь, чтобы быть лицом к нему, вынимая лезвие из ножен.

– Проклятие, Маккей, не заставляй меня делать это.

Деррик приземляется на моё плечо.

– Ты выжила из ума? Ты не можешь сражаться с ним. Ты едва стоишь.

У меня нет времени отвечать. Киаран снова приближается ко мне, его меч размахивается по дуге. Моё лезвие обрушивается на его с тяжёлым звоном металла против металла. Сила этого посылает болезненную волну, проходящую через моё тело, что приводит меня на колени.

Вставай!

– Маккей, борись с ней.

Сапфирово–голубые глаза сверкают, когда он делает выпад на меня. Он атакует меня своим мечом, каждое движение невероятно быстрое. Боже, он быстрый. Его движения плавные, элегантные. Словно танцовщик с мечом, все грациозные взмахи, удары, блокировки. Его лезвие поёт. Это песня разрушения.

Он отправляет меня обратно к зеркалам. Если я закончу у одного из них, мне конец. Морриган пытается заставить меня убить его.

"Я не жертвую своими пешками, пока не уверена, что выиграю"

– Ты проигрываешь, – шипит Деррик мне в ухо. – Если ты будешь хоть немного медленнее, тебе отрубят конечность.

– Ты не помогаешь.

Деррик говорит еще до того, как Киаран двигается:

– Уходи влево!

Впервые, я слушаюсь его... Прямо перед тем, как Киаран взмахивает мечом. Наши лезвия царапают друг друга, и я ухожу с пути.

– Продолжай направлять меня, – говорю я Деррику.

Деррик сидит у меня на плече, рассказывая, каким будет следующий удар Киарана ещё до того, как тот его наносит. Пикси может чувствовать движения, как его тело группируется перед атакой. Вскоре оттесняю Киарана назад, но мои движения замедляются, становятся неуклюжими.

– Киаран, остановись!

– Нападай! – орёт Деррик.

Ныряю, чтобы столкнуться своим мечом с мечом Киарана, но в

последний момент, он бьёт кулаком мне в лицо. Меня крутит, и я жёстко падаю на пол, борясь с тем, чтобы не отрубиться.

– Вставай, – говорит мне Деррик. – Вставай, чёрт побери, Айлиэн.

"Слушай его. Двигайся!"

Шаги. Тяжёлые ботинки по полу. Голос Морриган за голосом Киарана звучит победно. "Я выиграю".

– Следует ли мне пожертвовать своей пешкой? Или ты скажешь да?

– Нет, – выдыхаю. – Нет.

– Держись подальше от неё, – рычит Деррик.

"Следует ли мне пожертвовать своей пешкой?" – вижу блеск в глазах Морриган, когда она смотрит на пикси. Деррик летит к Киарану, меч вытянут и готов атаковать.

Киаран не пешка.

– Деррик, – кричу. – Подожди!

Киаран хватает Деррика в воздухе и сжимает кулак с тошнотворным хрустом. Затем он бросает пикси на пол.

Я не помню, чтобы говорила что-то. Не помню криков. Не помню, встала ли на ноги или поползла к разбитому телу Деррика, лежащему рядом с его оторванными, искалеченными крыльями.

Все что помню, как подобрала его сломанное, бескрылое тело в руку, и произнесла его имя. Деррик.

Он шевелится.

– Не плачь, – шепчет Деррик, его голос слабеет. – Мне не нравится видеть, как ты плачешь. Ты моя любимица, – он больше не двигается.

– Деррик? Деррик!

Я произношу его имя снова и снова, и снова. Он не мёртв. Он проснется в любой момент с глупой шуткой о том, как одурачил меня и затем начнёт заплетать мне волосы. Сошьет мне новое пальто. Будет угрожать сшить мне очередное платье. Потому что Деррик бессмертный и фейри не умирают. Они живут вечно.

Деррик не мёртв. Он не мертв, он не может...

Его глаза не открываются. Его крылья не излечиваются. Его кровь стекает с моих пальцев.

Откидываю назад голову и кричу. Сила вырывается из меня, дикая, яростная и жестокая. Каждое зеркало в комнате разбивается. Стекла падают на пол вокруг меня.

После этого в комнате становится тихо. Единственный звук – это моё дыхание, хриплое и болезненное. Прижимаю маленькое тело Деррика к груди и, наконец, замечаю, что вкус его силы пропал.

Он ушел и не вернётся назад. Он не вернётся назад.

– Кэм, – задыхающийся шепот с другой стороны комнаты заставляет меня замереть.

Открываю глаза. Киаран стоит там, его глаза вернулись к нормальному цвету. Он смотрит на неподвижное тело Деррика.

Но я ничего не чувствую. Просто пуста. Тело Деррика теряет своё тепло и мне нужно... Мне нужно... Я не знаю. Не знаю, что делать.

– Кэм, – снова произносит Киаран.

С трудом поднимаюсь на ноги и собираю остатки своей силы. Физическая боль от этого очищает меня. На единственный прекрасный момент она смывает с меня горе, отчаяние. Все. Боль – это лекарство. Чувствую её в своей груди, в моих венах, в костях. В разбитых осколках зеркал, вижу, что мои волосы подняты, как будто ветер подобрал их. Мои глаза горят странным янтарным жаром чего-то не совсем человеческого, не совсем фейрийского.

Из воспоминаний доносится мрачный голос Деррика: "Пугающие глаза".

Я вытягиваю руку, и свет мелькает между кончиками пальцев. Собираю энергию внутри меня, пока моё тело не чувствует, что разрушится, как только соберет все. Держи. Держи. Я выдержу, потому что должна. Потому что не намерена оставлять его тело в этой комнате. Не собираюсь оставлять Деррика, так же, как и он не оставлял меня.

Иду вдоль зеркал, пока не нахожу маленький след от портала, который девушка открывала в лагерь Эйтинне. Он едва больше тонкого осколка, но этого достаточно, чтобы им воспользоваться. Достаточно для меня, чтобы выбраться отсюда.

Я отпускаю всю энергию и распахиваю огромную, зияющую дыру в наружный мир. Пробираюсь сквозь нее.

Когда тьма смыкается, я падаю на землю и притягиваю тело Деррика к себе. Держу его рядом с собой, там, где он всегда и был. К чему он принадлежит.

Его голос — последнее, что вспоминаю, прежде чем все становится чёрным.

"Я пожелал тебя. Я провёл два с половиной месяца, желая твоего возвращения. Чтобы увидеть один последний раз".

Перед чем?

Я до сих пор не знаю.

Глава 40.

Я просыпаюсь в тёплой постели с колющим ощущением грубого шерстяного одеяла поверх моего тела. Когда пытаюсь двинуться, боль ощущается такой агонизирующей, как будто моя кожа в огне. Чувствительная к прикосновениям, с лихорадкой и мокрая от пота. Что случилось?

Картинки проносятся в моём мозгу. Киаран, кусающий меня. Девушка с татуировками. Яркие голубые глаза Морриган, смотрящие на меня с лица Киарана. Деррик...

Деррик мёртв. Деррик мёртв. Деррик мёртв.

Внезапно горячие слезы увлажняют мои щеки. Шорох слева заставляет меня открыть глаза. Кэтрин склоняется надо мной, её

длинный локон падает на мою руку.

Она плачет. Её глаза красные и влажные.

– Привет, – говорит она хриплым голосом.

– Где я? – сиплю я. Моё горло болит.

Разве это важно? Деррик мёртв.

Я отталкиваю мысль прочь и пытаюсь поднять голову, но боль слишком сильная. Все, что я могу увидеть – каменная кладка домика. Соломенная крыша. Открытое окно с противоположной стороны показывает безжизненные ветки деревьев снаружи. Они стонут, как будто дерево сгнило, опустело и готово упасть.

Над всем этим – небо, потерявшее своё сияние. Даже в пасмурные дни небо имело серебряное свечение, смешанное с оттенками чёрного и синего, чтобы размыть монотонность. Теперь оно унылого бледно-серого цвета мёртвой плоти. Как будто земля цепляется за свой последний вдох. Словно она борется, чтобы оставаться в живых и терпит неудачу. Прямо, как я.

Кэтрин отводит взгляд.

– Ты снова в лагере. Ты в безопасности. Так же, как и другие.

Не все. Деррик мёртв.

Я сопротивляюсь слезам.

– Как я здесь оказалась?

Кэтрин глубоко вдыхает.

– Мы слышали шум, словно гром. Поначалу я подумала, что, возможно, ещё больше земли откололось, но это была ты. Ты создала раскол между мирами. Ты и другие вышли, из тебя отовсюду текла кровь, и ты рухнула на землю, – она сглатывает. – Деррик... Он не пережил этого.

Деррик мёртв.

Зажмуриваю глаза.

Даже фейри умирают.

– Я не должна оплакивать его, – говорю ей. – Он должен был пережить меня. Он должен был жить вечно.

– Я знаю, – произносит она.

– Это моя вина, – мне никогда не следовало звать его на помощь.

Взгляд Кэтрин становится резким.

– Он умер, делая то, что всегда делал.

– Что я попросила его сделать.

– Ох, Айлиэн, – она вздыхает и берет мою руку. – Он хотел спасти того, кого любил больше всего.

Тянусь вверх и прикасаюсь к плечу, ощущая отсутствие его крошечного тельца там, словно физическую боль. Хотелось бы мне иметь возможность погладить его крылышки в последний раз.

– Он пожертвовал собой ради кого-то, кто все равно умрёт.

– Не будь дурочкой, – нежно говорит Кэтрин, – он пожертвовал собой ради тебя, поэтому ты должна жить.

Деррик, вероятно, был единственным созданием на этой умирающей, богом забытой земле, который все ещё верил, что желания имеют силу. Он, может, и потерял свой город и свою семью, но это не сделало его озлобленным. Это не изменило факта, что в нем все ещё было хорошее. Он был тем, кто научил меня, что не все фейри злые.

Мне никогда не представится возможности поблагодарить его за все те пальто, что я изорвала, брюки, что уничтожила. За все эти глупые платья, которые он сшил, с их оборками, кружевами и лентами, которые я носила не потому, что мне есть хоть какое-то дело до них, а потому что он получал удовольствие, создавая их. Никогда не услышу, как он поёт похабные песенки в моём шкафу.

Он спасал меня так много раз, а я теперь никогда–никогда не смогу отплатить ему за это. Никогда не поглажу его по крыльям или не услышу его тупые шуточки. Он никогда больше не сядет мне на плечо.

Оно пусто. Я пуста.

– Кэтрин, – мой голос ломается. – Я так по нему скучаю.

Затем её руки оказываются вокруг меня в крепком объятии, а я всхлипываю у неё на плече. Мои слёзы горячие и мокрые, а тело

трясётся.

– Мы же все умрем, да? – шепчу я. – Что у нас есть, что стоит спасения?

Что у нас осталось? Мир, полный монстров, от которых мы прячемся. Бесконечная война. Больше нигде не безопасно. Когда будем отправляться на сражения, люди, которых мы любим, будут волноваться, что мы больше не вернемся.

Это наша правда. То, что осталось: бесцветное место, которое начало расползаться по швам; жизнь, где мы задаемся вопросами о том, как мы умрем, и кто будет следующим.

Что осталось?

– Мы, – говорит она мне. – У нас есть мы, и когда найдём Книгу, вернем все, как оно было. Мы можем покончить с этим. Можем вернуть их всех назад.

– Я не думаю, что мы можем вернуть Деррика назад, – шепчу я. Когда феири умирают, здесь нет места второму шансу. Нет пути назад. Их души не такие, как наши.

– Может быть, Книга может, – говорит она, но не думаю, что она верит в это. Я также не верю в это.

Кэтрин и я остаёмся в таком положении некоторое время. Тихие, потерянные в своих собственных мыслях. Боль от потери Деррика такая мощная. Я потеряла часть себя, и у меня нет времени примириться с этим. У меня нет времени оплакать его. Мне нужно спасти свой сломанный мир и восстановить все это.

Я верну назад Кэтрин и всем остальным их жизни. Все, что украдено фейри.

И заставлю Морриган заплатить за Деррика. Она пожалеет, что забрала его у меня.

– Мне нужно отправляться назад, – скидываю одеяло с ног.

Кэтрин хватает мою руку.

– Сначала отдых.

Моё время истекает.

– Не могу. Не до тех пор, пока не убью Морриган и не воспользуюсь Книгой.

– Айлиэн, – говорит Кэтрин твёрдо. Когда она ведёт себя так, становится трудно спорить. Кэтрин точно такая же упертая, как я, – ты не в том состоянии, чтобы возвращаться на битву, а если ты отправишься...

Она резко отводит взгляд.

– Что?

– Если ты отправишься, – шепчет она, – боюсь, что не увижу тебя перед концом.

– Я не позволю этому случиться.

"Скажи мне, что веришь мне".

Кэтрин озвучила мои собственные сомнения, мой страх, что я не способна противостоять Морриган.

"Мне нужно знать, что ты веришь в меня".

Но я не могу просто лежать в постели. Не тогда, когда у нас остаётся, не так много времени.

Она со вздохом смотрит в сторону.

– Ладно. Тогда мне следует показать тебе что-то. Если не хочешь слушать меня об отдыхе, тогда тебе нужно увидеть это перед уходом.

Когда поднимаюсь на ноги, боль такая интенсивная, что практически падаю. Никогда не ощущала себя такой слабой. Даже когда Лоннрах крал мою кровь и воспоминания. Даже когда Кэтрин пришлось выхаживать меня после атаки Огоньков, и мне пришлось пролежать в постели несколько дней. Даже тогда я не чувствовала себя такой ослабевшей.

Это не тот же вид боли. Это глубокая боль моих последних вдохов. Боль знания, что у меня заканчивается время. Когда я чуть было не падаю снова, Кэтрин ловит меня и скользит рукой вокруг моей талии, чтобы поддержать. Тяжело опираюсь на неё, краснея от смущения, насколько я слаба.

– Держу тебя, – говорит Кэтрин. – Держу тебя.

Мы медленно выходим из коттеджа. Закрываю глаза от света, появившегося из-за двери. Головная боль стучит в висках, и Кэтрин терпеливо ждёт, пока я двинусь вперёд. Когда снова открываю глаза,

вижу Гэвина и Дэниэла, сидящих рядом с костром и не сводящих глаз с Сорчи, которая выглядит необычно безучастной. Киаран и Эйтинне, должно быть, отправились куда-то... А Деррик...

Деррик мёртв.

Вспоминаю это чувство, и как сильно это ранит. После того, как моя мама умерла, я просыпалась и шла в гостиную, все ещё ожидая найти её, сидящей на диванчике с чашкой утреннего чая в руке. Она обычно поднимала взгляд с нежной улыбкой и говорила одно, и то же: "Доброе утро, дорогая. Чем нам сегодня следует заняться?"

Но её там не было. Не было ни улыбки, ожидающей меня, ни приветственных слов. Только холодный, пустой диван в холодной, пустой комнате. Каждый день был напоминанием о том, что её не стало.

Прямо как это. Прямо как сейчас.

Деррик мёртв.

Глаза Кэтрин наполняются слезами, словно она прочитала мои мысли. Она ведёт меня через лагерь, прямо к тропинке через лес, пока мы не достигаем внешних границ леса. Едва замечаю, как много времени это занимает.

Наконец, она удерживает меня за локоть и говорит:

– Смотри.

Открываю глаза, и все моё тело немеет от шока.

Когда отправлялась на поиски Книги, здесь был такой густой

лес, что свет едва достигал земли. Деревья устремлялись к небу так высоко, что едва можно было видеть звезды. Я вспоминаю отсутствие их цвета, то, как лес выглядел, словно его изрисовали исчезающими чернилами, вместо настоящих цветов леса.

Теперь его нет. Всего этого нет. Здесь ничего не осталось.

Глава 41.

Кэтрин провожает меня через последний ряд деревьев, и то, что я вижу там, посылает сквозь меня очередную волну ужаса. Лес отломился и провалился в огромнейшую расщелину, как та, что была в Sìth-bhrùth. Она уходит так глубоко, что я не могу увидеть, что скрывается за темнотой.

Так же на другой стороне нет никакой оставшейся земли. Откосы простираются за пределы видимости, так далеко, как океан. Глубокая чёрная дыра из ничего. Это похоже на то, будто лагерь – единственное место, оставшееся в целом мире, брошенный остров в тёмном пространстве.

И что осталось от лагеря? Несколько соломенных домиков и костёр?

– Как много исчезло? – вопрос застревает в моём горле.

Кэтрин неуютно переминается на ногах.

– Мы посередине этого. Единственная причина, по которой лагерь сейчас не на дне этой ямы в том, что Деррик поставил защитное поле. И раз уж его больше нет... – она приостанавливается – Бьюсь об заклад, оно долго не продлится.

– Что насчёт материка?

"Держись. Будь спокойна".

– Эйтинне открывала портал и уходила несколько часов назад, чтобы оценить ущерб. Она говорит, что везде, где смотрела, пока все также. Земля раскалывается, озера высыхают, – Кэтрин отступает от меня, выражение её лица яростное. – Я знаю, ты скорбишь, но ты должна выиграть эту битву. Ты должна.

– Я выиграю.

"Я должна".

Найти Книгу, убить Морриган. За Деррика. За этот маленький, грустный, опаленный мир. Так, чтобы я могла вернуть все, как оно было.

Пячусь назад с утеса, и моё зрение расплывается, когда очередная волна головной боли ударяет в виски. Покачиваюсь на ногах, и Кэтрин ловит меня.

– Тебе на самом деле следует сейчас отдохнуть. Я поговорю с Эйтинне о замене твоего оружия.

Кэтрин оставляет меня у костра. Гэвин и Дэниэл ушли куда-то, но Сорча все ещё здесь, смотрит в пламя с нечитаемым выражением.

Она поднимает взгляд, когда я присаживаюсь на бревно рядом с ней. Скатывается на землю, её длинные ноги скрещиваются в районе лодыжек. Она устраивает чертовски хорошее представление, чтобы казалось, как легко это делать.

– Выглядишь жутко, – говорит она.

– Не заставляй меня бить тебя по лицу.

Клянусь, она почти улыбнулась.

– Ну, ну. Кто-то решил признать свою грубость.

Мой смех тёмный, сухой и ломкий.

– Хочешь узнать, насколько жестокой я могу быть? Бывают моменты, когда я думаю о том, что Морриган сделала, и как сильно хочу наказать её. Думаю о том, чтобы взять эту Книгу и дать ей тело, просто чтобы я смогла помучить его. Перерезать ей горло, вырвать её сердце и сделать ей больно. А затем осознаю, – поднимаю взгляд на Сорчу, – это то, о чем ты меня предупреждала. Это бы сделало меня такой же, как ты. Но мне все ещё так хочется поддаться искушению.

Сорча замирает. Что-то в её выражении становится чистым, неприкрытым. Когда она начинает говорить, её голос груб.

– Морриган и Стратег – оба держали меня в клетке. Он отметил меня и пытался сделать своей. Она сломала моё тело, украла душу, забрала имя и заставила меня петь до тех пор, пока у меня не осталось и голоса. Она убила ту, кем я была и оставила эту... – она смотрит на свои руки, – эту оболочку. Знаю, я говорила, что это было неизбежно, но борись с этим. Не сдавайся, не будь как я. Не позволяй себе.

Смотрю на неё, прокручивая снова её слова у себя в голове.

– Почему? – шепчу я. – Ты говорила, я жестока. Не думаю, что могу быть милосердной, не как Эйтинне.

Сорча отводит взгляд.

– Потому что это не даст тебе цели. Ты даже не найдёшь облегчения. Те болезненные воспоминания не исчезнут просто потому, что ты уничтожила того, кто за них ответственен. Убийство просто сделает тебя пустой.

Она встаёт и направляется к лесу, останавливаясь только тогда, когда зову её по имени.

– Я не могу простить тебя, – говорю ей. – Ты забрала у меня маму и заставила Киарана произнести эту клятву. И я никогда не смогу простить тебя.

Когда Сорча поворачивает голову, её выражение затемнено деревьями.

– Прощение – это не то, что дается, – говорит она. – Это то, что заслуживают. Что я могла бы сделать, чтобы заслужить его, Айлиэн? Ничего. Я бы выбрала все то же самое. Я не заслуживаю прощения.

Волна удивления проходит через меня, когда осознаю, что она произнесла моё имя.

Она впервые назвала меня по имени.

Прежде чем успеваю ответить, она уходит, не проронив больше и слова.

Гэвин выходит из соломенного домика. Он наблюдает за её удаляющейся тенью и смотрит на меня.

– Мне стоит знать об этом?

– Нет, – говорю мягко.

– Следует ли мне послать Эйтинне, чтобы она поугрожала ей?

Разве уже недостаточно было угроз? Слёзы начинают щипать уголки глаз.

"Прощение – это не то, что даётся. Это то, что заслуживают."

– В этом нет необходимости, – мой голос ровный, незнакомый для моих собственных ушей.

Что я теперь вообще знаю? Привыкла думать, что все фейри были злыми. Это было несложно, легко. Теперь мои мысли и чувства в беспорядке и хаосе. Единственный, кто делал все простым, был Деррик.

И его здесь нет.

Гэвин устраивается рядом со мной.

– Хочешь побыть одна?

Смотрю на костёр.

– Нет, – не могу ничего поделать со всхлипом, вырывающемся из моего горла. – Гэвин, я не в порядке.

– Шшш. Иди сюда, – Гэвин притягивает меня к себе.

– Я больше не думаю, что могу сделать это.

Не могу продолжать терять людей, которых люблю. И не могу продолжать сражаться. Не могу продолжать выходить на бой с все меньшими и меньшими причинами для победы.

Гэвин гладит мою спину, и когда я смотрю в его глаза, они тоже влажные от слез.

– С каких это пор ты признаешь свое поражение? Ты такая же упрямая, каким был Деррик.

– И теперь его нет, – шепчу я. – Я наблюдала, как Морриган убила его, используя человека, которого я люблю, как палача. Просто чтобы заставить меня заплатить за отказ ей, – зажимаю глаза, пытаюсь вытолкнуть воспоминания о смерти Деррика. – Послушай, можем мы поговорить о чем-то другом?

Гэвин молчит мгновение. Затем:

– Я знал, что тебе небезразличен Киаран. Не знал, что ты влюблена в него.

Эта тема несколько не лучше. Гэвин ужасен в этом. Но я приму любую смену темы, которую смогу.

– Не уверена, что он так же знает об этом. Я никогда не произносила этих слов.

Гэвин нежно меня сжимает. Я поудобней устраиваюсь рядом с ним. Теперь, когда Деррика нет, он тот единственный комфорт, который остался у меня из дома. Он и Кэтрин.

– Я думал, что фейри не способны кого-то любить, – говорит он.
– Но, когда вижу его с тобой, думаю...– он смеётся низко и сухо. – Я когда-то любил тебя. И никогда не смотрел на тебя так, как смотрит он.

Слова Деррика, произнесенные тогда в королевстве пикси, всплывают в памяти.

"Будто он желает быть смертным".

Задвигаю подальше воспоминание голоса Деррика.

– Ты никогда не говорил, что любил меня.

– Я планировал сказать тебе вечером, прежде чем уехать в Оксфорд, – передергивает плечами. – собирался сказать это, когда ты умыкнула меня в свою спальню и поцеловала меня.

– Что заставило тебя передумать?

– Я надеялся, что ты попросишь меня остаться в Эдинбурге. Ты не попросила.

Гэвин так бы и не уехал в Оксфорд и не подхватил бы ту лихорадку. Он бы не умер и не вернулся со Зрением, а я бы не отправилась на тот бал в Залы приёмов, как дебютантка. Возможно, мою маму и не убили бы той ночью. Возможно, это одно решение изменило бы все.

– Поэтому ты уехал? – моя улыбка маленькая и грустная. – Ты не остановился подумать о том, что я была шестнадцатилетней девочкой, все ещё витающей в облаках от её первого поцелуя, и

слишком напуганная, чтобы сказать: "Я люблю тебя"?

Мне все ещё слишком страшно произносить эти слова. Некоторые вещи никогда не меняются.

– Со мной был твой первый поцелуй?

– Конечно же, с тобой. Я годами ждала этот поцелуй.

– Я бы подождал годы, чтобы жениться на тебе, – говорит мне Гэвин. – Хотел этого задолго до того, как нас принудили к помолвке. Если бы ты захотела меня тоже... Не то, чтобы это важно сейчас.

Засматриваюсь на шрамы на его щеке, на тот, что проходит по его ключице.

– Полагаю, что ничего не вышло так, как мы надеялись, да?

– Никогда за тысячи лет, – его улыбка быстрая, вынужденная. – Но мне нравится думать, что, если бы все пошло по-другому, мы были бы счастливы. Ты так не думаешь?

Когда представляю все, что могло бы быть, мой разум становится пустым. Моя жизнь так переплелась с этой войной, что все остальное кажется больше сном, чем реальностью. Едва помню девочку, которой была.

Смотрю вниз на свои руки. Кэтрин смыла кровь, но я все ещё могу видеть, как она высыхает под моими ногтями. Теперь, когда думаю об этом, понимаю, что мои ногти редко когда были чистыми. Они всегда напоминали о всех тех фейри, что я убила.

Я – создание хаоса и смерти, и, возможно, это то, как мне

предназначено умереть. В сражении. В конце длинной войны.

Если бы все было по-другому, и Киаран никогда не вошёл бы в мою жизнь, возможно, я бы вышла замуж за Гэвина. Возможно, мы могли бы жить счастливой жизнью в Эдинбурге с нашими детьми.

– Не знаю, – честно говорю ему. – Но мне бы хотелось так думать.

Он так же засматривается на свои руки, как будто бы думая о том же, о чем и я.

– Если мы умудримся пережить это, что вы с Киараном будете делать?

Киаран будет с Сорчей. Она проведёт следующую тысячу лет, постепенно уничтожая кусочки его души, пока не останется ничего от Киарана, которого я знаю. Вечность рабства, отданного ей, чтобы я могла получить Книгу... Книгу, за которую мой друг отдал свою жизнь.

– Я не думала об этом, – лгу.

– Айлиэн, – он делает глубокий вдох, чтобы сказать что-то ещё, но я прерываю его.

– Я умираю, – слова покидают мой рот в спешке вдоха. – Умираю, – говорю снова, тоном ниже в этот раз. – Каждый раз, когда использую свои силы, это убивает меня чуточку больше. Так что не могу думать ни о чем другом. Мне нужно найти Книгу, или...

Что-то заставляет меня поднять взгляд к тёмной границе леса. Это Киаран.

Его глаза встречаются с моими, и я знаю, что он слышал все.

Глава 42

Я вскакиваю на ноги.

– МакКей. Стой...

Он не смотрит на меня, когда разворачивается и уходит в лес.

Я спешу за ним.

– Проклятье, МакКей, остановись, – говорю я, когда упрямая задница продолжает идти, – ты не можешь пойти дальше, если только не хочешь свалиться с чертова обрыва, так что прекрати быть придурком и поговори со мной.

Это срывает. Киаран останавливается спиной ко мне.

– Что ты хочешь, Кэм?

Говорю первое, что приходит в голову:

– Я собиралась рассказать тебе.

– Когда? – Киаран поворачивается. Его лицо настолько затемненное, что не могу разобрать выражения его лица. – Когда? – в ответ на моё молчание он горько говорит: – Дай-ка угадаю, в качестве твоих последних слов?

Его лиловые радужки горят в темноте. На мгновение не могу ничего поделать с возникшим воспоминанием голубых глаз Морриган. Меня настигает воспоминание, где Киаран выхватывает Деррика из воздуха, чтобы смять его. Как стрекозу. Жука. Насекомое.

"Должна ли я пожертвовать своей пешкой?"

Словно почувствовав мои мысли, Киаран отводит взгляд в сторону, пристыженно смотрит на деревья. Когда он говорит снова, его голос такой тихий, что едва слышу слова:

– Я дважды наблюдал, как ты умираешь, Кэм. Я только получил тебя назад.

– Я смертная, – говорю нежно. – Ты должен принять то, что я не буду жить вечно, и я сомневаюсь, что Книга может изменить это, – когда он не отвечает, вздыхаю. – Что бы ты сказал, если бы я рассказала тебе? Ты попытался бы остановить меня от пользования моими силами?

Он задумывается на мгновение.

– Я не знаю.

Мне невыносимо наше расстояние. Сокращаю дистанцию между нами и скольжу руками вокруг него. Он позволяет мне прижаться щекой к груди и послушать сердцебиение. Когда его руки оборачиваются вокруг меня, и он прижимает меня ближе, закрываю глаза.

"Я хочу все забыть. Хочу стоять здесь, с тобой и забыть обо всем мире. Я хочу..."

Говорю ему правду:

– Мне бы хотелось иметь тысячу лет с тобой... Еще больше.

– Нет, только не ещё тысячу лет, Кэм. Это время у меня уже есть. Это время, которое я уже прожил.

– Что тогда?

Киаран проводит пальцем по моей щеке, вдоль линии челюсти. Как будто он запоминает нас такими, маленькие фрагменты для того времени, когда меня не станет. На все те годы, которые у него будут впереди без меня.

– Я хочу прожить одну жизнь с тобой. Не сотни, не тысячи, не вечность. Всего лишь одну жизнь.

Когда тянусь к нему и прижимаюсь губами к его, замечаю, как чернота его внешних радужек вновь начинает наползать. Не такая, как была в зеркальной комнате, но достаточно темная, чтобы выглядеть как тень, пересекающая весеннее поле.

Его поцелуй осторожный. Очень-очень осторожный. Я знаю, что он вспоминает то, что делал. Знаю, он вспоминает свои зубы на моей шее, кусающие меня.

Сколько времени у нас осталось? Сколько времени есть у меня?

Почему любовь, словно бабочка, в момент, когда она начинает умирать – обретает крылья?

Позже этим вечером мы разожгли большой костёр для похорон

Деррика. Эйтинне разбросала опавшие листья и ветки разной величины (единственные части природы, которые у нас остались) в вихрящемся узоры, который распространился по всей земле вокруг лагеря.

"Здесь должны быть лепестки всех цветов", – рассказывала мне Эйтинне, пока я помогала ей. – "Цветы, рассыпанные на мили, как мы делали для тебя. Так, чтобы все могли знать, что он был любим. Он заслуживает цветов. Он заслуживает большего, чем это".

Она разрыдалась, и я держала её трясущееся тело, пока тонкие края затененной луны не взошли на небе.

Когда прокладываю свой путь через лагерь туда, где Эйтинне и другие стоят возле пламени, в моей груди снова появляется боль.

"Не плачь. Ты же знаешь, мне не нравится видеть, как ты плачешь. Ты моя любимица".

Сорчи нет с остальными, и Киаран ушёл. Мне следовало ожидать, что вина будет слишком велика для него. Он убил семью Деррика. И Киаран, возможно, и был под контролем Морриган, но это его руки убили и Деррика.

"Как можешь ты не ненавидеть меня за то, что я сделал?" – спросил меня Киаран, прежде чем я оставила его в лесу.

"Потому что это то, что она хочет, чтобы я делала".

Эйтинне поднимается на ноги, когда видит меня, и Кэтрин шагает вперёд, чтобы обернуть руку вокруг моих плеч. Она бормочет успокаивающие слова мне на ухо, но я не могу услышать их. Все моё внимание на маленькой деревянной коробочке, которую держит Эйтинне.

Коробочка. Коробка. Мой друг, мой спутник, и теперь он в коробке.

Эйтинне протягивает коробку, чтобы я взяла ее, но не могу. Я не могу пошевелиться. Потому что, когда я дотронусь до нее, это все станет реальным. Деррик на самом деле уйдет.

Деррик мертв.

Кэтрин подталкивает меня вперед.

– Я здесь, с тобой, – шепчет она.

Беру коробку, но не позволяю слезам скатиться. На коробке вырезаны запутанные фейрийские символы, от низа до верха, сформировавшие маленькие узоры, что, должно быть, заняло часы, чтобы проделать это.

– У нас нет бутонов, – говорит Эйтинне. – Поэтому я сделала это, – она шагает ближе и поднимает крышку.

Его крошечное тело спрятано под шелковым одеяльцем. Его глаза закрыты, и он выглядит таким живым. Будто он просто спит.

"Он не вернется назад", – грубо напоминаю себе. "Он не спит. Не отдыхает. Не вернется назад".

"Куда бы она ни шла, смерть следует за ней".

Зажмуриваю глаза, прежде чем падают слезы. Прекрати. Пожалуйста, прекрати.

– Что говорится на коробке?

– Тут рассказывается его история, – Эйтинне протягивает свою руку, чтобы проследовать кончиками пальцев по отметкам. – Его рождение, его сражения, годы до его смерти, – она смотрит на меня. – Ты хочешь увидеть, где находишься ты?

Не дожидаясь моего ответа, Эйтинне берет мою руку и кладет ее внутрь коробки. Она прижимает мои пальцы к дереву, прямо там, где тело Деррика покоится под шелком. Отметки там еще более замысловатые и прекрасные. Как будто он прожил больше событий на протяжении этих последних нескольких ответвлений, чем за все века, которые сформировали другие ответвления.

– Ты здесь, – шепчет Эйтинне. – Близко, к его сердцу. Так что, когда он присоединится к своей семье на другой стороне, они увидят, что он отмечен этими словами. Твоим именем.

– Что за слова?

Ее улыбка слабая, печальная.

– Я жил для тебя. Умер ради тебя, – она смотрит вниз на него. – Мы верим, что, когда умираем, мы отправляемся в Tír na nÓg. В землю вечной молодости. Где войны не существует, – когда она смотрит на меня, в ее глазах слезы. – Однажды ты увидишься с ним там. Мы все.

Она жестом указывает на маленькую платформу, которую расположила рядом с костром. Когда ставлю коробку на нее, пустота внутри меня растет. Эйтинне шагает внутрь пламени, которое ее не опалит, и поднимает платформу, чтобы поместить ее в центре огня.

Мы все стоим и наблюдаем, как пламя поглощает коробку, и мы теряем еще одного из нас.

Глава 43.

Как только первые лучи появляются в бледном, умирающем небе, надеваю одежду для моей последней охоты. Борюсь со слезами, когда вижу её на кровати, приготовленной для меня в домике Эйтинне.

Я знала, чем это было.

«Сделай мне пиратский костюм».

«Только если сохранишь для меня танец».

Он сделал так, как я просила, и он сделал его для меня, чтобы я сражалась в нем. Только Деррик никогда не довольствовался тем, чтобы сделать простой предмет одежды. Это была самая прекрасная вещь, какую он когда-либо создавал.

"Я скучаю по тебе", – думаю я, представляя его на моём плече. "Скучаю по тому, как наблюдала за тобой, когда ты шил. Скучаю по твоим глупым песенкам".

Штаны из мягкой кожи тёплые при прикосновении. Когда я надеваю их, они отлично подходят, и в них легко двигаться. Они сделаны так, чтобы сохранить мою быстроту и гибкость в сражении. Практично. Идеально.

У Деррика всегда особенно хорошо получались пальто. Вот куда он прикладывал самые наибольшие усилия.

Задерживаю дыхание и провожу пальцами по материалу. Пальто похоже на то, которое Эйтинне давала мне, но насыщенно красного цвета, цвета летнего заката. Он идеально подходит моим волосам. Перед пальто покрывают запутанные золотые нити, которые складываются в сотни падающих перьев. Они занимают всю дорожку от груди назад, где превращаются в звезды. Созвездия.

Каждое из уроков моей мамы. Полярная звезда. Альдерамин. Гамма Кассиопеи.

И тогда я замечаю изнанку моего пальто. Лоскут материала, вшитого во внутренний карман, там, где напротив будет располагаться мое сердце.

Тартан моей мамы. Тот, что был уничтожен вместе с королевством пикси. Деррик запомнил тот узор и воссоздал его.

Как будто одного этого было недостаточно, тут была еще и записка.

«Это не оригинал, но считаю, ты должна носить его. Прекрати беспокоиться о том, достойна ли ты его. Это глупо, и ты знаешь это.

– Д.

П.С. Не уничтожь это пальто при первом же выходе. Мне пришлось конкретно повозиться с этими золотыми нитями. Не удивительно, что пираты не носят их.»

Слёзы застилают моё зрение. Когда прочитываю последнюю строчку, издаю подавившийся смешок и поднимаю пальто, чтобы надеть его. Запах Деррика ошеломляет меня. Всхлип вырывается из груди. Опускаюсь на пол, прижимаю пальто к носу и сохраняю сохранившийся вкус сил Деррика.

Мёда, сладости, природы.

– Не знаю, смогу ли я делать такое без тебя, – шепчу я.

Деррик бы уселся мне на плечо и проговорил: "Конечно же, нет, ты никогда не умела шить сама".

Это практически приносит улыбку на моё лицо. Оборачиваю руки вокруг пальто и снова вдыхаю его запах.

– Я устала, – шепчу. – Так устала сражаться.

Деррик бы точно знал, что сказать.

"Так что ты собираешься делать с этим? Сидеть здесь на своей заднице в хорошенькой одежде? Жалеть себя, пока эти силы, наконец, не убьют тебя?"

Слышу шаги прямо снаружи домика, и, когда поднимаю взгляд, Эйтинне стоит в дверном проеме с руками на бедрах.

– Что думаешь? – спрашивает она меня. – Следует ли нам отправиться на одно последнее сражение?

Смотрю вниз на записку Деррика, и представляю, как он снова говорит: "Вставай. Хватай свой меч. Найди Книгу. Убей эту злую гадину. Прекрати хандрить и верни свою жизнь назад, глупышка."

Потому что у меня есть некоторые преимущества, которых нет у Морриган: у меня есть Сорча. Я могу использовать Книгу, а Морриган не может, нет, до тех пор, пока не получит новое тело. И

она все ещё нуждается во мне, чтобы создать новое тело для неё. Мне просто нужно найти эту проклятую Книгу.

Девушка.

Та, которая из воспоминаний Сорчи. Она была на балу и была в лесу. Я заметила её в пещере, сразу после того, как сформировался портал.

Она была в зеркальной комнате и открыла тот портал для Деррика, через который он пришёл. Она помогала мне.

– Я знаю этот взгляд, – говорит Эйтинне с улыбкой. – Это взгляд того, у кого есть план, – она хмурится. – Дорогая моя, это же не идиотский план, да?

Не отвечаю. Встаю на ноги и прохожу мимо неё. Мне нужно найти Сорчу прямо в эту чертову секунду. Где она?

Когда вижу baobhan sìth у костра, направляясь прямо к ней.

– Ты знала эту девушку.

Сорча смотрит на меня, будто я не в себе.

– Прошу прощения?

– Девушка. Та, что с татуировками, которую мы видели в Эдинбурге. Я видела её в твоём сознании до этого. Кто она?

Хоть раз она, кажется, потеряла дар речи. Она смотрит на Эйтинне, как будто за помощью, но другая феяри просто стоит рядом

со мной со скрещенными руками.

– Я что-то сомневаюсь в этом, раз уж не помню её до того, как мы преследовали её. Тебе это привиделось. Подозреваю, это общее у людей.

– О, прекрати. Мне не привиделось, – настаиваю я. – Мне нужно, чтобы ты позволила мне снова войти в твой разум.

– Что ты задумала? – хмурится Эйтинне.

– Я думаю, что в этих историях никогда не говорилось о том, что случилось с консортом Морриган. Эта девушка, которая помогла мне... Думаю, она и есть консорт. И она знает, где находится Книга, – шагаю ближе к Сорче. – Если ты позволишь мне войти, я, возможно, смогу увидеть что-то, что сможет помочь нам. Что-то, что Морриган пропустила.

Сорча сжимает губы вместе, как-то нетерпеливо.

– То есть, ты спрашиваешь разрешения в этот раз, – на мой кивок, она вздыхает. – Надеюсь, это последний раз, когда ты копаешься в моей голове. Просто поторопись, чёрт возьми.

Кладу руки на ее виски и закрываю глаза. Мой разум с лёгкостью соединяется с её. Теперь, раз уж я была ранее в её мыслях и видела воспоминания, цвета и их тернистость менее шокирующие. И мне легче перемещаться через них. Сорча проводит меня через поток её воспоминаний, словно ведёт за руку. Возвращаюсь к событиям её заключения. Кожа Сорчи становится холодной, когда проплывают картины её пыток. Она слегка дрожит. Нежно подталкиваю её вперёд, торопясь туда, где впервые увидела девушку.

Вот. Картинка так быстро пролетает, что чуть не пропускаю её.

Возвращаюсь и изучаю её. Воспоминание – только обрывок. Остальная часть почернела по краям, как картина, которая была полностью сожжена. Только маленький кусочек картины остался.

Девушка держит пальцы под подбородком Сорчи. Голова Сорчи откинута назад, без принуждения. Она сама разрешила стереть её воспоминания. Длинные волосы девушки повисли между ними, почти покрыв её глаза.

Её глаза полностью чёрные: в них нет ни частички белого. Татуировки на её коже светятся, свет просвечивает через тонкую ткань её платья.

Её губы что-то шепчут. Послание. Я смогла уловить немного.

– ... забудь, как нашла меня. Забудь, что я такое.

"Как ты нашла меня.

Что я такое."

Не кто. Что.

Пячусь назад. Мой разум разъединяется с Сорчей. Эйтинне ловит меня за плечи.

– Что ты...?

– Консорт Морриган – и есть Книга, – прерываю её. – Она – чертова Книга. Эти отметки по всему её телу, должно быть, заклинания.

Вот почему Лоннрах хотел её. Он, должно быть, выяснил, кем она была. Но без воспоминания Сорчи, он не мог знать, что он почти получил.

Книга – это девушка.

Эйтинне пристально смотрит на меня.

– Ну, это один из способов спрятать её.

– Неудивительно, что она стерла моё воспоминание, – говорит Сорча, потирая виски. – Морриган должна быть уверена, что она все ещё ищет предмет.

И девушка все ещё заперта там с Морриган.

"Найди её. Мы можем найти её и покончить с этим. Закончить это".

Часть меня чувствует себя выбитой из колеи. Деррика нет на моём плече, чтобы дать мне совет. У меня нет продуманного плана. Мои мысли в хаотичном беспорядке делают все хуже из-за моей спешки. Каждая отсчитанная секунда – драгоценное потерянное время. Каждая минута. Каждый час. Нам нужно сделать это сейчас.

– Каков твой план? – спрашивает Эйтинне.

– Отправиться назад, найти девушку и убить Морриган.

– Просто. Действенно. С маленькими шансами на успех, – улыбается она. – Мне нравится.

– Ну, думаю, это просто самоубийство, – говорит Сорча с ухмылкой.

– У тебя есть идея получше? – спрашиваю её.

– Я сказала, что это самоубийство, а не то, что у меня есть идея получше. Когда это место начнет пропадать, все, что не пройдет через тот портал, уйдет вместе с ним. Очевидно, самоубийственный выбор – наш единственный вариант прямо сейчас.

Эйтинне бросает взгляд на край леса, где земля обрывается в темную, бесконечную дыру.

– Нам скоро нужно отправляться. И нам придётся взять людей с собой.

Сорча резко смеётся.

– Люди, сражающиеся с Морриган? Это не смертельный риск, это смертельная гарантия.

– Если ты не собираешься говорить что-нибудь полезное, то закрой свой чертов рот, – говорю я. Смотрю на Эйтинне. – Найди Киарана, собери остальных и любое оружие, которое можешь найти. Мы уходим.

В этот раз у Сорчи занимает много драгоценных минут, чтобы найти брешь между мирами. Та, которую я раскрыла, переместилась к тому моменту, как мы начали поиск.

В отличие от того раза, когда мы находились в бесконечном дворце Киарана, сейчас у нас крошечный остров, на котором мы ищем портал в тюрьму Морриган. Менее нескольких квадратных

мил. Насколько я знаю, это все, что осталось от нашего мира. Поскольку он сжимается и разваливается на части, сам портал так же становится все меньше и меньше.

Сорча проводит пальцами по стволу дерева, когда проходит мимо.

– Он крошечный, – говорит она, когда находит его. – Тонкий, как бумага.

Её рука сильнее прижимается к дереву, и она мотает головой.

– Лучше бы этому сработать. Потому что все будет еще проще, если Кадамах поместит меч в грудь своей сестры и избавит нас от путешествия.

– Она ведь не помогает, да? – спрашивает Кэтрин.

– Она здесь, чтобы плести интриги, – говорит Гэвин. – Не помогать.

Киаран скрещивает руки.

– И ещё лучшее решение было бы отрезать твой язык, чтобы ты не могла говорить.

– Такие враждебные, – Сорча вытягивает руку. – Дай мне свой кинжал, красавчик.

Сорча скользит краем кинжала Киарана по ладони и прижимает руку к дереву.

Через портал попадаем в Морриганскую версию Эдинбурга. Мы

на Принцесс-Стрит, главный магазинный район в Новом Городе. Фонари вдоль тротуара зажжены, но город, словно призрак. Полная тишина, и все же горит свет. Каждое окно в каждом здании освещено лампой или свечами, от магазинов с белыми колоннами Нового Города до многоэтажек Старого Города. Даже сады между двумя частями города, обычно закрытые и тёмные ночами, сияют жутким, сумеречным свечением.

Затем я замечаю, что здесь нет звёзд. Нет луны и облаков. Просто бесконечная непроглядная чернота неба. Огромный занавес "ничего" над сияющим городом.

– Бог мой, – бормочет, Кэтрин

Гэвин шагает на бордюр, не веря.

– Должен чувствовать себя как дома, и все же, я чертовски напуган, – он садится на корточки, чтобы дотронуться рукой до булыжной мостовой. – Это реально.

– У Морриган определенная склонность к драматизму, да? – насмешливо говорит Киаран.

Выхожу на улицу и делаю поворот по кругу.

– Она взяла это место из моего разума, – я жестом указываю на здания вокруг нас, каждое из них освещено. – Все еще пользуется этим, чтобы я нервничала. Она пользуется этим, чтобы напомнить мне, от чего я откажусь, если не скажу ей: "Да".

– Уйдут годы на то, чтобы найти здесь девушку, – бормочет Кэтрин. – Я слышала, эти многоэтажки на Хайт-Стрит уходят под землю.

Киаран тоже выглядит неуверенно.

– Она права, Кэм. Может, нам следует разделиться.

– Я передумала. Это не самоубийство, это просто тупость, – говорит Сорча.

– Так пессимистично, – закатывает глаза Эйтинне.

– Мы не будем разделяться, – говорю я. – Кэтрин, Гэвин и Дэниэл не выдержат сил Морриган.

Сорча бросает на них взгляд.

– Я не стану винить ее, если она убьет их быстро. Люди раздражают.

– Это должно быть сложно, – говорит Гэвин. – Нас семеро, оставшихся на этой земле, и шесть из нас ненавидят тебя.

Сорча кривит губы от его слов.

Если бы Деррик был здесь, он мог бы быстро обыскать здания для нас. Если бы он был ...

Он не здесь, и мне нужно сосредоточиться. Стараюсь заблокировать сомнения, тихий шум других, пререкающихся друг с другом. Обыскиваю город своими ощущениями, рискуя, выпустив маленький импульс силы. Он путешествует по пейзажу, прочесывая тихие, ярко освещенные улицы. Там нет жужжания электричества, никаких птиц на деревьях, никаких лошадей. Эдинбург совершенно безмолвен.

Если бы я была ею, куда бы отправилась?

Мои силы продолжают свой поиск через мили подобных лабиринтам улиц. Через этажи зданий и обширной подземной сети тоннелей. Она должна быть где-то здесь.

Когда моя сила оказывается на Джордж-Стрит, я что-то чувствую. Маленькое. Неуловимое. Музыка?

Залы Приемов.

Открываю глаза.

– Следуйте за мной.

Веду их мимо магазинов в направлении Джордж-Стрит. Мимо красивых домов на площади Шарлотты; держу свой взгляд строго перед собой, когда мы проходим мой старый дом.

"Не смотри на него. Не отвлекайся"

– Ты что-то почувствовала? – спрашивает меня Киаран.

– Музыку в Зале приемов. Там я впервые четко ее увидела. Когда меня вернули в ночь ... – не могу ничего поделать с тем, чтобы не посмотреть на Сорчу, мои руки сжимаются в кулаки. – В ночь, когда Сорча убила мою маму.

Почти сказала "в ночь, когда моя мама умерла", но зачем смягчать слова? Нет нужды в вежливости. Сорча убила ее. Она знает, что убила мою маму.

Сорча выглядит удивленной.

– Ты, определенно, научилась переходить прямо к сути, да? Если бы я не ненавидела тебя, я бы уважала это.

Город тих, так ужасающе тих. Вспоминаю, что, когда

отправлялась в ночные походы, казалось, будто город затаил дыхание, пока я не выходила за ворота моего сада. Когда бежала по улицам с развивающимся позади пальто, Эдинбург пульсировал, будто был живой. Никогда не перестаю скучать по этому; мое сердце все еще здесь. Это город чудовищ, город секретов. Не важно, что происходит, всегда заканчиваю здесь, прямо там, где все началось. Здесь, должно быть, какая-то воронка в земле в человеческом мире, но она все еще существует через меня.

Воздух такой неподвижный, когда мы проходим мимо пустых магазинов на Джордж-стрит. Это редкость, что город может быть таким тихим, таким безжизненным. Привыкла, что тут всегда ветер. К аромату хмеля, горящих деревьев и намеку на виски в воздухе.

Но когда достигаю Залы приёма, свечи все зажжены. Проход под аркой освещен мерцающим пламенем. Слышу, как изнутри доносится мелодичная трель скрипок, играющих знакомую песню, которая заставляет меня остановиться на полпути.

"Цветы леса". Песня, которую играли на похоронах моей мамы. Я не присутствовала (не могла), но выкралась из дома, чтобы понаблюдать за похоронной процессией у Св. Кьюберта. Клянусь, эта песня эхом разносилась по всему городу.

– Кэм? – голос Киарана мягок.

– Эта песня, – говорю я. – Я знаю эту песню.

Медленно шагаю к входу в Залы приёма и толчком открываю огромную тяжелую дубовую дверь. Внутри совершенно пусто. Музыка исчезла, как будто я просто вообразила её. Танцпол пуст; наши шаги по паркету громко разносятся эхом по всему помещению. Единственный показатель, что вообще слышала это – мягкое звучание песни в моих ушах, зовущее, манящее. Сообщение? От Морриган или её консорта?

– Ну, её здесь нет, – говорит Сорча, выглядя раздражённой. – Есть другие предположения? Может, она отправилась в паб?

– Ты нарочно пытаешься быть такой раздражающей занозой в заднице, или это происходит инстинктивно? – спрашивает Эйтинне.

– Мне просто любопытно, когда я смогу взять одного из этих людишек, разорвать его шею и испить из неё, пока не произойдёт конец света, – Сорча осматривает Эйтинне. – Или ты можешь свалиться на меч своего брата, и остальные из нас будут надеяться, что мы выживем, чтобы выбраться в цельный мир.

Эйтинне сжимает губы и отводит взгляд в сторону.

– Я это сделаю. Если дойдет до этого.

– Нет, не сделаешь, – коротко говорит Киаран.

Зажмуриваю глаза и задумываюсь. Когда я была в зеркальной комнате, Морриган использовала форму Лоннраха, чтобы ворваться в мой разум. Таким образом, если ее консорт была там, спрятавшаяся в зеркалах, она бы увидела все мои воспоминания, не только Эдинбург, но и всю мою жизнь. Возможно, эта музыка лишь отвлечение для Морриган, или послание мне о том, где я впервые увидела ее.

"Твои воспоминания показали безопасное место. Надеюсь, ты найдешь что-то подобное снова".

Безопасное. Где-то, где безопасно. Куда бы я пошла, если бы хотела быть в безопасности? Если консорт видела этот город в моих воспоминаниях, куда бы она отправилась прятаться от Морриган? Не так много мест в городе, где бы она могла видеть, что я ищу убежища. Только...

Есть идея.

Снова отправляю маленький импульс моей силы, в поиске только туда, где, как я думаю, она могла бы быть, и нахожу это. Маленький, едва заметный отклик, как ветерок, шуршащий листьями.

– Я знаю, где она.

Уже начинаю покидать танцевальный зал Залов приема, когда Киаран нагоняет меня.

– Последние воспоминания из зеркала были о нас в Эдинбурге. Она должна была видеть место, которое ощущала безопасным от фейри, и спрятаться там, когда Морриган создала город.

– Где она?

Смотрю на него.

– В моей спальне.

Глава 44.

Быстро возвращаюсь на Джордж-стрит, едва замечая здания по обе стороны от меня. Не проверяю, следуют ли другие за мной. Мой безудержный, лихорадочный пульс грохочет в ушах, и что-то в этом только подталкивает меня поторопиться. Быстрее. Я сама не своя. Чувствую себя так, как тогда в лесу, когда Деррик нашёл меня без воспоминаний. Дикой, яростной. Отчаянной.

"Найди её. Твоё время истекает".

Грохочущий взрыв слева практически заставляет меня замедлиться, прежде чем достигаю площади Шарлотты.

– Кэм!

Оглядываюсь. Прямо позади Киарана здания начали разрушаться, как будто по ним ударили чем-то огромным. Обломки обрушиваются на улицы. Пыль кирпичей взрывается в воздухе, когда я пробегаю мимо.

Морриган? Нет, это не Морриган. Не чувствую её силы, пока нет. Мир разваливается на части.

Мчусь по главной дороге в центр площади Шарлотты. Мой дом тих, когда достигаю его. В последний раз, когда я видела это место, он был в плачевном состоянии, частично оставленный разрушенным после Дикой Охоты. Когда я сражалась с mortair, металлическим чудовищным созданным Эйтинне, которым воспользовался Лоннрах, оружие создания полностью уничтожило его. Настоящий дом на площади Шарлотты теперь просто пепел.

Запрыгиваю на бордюр и взбираюсь по передним ступеням к двери. Киаран присоединяется ко мне с остальными сразу позади него. Я мешкаю и смотрю назад на Кэтрин, Гэвина и Даниэла.

– Если появится Морриган, – говорю я им, – не связывайтесь с ней. Позвольте остальным разобраться с этим.

Кэтрин открывает свой рот, будто хочет возразить, но только говорит:

– Ладно.

Сорча как раз собирается заговорить, когда Эйтинне обрывает её.

– Не надо. Моё терпение с тобой очень истончилось, и я готова проткнуть тебя острым концом своего лезвия, – Эйтинне смотрит на меня. – Иди.

Не заперто. Прокладываю путь внутрь, но дом такой пустой и неподвижный. Грохот вдалеке напоминает мне, что это место может исчезнуть в любой момент, прямо, как и другие здания.

"Поторопись."

Поворачиваюсь обратно к остальным.

– Может быть, будет лучше, если я пойду одна. Если она убегала и пряталась от Морриган тысячи лет, она, возможно, не доверяет никому, чьи разумы небезопасны.

– Будь осторожна, – кивает Киаран.

Направляюсь вверх по лестнице. И только когда я достигаю верха, понимаю, что задержала дыхание, пытаюсь не издавать ни звука. Мешкаю снаружи моей спальни, затем толкаю дверь. Свет выключен. В комнате ни движения, и на мгновение задаюсь вопросом, не ошиблась ли я ... Пока не вижу тоненькую линию света, исходящую из шкафа.

Тяжело сглатываю и хватаюсь за ручку. Это старый дом Деррика. Только от одного воспоминания моё сердце болит.

Дом дрожит. Сильный грохот доносится вдалеке. Фундамент

стонет.

Поторопись.

Дверь шкафа распахивается, предъявляя девушку.

Она выглядит младше, чем я думала поначалу, возможно, младше меня. Её длинные чёрные волосы свисают прямо мимо её плеч к талии. Локоны падают вперёд, когда она склоняется под рядом висящих платьев. Сундук, который я хранила там, открыт, и тартан моей мамы у неё в руках.

Втягиваю воздух от увиденного. Он был уничтожен, когда и город пикси был уничтожен. Лоскут, вшитый в моё пальто, только копия.

Девушка поднимает тартан, чтобы рассмотреть его получше.

– Я собрала его по кусочкам из твоих воспоминаний. Он не точно такой же. Не думаю, что у меня правильно получились стежки.

Прочищаю горло и сажусь на корточки рядом с ней.

– У тебя получилось. Он идеален.

– Хорошо, – мягко говорит девушка. – Я так долго не видела такого проявления любви в воспоминаниях. Это многое значит для тебя. Я рада, что ты, наконец, носишь его.

Тяжело сглатываю, слёзы жгут в глазах.

– Я до сих пор не знаю, достойна ли этого, – у меня

безжалостное сердце. Сорча была права насчёт этого.

– Это то, о чем ты думаешь? – девушка выглядит задумчиво. – Я видела твои воспоминания. Ты веришь в то, что ты чудовище, – её тёмные-тёмные глаза поднимаются, чтобы встретиться с моими. Её глаза такие же чёрные, как пространство между созвездиями. – Для меня ты не кажешься монстром. Когда я увидела твои воспоминания, поняла, что ты отличаешься от остальных, кто приходил за Книгой. Ведь так?

Ещё один грохот вдалеке. Люстра в моей комнате покачивается. Что-то обрушилось прямо снаружи.

"Не спугни её. У тебя нет времени искать её, если она снова сбежит."

Не медли.

Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Иногда монстры носят кожу безобидно выглядящих девушек, – говорю я. А затем думаю о Лоннрахе. – И иногда привлекательных мужчин. Возможно, я совершенно не отличаюсь от них.

Она приподнимает губы, почти улыбаясь.

– Они бы зашли в этот шкаф и схватили бы меня, как приз, как только узнали, чем я была. Конечно, я знаю, что ты хочешь слова на моей коже. Могу учуять твоё отчаяние в воздухе. И все же ты ожидаешь моего разрешения, в то время как мир рушится, – её улыбка слабая. – Другая.

Другая. Какое маленькое слово. Какое важное слово. Возможно,

для меня все еще есть надежда не закончить так же, как Сорча.

Мой смех сухой, вынужденный.

– Я знаю, каково это, когда тебя заставляют против твоей воли. Я просто хочу твоей помощи, чтобы спасти моих друзей.

Помоги мне спасти их всех. Помоги мне закончить войну.

– Моей помощи?

Дом трясёт, и мне приходится ухватиться за дверной проем, чтобы не упасть. Понимаю, что даже не знаю, как обращаться к ней.

– Как тебя зовут?

– Книга Воспоминаний, – говорит она, как будто произносит это каждый день её жизни. Вещь. Не личность. Собственность.

– Ты не всегда была книгой. Ты была фейри. Ты была консортом Морриган, ведь так?

Она дергается назад от воспоминания, что-то поражающее молниеносно пересекает ее лицо ...

– Когда-то, – выдыхает она. – До того, как она стала такой могущественной, что ей больше не требовалась супруга. Затем я стала просто mo laòigh, – её голос угрюмый. – Её пешкой.

Пешка Морриган.

Пташка Морриган.

Какой легкий способ забрать личность существа и подчинить своей воле? Лишить их простейшего: их имени.

Она проводит кончиками пальцев по рукам.

– Когда я записала Книгу на свою кожу, она стала частью меня, – она внимательно смотрит вниз на отметки на её руках, на завитушки чернил, что формируют слова. – Они стали достаточно живыми, настолько, что я больше не та, кем когда-то была. Как любой предмет, который прожил свое время, возможно, я больше не достойна имени, – она поднимает взгляд на меня, её глаза широки, темны и уязвимы. – Но раньше меня звали Лена.

Дом снова трясётся. Камни стонут вокруг меня. Моё сердцебиение бешено бьётся в ушах.

"Поторопись."

– Лена, – говорю я. Она закрывает глаза, как будто ей не хватало этого звука. Мне любопытно, сколько времени прошло с тех пор, как она слышала его. – Может ли одно из твоих заклинаний по-настоящему вернуть время?

– С несколькими ограничениями, – беспокоюсь о том, что она скажет, пока Лена не наклоняется вперёд с другой улыбкой. – Например, я не могу повернуть вспять существование Книги.

Улыбаюсь в ответ.

– Мне также нужна информация о проклятии рода Кайлих. Тебе известно о нем?

Проклятие, которое вызвало столько страданий. Бесчисленные войны. Родные братья и сестры, убивающие друг друга, лишь бы не покончить с миром. Я могу вернуть все это назад, если только смогу заставить эту девочку — эту бывшую консорт Морриган — помочь мне.

Улыбка Лены исчезает.

– Эти страницы – причина, почему я предала Морриган.

– Можем ли мы уничтожить проклятие? – тяжело сглатываю. – Переписать его?

Недалеко раздается сильный взрыв. Что-то падает и разбивается внизу. Киаран зовет меня.

"Поторопись."

Взгляд, которым Лена одаривает меня, содержит столько печали, что это намного больше, чем я могу вынести.

– Поскольку, это началось со смерти, смертью это и должно закончиться. Пока не настанет день, когда ребенок Кайлих не выступит против их судьбы с настоящей ложью на губах и не пожертвует тем, чем дорожит более всего: его сердцем.

– Я знаю это, – пытаюсь сохранить голос терпеливым.

– Тогда ты знаешь, что нужно сделать, – говорит она. – Что ты должна сделать. Это было ясно с твоих воспоминаний.

Я хмурюсь.

– О чем ты говоришь?

Прежде чем Лена успевает ответить, окно спальни разбивается. Стекло разлетается по полу и все здание покачивается. Меня грубо отбрасывает назад, плечом ударяюсь в стену.

Лена вскакивает на ноги, её выражение лица безумно. Она чуть не теряет равновесие.

– Нам нужно идти, – её глаза глубокие, глубокие колодца. – Она идёт.

Глава 45.

Я хватаю Лену за руку и тяну ее прямо к скрипучей лестнице.

Штукатурка сыпется с потолка, а внезапный треск в основании практически заставляет меня оступиться. Лена резко подается вперед, и я дергаю ее назад. Картины вокруг нас раскачиваются на крючках.

Где-то прямо по коридору по полу на осколки разлетается зеркало.

Киаран смотрит вверх с облегчением, когда мы входим в вестибюль. Смутно отмечаю, что остальных здесь нет; им, должно быть, пришлось остаться снаружи.

– Время поджигает, Кэм, – говорит он.

– Ты же знаешь меня. Это не так будоражит, если время не поджигает, – головой указываю на девушку. – Это Лена. Лена, это Киаран. Передняя дверь там. Давайте выбираться отсюда к чертям.

Мы торопимся выбраться из дома и спуститься по передним ступеням.

Тревожное чувство проходит сквозь меня, когда я вижу, что другие дома на площади пали, разрушились. Один за другим, словно строения, сделанные из песка, а не камня.

Бум! Оглядываюсь через плечо прямо в тот момент, когда номер 6 (мой прекрасный дом детства) рушится на землю. Пыль и обломки летят вокруг нас.

Тяну Лену за собой через улицу туда, где остальные ждут и наблюдают с широко открытыми, испуганными глазами.

Лишь немного облегчения видно на их лицах, когда они смотрят на наше приближение... но не у Сорчи, которая выглядит раздраженной. Но тут ничего нового.

– Ты прямо вовремя для апокалипсиса, – говорит Сорча.

– Она такое сокровище, – бормочет Гэвин.

Вытаскиваю кинжал из ножен на запястье и бросаю Сорче.

– Заткнись и разрежь свою кожу, пока это не сделала я.

Сорча как раз собирается сделать порез на ладони, когда невидимая сила посылает ее прямиком на брусчатку.

Я кручусь, но за мной нет никого, кроме остальных.

Широко открытые глаза Кэтрин перемещаются к чему-то позади меня.

– Айлиэн!

Что-то ударяет сзади. Меня подбрасывает в воздух, тело вращается и скользит по мостовой. Когда я поднимаю взгляд, дезориентированная, вижу только Эйтинне. Когда ее глаза встречаются с моими, они яркие, насыщенные голубые глаза Морриган. Она завладела телом Эйтинне.

И она направляется прямо за Леной.

– Все, что от меня требовалось, просто следовать за ней, пока она не найдёт тебя, – говорит она Лене голосом Эйтинне. Лена отодвигается подальше, спиной вжимаясь в фонарный столб. – Все это время, я думала, что ты здесь просто прячешься с моей Книгой. Но я узнаю свои заклинания на твоей коже, моя хитрая маленькая пешка. Как же ты умна.

Киаран делает выпад на Морриган с выставленным мечом, нанося удар по ее руке – достаточно, чтобы отвлечь её.

– Беги! – говорит он Лене.

Морриган отбивает его меч подальше и бьёт кулаком в лицо. Она удерживает его внизу своими силами. Лена пытается бежать, но виноградные лозы пробиваются через асфальт так быстро, что у неё просто нет времени. Они оборачиваются вокруг неё и пригвозждают к месту. Её глаза широко раскрыты из-за паники, пока она сопротивляется лозам.

У края площади Кэтрин собирается вмешаться, но Гэвин и Дэниэл удерживают её позади. Я неистово мотаю головой.

"Не надо. Она слишком могущественна".

Морриган в теле Эйтинне кажется выше, могущественнее. Богиня, одетая в оболочку более низшего существа.

– Ты, – голос Морриган резок, когда она фокусируется на Сорче, – мне понадобится твоя кровь, – Затем смотрит на меня: – И ты дашь мне моё "да" или же у меня есть три жалких, запуганных человека, которыми можно пожертвовать.

Сделай что-нибудь!

Призываю силу внутри меня, отчаянно проталкивая её по венам. Не могу сосредоточиться. Мой разум кричит на меня, чтобы я действовала, но это так больно. Моя сила вскрыет меня, вывернет наизнанку, если я позволю.

Ты не можешь позволить себе потерять контроль. Выдыхай её, словно воздух.

Выталкиваю всю силу наружу и швыряю её в Морриган, но она отводит её в сторону, ударяя в меня стрелой силы такой мощи, что меня отбрасывает назад. Жёстко кручусь по улице, мои кости болят, когда я приподнимаюсь. Губа кровоточит. Сердце грохочет. Борюсь с тем, чтобы не отключиться.

Ты не можешь дать ей выиграть. Не тогда, когда можешь потерять все.

Киаран здесь, дёргает меня обратно на ноги.

– Давай, Кэм. Поднимайся!

– Отправляйся с людьми, – мой голос грубый, напряженный, – уведи их отсюда.

Его хватка на моей руке уверенная.

– Больше некуда идти, и я не оставляю тебя.

Сила Морриган отбрасывает его в сторону, и он теряет на мне свою хватку. Киаран тяжело ударяется о землю.

Слышу её голос под красивым смехом Эйтинне и ненавижу её за это.

– Не прячься. Я хочу, чтобы ты была здесь и наблюдала.

Морриган поворачивается к Сорче и использует свою силу, чтобы быстрее продвинуть её вперёд. Затем она сжимает руку Сорчи и выворачивает её под болезненным углом, притягивая к Лене. Сорча кричит, когда Морриган рассекает лезвием её щеку.

– Шшш. Ты ведь помнишь? Не кричать, пока я не скажу, пташка. Это было моим правилом, – она прижимает кинжал к другой ладони.
– Теперь дай мне крови.

Позади Морриган Кэтрин вырывается от Гэвина и Дэниэла. Она подбирает отброшенный меч Киарана и бросается на Морриган.

– Кэтрин, нет! – кричит Дэниэл.

Кэтрин ударяет Морриган по груди, но это даже не беспокоит её. Морриган тянется за Кэтрин своими пальцами.

Все что слышу – ужасный треск ломающейся шеи Кэтрин. Я вижу, как она жёстко ударяется о землю. Она больше не движется.

Крик вырывается из меня.

Дэниэл и Гэвин пялятся на её обмякшее тело, охваченные неверием и шоком.

Кэтрин, Кэтрин, Кэтрин...

Верни её назад. Покончи с этим, и ты сможешь вернуть её назад.

У меня нет времени скорбеть.

Слёзы застилают моё зрение, когда я бью Морриган мощным ударом силы. Её голова поворачивается в сторону, и она улыбается.

– Очередная пешка выбыла, – когда она поворачивается назад, я вижу дорожку крови на её губе. – Последний шанс, Айлиэн Кэмерон. Скажи "да", прежде чем двое других отправятся за ней.

Дэниэл не выдерживает. Он атакует, но Морриган посылает его и Гэвина обратно в полёте одним щелчком пальцев. Они ударяются о

мостовую в центре площади.

Я больше не могу терпеть. Не могу смотреть, как они умирают.

– Прекрати это!

Её сила проходит по моей коже издевающимся прикосновением, когда она еще крепче сжимает Сорчу.

– Просто сдайся. Все, что тебе нужно сделать – сказать "да". Кем я должна пожертвовать следующим? Может, Королём? У тебя есть возможность вернуть твоих людей с помощью Книги, но не его.

Тяжело глотаю, смотря на тело Кэтрин на улице. Помни. Покончишь с этим и сможешь вернуть её назад.

– Нет, – шепчу, замуривая глаза.

Она продолжает, как будто бы я и не говорила.

– Он смотрит на тебя так, будто бы ты собираешься спасти его. Его красивая, умирающая человеческая девушка, – её сапфировые голубые глаза впиваются в мои. – Скажи "да" и моё предложение все ещё актуально. Он твой, – она трясёт Сорчу. – Я сниму отметку, оставленную моей пташкой на нем. Дам тебе бессмертие. Все, что тебе надо, сказать слово и восстановить моё тело. "Да".

– Кэм, не надо! – крик Киарана прерывается, поскольку Морриган ударяет своей силой через воздух. Когда бросаю на него взгляд, вижу порез на щеке Киарана, глубокий и длинный.

Морриган снова давит на руку Сорчи.

– Дай мне кровь.

Когда Сорча не слушается, Морриган ломает ей запястье. Сорча издает низкий задыхающийся звук.

– Я сказала, дай мне кровь.

Сорча обхватывает одной рукой острие лезвия, и с извиняющимся взглядом прижимает свою кровоточащую ладонь к покрытой чернилами руке. Лена откидывается свою голову назад в молчаливом крике. Писания по всему её телу светятся, и она пульсирует бледным серебряным светом.

Книгу открыли.

Морриган довольна. Её яркие глаза останавливаются на моих.

– Айлиэн Кэмерон, – напевает она. – Что последует за этим? Согласие или жертва?

Сорча поднимает взгляд.

– Не делай этого. Книга теперь твоя...

Морриган бьёт кулаком в лицо Сорчи, и та падает на булыжную улицу. Я бросаюсь к ней, но Морриган набрасывается на меня своей силой. Она ударяет меня с силой приходящей волны. Мои зубы сжимаются вместе, и металлический вкус крови появляется на языке. Едва успеваю призвать собственную силу, чтобы остановить её от того, чтобы она сломала каждую косточку в моём теле.

– Скажи "да", девочка.

Голос Кэтрин четко звенит в моей голове, тепло среди боли: "Мы вернем все, как было"

И Деррика: "Поднимай свою задницу и закончи это. Покончи с этим, Айлиэн."

– Эйтинне, – выдыхаю, – прости за это.

Швыряю свою силу в Морриган. Она вырывается из меня, как удар молнии, прорываясь через мое тело с болью, которая оставляет меня, хватающей воздух. Я выдерживаю это и сбиваю Морриган с ног. Наши тела сталкиваются. Мы деремся друг с другом кулаками и ногтями. Тяжелые, поражающие удары, переплетенные с силой.

Мое тело не бессмертно. Мое тело – хрупкая, ненадежная форма из плоти и крови, и каждый удар заставляет меня, пошатываясь, отступать назад, пока она не приходит ко мне с сильнейшим финальным ударом. Мне нечем дышать, когда падаю на мостовую. Я проиграю. Проиграю эту битву, потому что не могу бросить на нее всю силу. Потому что в этом случае убью Эйтинне.

– Кэм! – зов Киарана прорывается сквозь туман боли. – Используй одно из заклинаний Лены.

Заклинания. Ну, конечно же.

Морриган сейчас на ногах, но я быстро отправляю ее обратно на землю, ударяя по ней силой. Усилий от этого достаточно, чтобы заставить меня видеть звезды перед глазами. Карабкаюсь к Лене и возвожу

защитный экран, чтобы уберечь нас от атаки Морриган. Он неуклюже установлен, но это должно дать нам достаточно времени. Лена обмякла на лозах. Хватаю ее за руку.

– Лена. Дай мне заклинание.

– Я не могу, – бормочет она, – это убьет тебя.

Сила Морриган бьет в экран. Электричество трещит в воздухе, выбросы силы, как молнии, сверкают вокруг нас. Обломки нескольких зданий, оставшихся неподалеку, трясутся и падают. Гэвин, Дэниэл, Сорча и Киаран уворачиваются от падающих кусков камней и используют отвлечение Морриган мною, чтобы попасть под защитный экран.

– Считаю, нам нужно организовать нашу последнюю атаку, – говорит Дэниэл угрюмо, его голос резок. – Давайте прикончим ее и закончим с этим.

– Согласен, – отвечает Гэвин. – Сияние славы. Умрем с достоинством.

– Я помогу, – Сорча смахивает кровь с лица. – Я сбежала от Морриган не для того, чтобы просто спрятаться, как трусиха.

– И я никогда не бежал от сражения, – говорит Киаран. – Особенно не тогда, когда мир разрушился достаточно, что я, наконец-то, снова ощущаю свои силы.

Силы Морриган вновь обрушиваются на защитное поле. Вздрагиваю, пытаюсь удержать его. Продолжаю удерживать его. Если мы вскоре не начнем действовать...

Мягкий голос Кэтрин в моей голове напоминает мне: "Этот мир – не твое бремя. Оно принадлежит всем нам. Даже им."

– Подождите, – говорю остальным. – Лена? Что если Киаран и Сорча объединят свои силы с моей?

– Теперь это хорошая идея, – улыбается Лена.

– Тогда это придется сделать всем нам, – говорю, смотря на них. Мы все, что осталось. – Вместе. У нас всего один шанс.

– Если у вас только один шанс, тогда вам потребуется чтобы кто-то отвлекал, – он смотрит на Дэниэла. – Что скажешь, старик?

– Айе, – кивает он единожды. – Время для твоего идиотского

плана Б.

Нет. Все во мне кричит сказать: "нет", не позволяй им идти на это. Что, если они умрут, а я не смогу выиграть?

Но это их выбор. Когда глаза Гэвина находят мои, я вижу проблеск страха в них.

– Уничтожь ее и верни нас назад, – говорит он. – Или я буду вечно преследовать твою задницу, ты слышишь меня?

"Этот мир не твое бремя. Оно принадлежит всем нам".

– Я слышу тебя, Галловэй.

Бросаю взгляд на Сорчу и протягиваю руку ладонью вверх.

– Это ничего не меняет, – говорю я ей. – Я все еще ненавижу тебя.

С другой стороны меня пальцы Киарана переплетаются с моими.

– Пора, Кэм.

Опускаю защитное поле, Гэвин и Дэниэл мчатся на Морриган. Она смотрит на них, как охотник, поймавший в поле зрения добычу. Ее сила растет, готовая атаковать.

– Закрой свои глаза, Кэм, – хрипит Киаран. – Не смотри. Не слушай.

Закрываю глаза. Рядом со мной Сорча начинает петь. Ее красивый, высокий, мелодичный голос заполняет слуховые каналы и блокирует остальные звуки. Она дает мне покой. Один последний момент покоя, чтобы мне не пришлось слышать, как убивают моих друзей.

Лена кладет руки мне на плечи и шепчет:

– Произнеси эти слова.

Она шепчет мне на ухо слова, песню. Встречаю взгляд Морриган, когда пою вместе с Леной. Наши голоса переплетаются с голосом Сорчи, затем с голосом Киарана. Сила растет и растет от наших объединенных голосов, через наши тела, руки. Я борюсь за то, чтобы остаться с ними. Песня обретает свою собственную жизнь, окружая нас, как будто ее несет ветер.

Затем она мчится на Морриган. Она борется с нею, ее голос

повышается в своей собственной песне. Но я толкаю ее назад. Управляю ею.

Энергия Сорчи и Киарана обрушиваются через меня так сильно и болезненно, что я практически падаю на колени. Мои вены в огне. Мои кости тяжелы. Кровь начинает течь из носа и глаз. Мой голос напряжен, он царапает мое горло, но я продолжаю петь. Отталкиваю всю агонию и использую это, чтобы сосредоточиться. Я должна это сделать. Ради Деррика. Ради Кэтрин, Гэвина и Дэниэла.

Восторженный голос Деррика всплывает в воспоминании.

"Отправляешься убивать?"

"Отправляюсь спасти людей".

"Тебе полезно сменить обстановку. Мне нравится."

Посреди все этого я практически улыбаюсь.

Открываю глаза как раз в тот момент, когда тело Эйтинне дергается. Ее рот широко открывается в крике, а спина выгибается назад, как будто что-то вырывается из нее. Удивительные, голубые сапфировые радужки Морриган ярко разгораются, когда сила взрывается вокруг нас во всех направлениях. Здания, все еще оставшиеся стоять, трясет до основания.

Затем все замирает, воцаряется тишина и спокойствие.

Эйтинне резко падает на землю, моргая от непонимания. Ее глаза, они ее собственные. Морриган больше нет. Ее нет. Больше не ощущаю ее здесь.

– Мы сделали это, – шепчу Киарану. Он ловит меня, когда падаю, медленно опуская меня на землю. Он приказывает Сорче сходить проверить Эйтинне, его голос резок.

– Ты сделала это, – его касание нежное, когда он стирает кровь с моего лица. Кладу щеку ему на грудь. – Кэм. Кэм, держи свои глаза открытыми.

Неожиданный треск привлекает мое внимание. Рядом с нами несколько оставшихся зданий начинают разрушаться, падая на улицы.

– Почти закончено, – тихо говорит Лена. – Не так много времени осталось, чтобы спасти ваши миры.

– Расскажи мне, что делать, – говорит Киаран.

– Нет, тебе ничего не нужно делать. Ей. Она единственная, кто может разбить проклятие.

Я? Но я не ...

Меня пронзает, когда вспоминаю ее слова.

"В тебе кровь моей дочери, ее силы. Моя кровь" – сказала Кайлих. Я ее потомок, связанная кровью.

Я – дитя Кайлих. Дитя Кайлих, которая может сказать ложь.

Киаран, должно быть, тоже это понял. Когда он смотрит вниз на меня, его выражение лица решительное. Уверенное.

– Солги мне, Кэм.

– Что?

– Солги мне.

Пожертвовать тем, что стоит тебе больше всего: своим сердцем.

Я пытаюсь вырваться из рук Киарана.

– Нет.

Знаю, что он просит меня сделать. Чем он просит меня пожертвовать.

Киаран держит меня у себя, его лоб прижимается к моему.

– Скажи мне ложь, которую нельзя перевернуть в правду. У нас есть только один шанс. Всего лишь один.

– Пожалуйста, – выдыхаю, – я не могу. Не проси меня сделать это.

Он гладит мои волосы, и я вижу, как сильно он любит меня. Могу видеть это так четко.

– Расскажи истории о нас, Кэм, – шепчет он. – Расскажи людям, что, когда король фейри и человеческая девочка впервые встретились, он увидел, какой смышленной она была. Какой глупой, смелой и великолепной. И он знал, что однажды у него не будет выбора, кроме как влюбиться в нее. Это придет к нему так же просто, как дыхание, – его губы прикасаются к моим. – Расскажи людям, как они встали в конце всего и спасли мир. Вместе.

Он отрывается от меня, когда здания вокруг падают. Когда мир начинает разрушаться.

Еще один поцелуй, на этот раз очень нежный.

– Я прожил четыре тысячи лет и ни разу не сделал ничего, что не было бы эгоистичным. Так что позволь сделать это с тобой. Позволь сделать хоть одну полезную вещь, – он давит рукояткой меча мне в ладонь. – Теперь скажи мне ложь.

Забрать его меч у него труднее всего, что я когда-либо делала раньше. Обхватываю его щеку ладонью и говорю ему самую настоящую ложь, которую я когда-либо говорила, ту, что разбивает вдребезги мое сердце.

– Я не люблю тебя, – шепчу, прижимаясь своими дрожащими губами к его.

Затем протыкаю мечом его грудь.

Глава 46.

Я все еще держу в руках, прижимая к себе, тело Киарана, когда мир начинает собираться воедино. Поскольку тюремный мир Морриган распадается, перед нами предстают остатки моего мира, маленький островок скалы, на котором все еще стоит лагерь Эйтинне. Земля начинает формироваться поверх огромной черной дыры, камень за камнем. Скала за скалой. Дерево за деревом. Соединяясь воедино, словно рисунок ловкой рукой.

Первые лучи света сияют через облака, и солнце поднимается над деревьями и разливает свет сквозь ряды деревьев. Легкий ветерок подхватывает прекрасный, свежий аромат сосен, а я зажмуриваю глаза и закрываюсь от всего. Не могу чувствовать облегчение, когда окружена столькими смертями.

Вот она я, последний человек, выживший в войне, которую никогда не хотела, и я разбита. Потеряла так много себя. Чувствую тишину и покой. Так же пуста, как и та пропасть, когда мир распадался на части.

Держу Киарана, словно цепляюсь за последние кусочки себя, за обломки девочки. Не подлежащие восстановлению.

«Я люблю тебя. Мне следовало сказать это тебе. Я люблю тебя.

Мне следовало сказать тебе это до того, как пришлось солгать об этом».

Шаги вырывают меня из мыслей. Когда открываю глаза, Эйтинне сидит на коленях рядом со мной. Ее щеки красные, на глазах слезы, когда она смотрит вниз на своего брата.

– После всего этого тебе пришлось пойти и стать героем, – говорит она ему, проводя рукой по его волосам. – Глупый bhràthair. Тебе следовало позволить мне умереть.

– Ты права. Ему следовало так поступить, – Сорча стоит над нами, ее руки сжаты в кулаки. Выражение ее лица – горе и неистовая ярость. Она поворачивается к Лене практически обвиняюще: – Почему я все еще жива, если он мертв? Почему я все еще здесь?

– Его жертва сильнее вашей клятвы. Это древняя магия, более могущественная, чем метки, полученные по принуждению.

Сорча зажимает рот на замок.

– Это ...

– Достаточно, – резко говорит Лена. Она оглядывается на меня. – Отдай Благой Королеве силы Кайлих, пока они не убили тебя, Айлиэн, – она протягивает мне руку. – Сейчас. Не дай его смерти быть напрасной.

"Я прожил почти четыре тысячи лет и ни разу не делал ничего, что не было бы эгоистичным. Так что позволь мне сделать это с тобой. Позволь мне сделать хоть что-то хорошее."

Мои пальцы гладят щеку Киарана. Его кожа до сих пор теплая. Только для тебя. Только потому, что это то, чего ты хотел.

Беру руку Лены и говорю Эйтинне:

– После этого заклинания станут твоими и Лены. Общими.

Заклинание шепотом проносится в моей голове, тихий шорох песни. Впервые с того времени, как я унаследовала силы Кайлих, мне не больно. Мне ничего не нужно принуждать к действию. Чувствую облегчение, когда силы легко вытекают по венам к их новому хозяину. Это чувство облегчения, которое я

не могу описать – как будто мое тело невесомо, вновь цельное. За исключением моего сердца; проклятию требовалась жертва. Я не

получу его назад.

Шипение от боли вырывается у Эйтинне, оно едва ли слышнее вдоха. Её тело расслабляется, все напряжение уходит. Затем она открывает глаза.

Они такие же ясные и яркие, как расплавленное серебро. Когда Эйтинне смотрит на меня, в них читается знание. Вся сила Кайлих внутри неё, такая же древняя, как сами миры. Но в отличие от её матери, она не холодна. От неё веет теплом и спокойствием. Если бы Киаран был здесь, он бы сказал, что сделал правильный выбор. Она будет лучшим монархом.

– Чувствую себя обязанной тебе за спасение моей жизни, – говорит она. – За попытку спасти его.

– Никаких долгов между нами, Эйтинне, – это мой голос? Он кажется таким пустым. – Ты моя подруга. И всегда ею будешь.

Она бросает взгляд позади меня, туда, где, я знаю, на земле неподвижно лежат Гэвин, Дэниэл и Кэтрин. Не могу смотреть. Едва держусь.

Я пуста. У меня ничего не осталось.

– Тогда не принимай моё обращение времени вспять, как плату, только как подарок. После всего, чем ты и они пожертвовали, вы все заслуживаете второго шанса, чтобы прожить вдали от этого. Ты заслуживаешь большего.

С одним заклинанием Эйтинне изменит ход времени и отправит нас всех обратно. Как будто бы ничего из этого никогда не случилось. Другие переживут это.

Но я? Как мне притвориться, что я никогда не проходила через все это? Как я могу притвориться, что никогда не встречала Киарана? К чему мне возвращаться?

В глазах Эйтинне бурлит серебро. Они насыщены силой, знанием и, да, грустью.

– Ты не можешь провести всю свою жизнь, оплакивая его, Айлиэн. Он не хотел бы этого, – когда ничего не отвечаю, она продолжает: – Больше никаких сражений. Никакой войны. Воспользуйся этим шансом.

Мое сердце стучит, когда смотрю на Лену.

– Могла бы ты вернуть Киарана и Деррика? – спрашиваю, хотя уже и знаю ответ. Мне просто нужно услышать его.

Лена вздыхает.

– С фейри все не так. Чтобы вернуть их назад, требуется жертва. Жизнь за жизнь.

Жизнь за жизнь. Смотрю вниз на Киарана, провожу пальцем по его бледной щеке. Не могу ничего поделать с первой же посетившей мыслью – первое наследие моего горя прорывается через опустошенность. К чему я вернусь, если его там нет.

Как будто бы читая мои мысли, Сорча ступает вперед.

– Не надо, – срывается она, – не смей отказываться от своего глупого человеческого существования, чтобы воскресить его, – она тяжело сглатывает, и, клянусь, я вижу слёзы в её глазах. – Он заслуживает лучшего, – она пробегается дрожащей рукой по волосам и смеётся. Вздрагиваю; кажется, она буквально распадается на части. – Он заслуживает лучшего.

Она права. И я обещала Кэтрин, что увижу её снова. Обещала. Тяжело сглатываю и смотрю вниз на Киарана.

Мне придётся отпустить тебя. Так же как я отпустила Деррика.

– Что ты будешь делать? – спрашиваю Эйтинне. – Теперь, когда ты Королева?

Эйтинне печально улыбается.

– Создам новых фейри. Построю новое королевство с помощью Лены, – она бросает взгляд на другую фейри, которая спокойно кивает. – Мне предстоит проделать много работы. Если однажды ты получишь приглашение на коронацию, не смей отказываться. Или я покажусь на твоём пороге и потребую пирог и танец.

Она берет руку Лены и наклоняется вперед, словно, чтобы прикоснуться ко мне.

– Теперь ты готова?

Закрываю глаза и киваю.

Эйтинне прижимается своими пальцами к моим вискам и бормочет слова, которые похожи на первые ноты колыбельной. Голос Лены присоединяется к ней, тихий, уверенный и чудесный. Я так и не

почувствовала, как мир сдвинулся вокруг меня. Не заметила, как время повернулось вспять.

Только слышу последние слова Эйтинне поверх тупого грохота моего сердца: «Живи полной жизнью, Айлиэн. Жизнь, которую он дал прожить тебе».

Когда открываю глаза, я сижу на полу в моей спальне в Эдинбурге, но не отделанной панелями тика спальне, которую оставила позади. На дальней стене нет карты, отсчитывающей количество убийств Сорчи. Нет рабочего стола с оружием, убивающим фейри. Никакой охотничьей одежды на полу, забрызганной грязью.

Моя спальня обставлена так, как это было, когда мама была еще жива: кремовые обои с лютиками, золотые занавески, которые блестят на солнце. Спальня вновь такая, какой была, когда моя жизнь была не сложной и ...

И нормальной. Эйтинне вернула время к тому моменту, когда мне было семнадцать.

Изучаю свое голубое муслиновое платье, затем руки, не покрытые мозолями. Нет никаких крапинок крови. Руки леди. Они никогда не принадлежали воительнице.

– Айлиэн?

Замираю от голоса, который зовет меня. Слезы застилают глаза.

– Мам? – я встаю и начинаю идти к двери, не уверенная, верно ли расслышала.

Но вот она, идущая по коридору рядом с моей комнатой.

– Айлиэн, – произносит она, – ты не забыла про ланч с ... – она останавливается, когда видит мои слезы. – Что такое?

– Мам, – достигаю ее в два шага и обхватываю ее руками и тяну к себе, прижимая сильно–сильно. Держу ее так крепко, что удивляюсь, как она еще может дышать.

Она проводит рукой мне по спине, успокаивая, пока всхлипываю на ее плече.

– Шшш. Что случилось?

– Какое сегодня число? – мой голос дрожит. – Год?

– Айлиэн, – теперь она звучит встревоженно. – Мне послать за доктором? Ты...

– Число. Год. Пожалуйста.

– 6 ноября, 1843, – она проводит мне по волосам. – Теперь скажи мне. Ты в порядке?

Эйтинне отправила меня за месяц до смерти мамы. Может быть, есть вероятность, что она все еще может умереть. Это тоже изменится?

– Я не знаю, – говорю ей честно. – Пока не знаю.

Глава 47.

Неделю спустя мама спрашивает:

– Ты уверена, что все в порядке?

Мы в саду, работаем над орнитоптером. Одно крыло его практически полностью прикреплено к основной части, но аэроплан еще далек от того, чтобы быть готовым. Потребуется ещё четыре месяца работы без усталости, чтобы закончить его.

Мама пытается поймать мой взгляд, но я притворяюсь, что чем-то отвлечена. Вместо этого сильнее кутаюсь в пальто.

– Конечно же. Почему же нет?

– Ты кажешься... другой, – она хмурится. – Более молчаливой, чем обычно.

В последнее время, когда просыпаюсь, мне приходится напоминать себе, где я. Пялюсь в потолок в своей огромной спальне, задаваясь вопросом, не снится ли мне все это. Может, я открою глаза, и иллюзия наконец-то разобьется, и все это окажется уловкой фейри.

Я с головой ныряю под крыло орнитоптера, начиная возиться с одной из деталей.

– Разве? – спрашиваю, сохраняя голос легким. – Просто отвлечена всем запланированным на ассамблее.

– Дело не в этом. Иногда ты смотришь на меня и ... – она прерывается, будто от неуверенности.

– И что?

Она молчит. А затем:

– Ты где-то в другом месте. Ты не ешь. Говоришь по-другому. Иногда ты выглядишь так, будто потеряла кого-то важного.

Зажмуриваю глаза. Внезапно становится так трудно втянуть воздух.

– Это глупо. Кого бы я могла потерять? – мой голос на удивление ровный. – Я не ела, потому что не голодна. И вини моих сверстников за мою манеру говорить.

Мне нужно пойти увидаться с Кэтрин, Гэвином и Дэниэлом. Только мы вчетвером помним, как фейри уничтожили Эдинбург. Это устроила Эйтинне, чтобы мне не пришлось столкнуться с этим одной. Я бы сошла с ума, если бы осталась одна с этими воспоминаниями.

Бросаю гаечный ключ в коробку с инструментами, прежде чем мама успевает ответить.

– Я собираюсь позвонить Стюартам. Вернусь после обеденного чаепития.

Чувствую ее взгляд на себе, но ухожу, не обернувшись.

Мой шкаф пуст.

Некоторыми вечерами я включаю свет, закрываю дверь на замок и стаскиваю все свои платья с вешалок. Лежу в путанице из шелка и муслина и представляю маленькое тело, свернувшееся на моем плече. Воображаю крылышки, задевающие мою щеку. Вспоминаю похабную песенку и смеющийся голос,

зовущий меня по имени. Если зажмурю свои глаза достаточно сильно, то могу услышать его голос. "Взгляни на эти ужасные платья. У них недостаточно лент."

Улыбаюсь. А затем открываю глаза и вспоминаю, что его нет.

Прошел месяц с моего возвращения, я все еще бегаю по улицам по ночам. Все еще ищу монстров, притаившихся в темных аллеях. Ищу Эйтинне. Ищу Киарана. Я взбираюсь на трон Артура под светом луны и прижимаюсь ухом к земле, любопытствуя, может, в этот раз услышу подземный барабанный бой фейри.

Гуляю по городу и прислушиваюсь к звукам каждого, живущего своей жизнью; для них ничего не произошло. Улицы никогда не были разрушены, и жизнь их никогда не заканчивалась. Эйтинне вернула назад каждый город, что был разрушен, каждый дом, каждую деревню, каждую жизнь. Шотландия, и весь мир, снова цела.

Больше нет монстров. Нет фейри. Здесь нет музыки. Мне не с чем сражаться.

Возможно, цена за спасение мира – не помнить, как жить в нем.

Кэтрин, Гэвин и Дэниэл навещают меня каждые две недели.

– Христос, Кэтрин, – говорит Гэвин. – Почему бы тебе просто не забрать все кексы? Давай, просто засунь их все в свою сумочку, как воришка.

Стала лелеять эти моменты легкомыслия. С этой троицей мне не нужно притворяться. Ни одному из нас не нужно. Моя мама до сих пор иногда смотрит на меня так, словно не знает, кто я. Я – уставший от сражений солдат в теле её маленькой девочки.

Единственные люди, которые помнят фейри, сидят в этой комнате. И мы пытаемся научиться, как жить с нашими воспоминаниями о войне. Правда в том, что мир, может быть, и исцелился, но ни один из нас не смог.

– Айлиэн, – говорит Гэвин, прерывая мои мысли. – Ты знаешь, что Кэтрин крада еду с каждого званого вечера, на котором мы присутствовали в прошлом месяце? Она накапливает десерты в своей спальне.

– Почему ты так обеспокоен моими привычками, касаясь еды? – она бросает взгляд на Дэниэла. – Если я наберу несколько стоунов (ед. измерения: 1 стоун – 6,035кг), что из этого? Я не ела нормальных кексов три года. И Дэниэл поощряет меня в этом, верно, дорогой? Ты тоже любишь кексы.

На вопрос Кэтрин Дэниэл поднимает вверх руки.

– Я не стану лезть в разборки между братом и сестрой. Ради своего собственного выживания.

Дэниэл вернулся в это время с подозрительно объявившимся рядом графством, переданного неким дальним родственником, о

котором он никогда не слышал (и который, вероятно, даже не существовал) вместе с довольно большим состоянием. Эйтинне постаралась. Для фейри она довольно романтична.

Дэниэлу и Кэтрин теперь придется пережениться. Чтобы ускорить помолвку, Гэвину пришлось поговорить с их мамой и высказать предположение, что Кэтрин находится в компрометирующем положении.

– О, Боги, – прерываю, махнув рукой. – Гэвин, прекрати доставать Кэтрин и дай ей съесть чертовы кексы. По сути, возьми еще пять.

Кэтрин утаскивает еще пять и смотрит прямо на Гэвина, когда засовывает один в свой рот.

– Мммм, – произносит она, закрывая глаза. – Эти лишние стоуны будут стоять этого. Я скучала по кексам. И чаю. И песочному печенью.

Я скучаю по Деррику. По его песням. По тому, как он сидел у меня на плече.

Я скучаю по Ки ...

Нет. Не думай о нем.

Мне было немногим легче дышать сегодня. Этим утром мне удалось съесть кровянку (домашняя колбаса) и яйца без того, чтобы меня вырвало. Но если подумаю о нем, я снова начну слишком многое чувствовать. Потеряюсь в своих эмоциях.

– Ой, только не снова, – стонет Гэвин и рассказывает мне: – Кэтрин завела себе список вещей, по которым она скучала, и он состоит из около сотни наименований. Она зачитывает его в три утра, и я не спал ... – он сжимает губы вместе от внезапно тяжелого взгляда Кэтрин. – Прости, – мямлит он.

Смотрю на нее.

– Все еще снятся плохие сны?

Кэтрин теребит свое платье.

– В то время, как я все еще ценю кексы, город и все остальное, некоторая часть меня... – она сглатывает. – Я звучу неблагодарно.

Дэниэл оборачивает руку вокруг нее.

– Это длилось три года, Кэт. Не извиняйся за то, что не стала чувствовать себя нормально за один чертов месяц.

– Я знаю. Просто ... – Кэтрин бросает взгляд на открытую дверь.

Встаю со своего места и закрываю дверь. Мы не хотим, чтобы прислуга подслушивала наши разговоры, не тогда, когда мы обсуждаем то, что кажется сном. Коллективным сном, в котором мир сгорел дотла.

– Я тоже не сплю, – говорю. Даже больше этого. – Иногда все еще выхожу по ночам.

Гэвин хмурится.

– Что ты ожидаешь найти? В городе больше не осталось фейри.

– Спасибо, что напомнил мне. Мне это известно, – отвечаю немного резковато.

– Тогда зачем?

– Я больше не знаю, – лгу.

Позже Гэвин задерживается, когда Кэтрин с Дэниэлом уходят. Стою у окна, наблюдая, как сквозь облака светит солнце поверх зданий на другой стороне площади.

Плечо Гэвина задевает мое, когда он встает рядом.

– Ты ищешь его, да? – спрашивает тихо. – Когда выходишь по ночам.

– Иногда, – признаюсь. – Иногда, когда нахожусь в этом доме, чувствую, что не могу дышать.

Тогда я ощущаю на себе взгляд Гэвина и не могу сказать, от того ли это, что он понимает меня, или он ищет что-то, чего там нет.

– Да, – выдыхает он. – Со мной так же. Подозреваю, что с этими двумя было бы так же, если бы у них не было друг друга.

Он кивает на Кэтрин и Дэниэла, которые стоят на мостовой перед домом. Кэтрин смеется над чем-то, что говорит Дэниэл, и шум доносится даже через стекло. Я отвожу взгляд.

– Как ты... Справляешься с этим?

– Я забываюсь в женщинах, – Гэвин отстранено барабанит пальцем по подоконнику. – Помогает на несколько часов, – когда ничего не говорю, он вздыхает: – Ты не можешь продолжать так жить.

– Как то, чем я занимаюсь, делает это иначе? Мы оба забываемся в чем-то.

– Правда, – он бросает взгляд на меня, – знаешь, мое предложение еще в силе.

– О браке? – с улыбкой мотаю головой. – Хочешь жениться на той, которая влюблена в другого? Это не жизнь.

– А что, если я согласен на это?

Пристально смотрю на Гэвина. Странно видеть его таким, каким он был. Его волосы теперь подстрижены и уложены, как у джентльменов, волосы на лице тщательно сбриты и нет шрамов. Никакого напоминания о жизни, которую он прожил, за исключением наших воспоминаний, этих ужасных вещей, которые мы не можем забыть.

Тянусь к нему и провожу пальцами по его щеке, по гладкой коже.

– Не подписывайся на жизнь со мной, Галловэй. Ты заслуживаешь лучшего, чем я могу тебе предложить. Ты заслуживаешь кого-то, кто полюбит тебя в ответ.

Он кивает один раз, понимая.

– А что на счет тебя?

Моя рука падает.

– Я все еще буду выходить по ночам.

Два дня спустя наступает вечер бала дебютанток.

Вечер, когда Сорча убила мою маму.

– Чего ты так взволнована то? – спрашивает мама, когда помогает мне одеться. Этим должна заниматься моя горничная, но сегодня мама настояла, чтобы помочь мне самой. Прямо как в прошлый раз. На ней надето то же самое платье: шелковая ткань

выкрашена в такой светло-розовый цвет, который

практически кажется цветом слоновой кости. Необычный цвет для взрослой женщины Эдинбурга, но он очень подходит её бледной коже и рыжим волосам.

В последний раз, когда я видела это платье, оно было покрыто кровью.

"Алый идёт тебе лучше."

Я вздрагиваю.

– Что, если мы не поедem? – моя рука дрожит, когда я разглаживаю платье. – Будет ли это нормально?

Мама улыбается не, словно я веду себя глупо.

– Ты нервничаешь, да?

– Нет. Мам....

– Вот, – она застегивает последнюю пуговицу и отходит назад, окидывая меня пристальным взглядом. – Ты так прекрасно выглядишь. У меня есть ещё кое-что для тебя, и все станет совершенно идеально.

Мама подходит к шкафу и подбирает шерстяной сверток. Моё сердце грохочет, когда я смотрю на знакомую ткань.

Пожалуйста, нет.

Она раскрывает её, и там, разместившись на шерсти, лежит знакомые стебли синего чертополоха. Сейгфлюер.

Сердце стучит в ушах, а зрение затуманивается. Смотрю на цветок, и воспоминания оживают в голове.

Мама на улице, платье насквозь пропиталось кровью.

Как я прижималась руками к её пустой груди, как будто могла собрать её назад. Как будто могла вернуть ей сердце – в тот момент я была готова отдать ей собственное.

– Правда, чудесный? Это будет единственным цветом на тебе.

"Это будет единственным цветом на тебе." Единственным цветом.

Отхожу от неё, почти врезаясь в прикроватный столик.

– Где ты взяла это?

Мама кажется слегка застигнутой врасплох от силы моих слов.

– Одна женщина дала их мне.

Женщина. Не мужчина. В первый раз Киаран дал их моей маме, чтобы защитить меня. Она вплела их в мои волосы, и их сила позволила мне видеть Сорчу.

– Кто? Как она выглядела? – мне известно об ужасе, проскальзывающим в моём голосе, но не могу затолкать его обратно.

Мама выглядит встревоженной.

– Не могу вспомнить. Почему это так важно?

Сорча сказала, что принимала бы те же решения снова. Она вновь убила бы мою маму. Она выразилась довольно ясно, что не собиралась заслуживать моего прощения. И я больше не Соколиная охотница. У меня нет каких-либо сил сражаться с ней.

Я всего лишь человек.

Теперь вопрос в том: Кем была женщина? Была это Сорча или Эйтинне?

– Айлиэн? Почему это так важно? – спрашивает она снова.

– Это не важно, – быстро говорю я. – Пустяки, – мне приходится лгать ей так много раз. Обо мне. Обо всем. – Обещаю, это пустяк.

На протяжении оставшегося вечера внутри у меня все связано в узел. К тому времени, как мы выезжаем к Залам Собраний, меня трясёт так сильно, что мне приходится обмотать мою сумочку вокруг запястья, или я просто выронила бы её. Моё сердце бьется о грудную клетку; удивительно, что никто этого не слышит.

Когда мы по очереди направляемся к передним дверям, мама смеётся и говорит мне, что это нормально – нервничать. Но я не нервничаю. Я, чёрт побери, в ужасе. Едва умудряюсь кивать, когда другие люди приветствуют меня. Не обращаю внимания на платья вокруг меня, или на отличные мужские костюмы. Пятна цвета, взрыв смеха и скрипки – все это перемешалось с моими испуганными мыслями.

Мои воспоминания мелькают слишком быстро. Песни те же. Платья те же. Чтобы достичь дверей балкона требуется столько же

шагов, и та же самая песня играет, когда мы входим.

Когда произносили моё имя, я едва могла услышать его за своим тяжёлым дыханием.

Рука хватает меня за предплечье и нежно, но уверенно ведёт меня в центр танцевального зала. Вдыхаю аромат сигаретного дыма и виски.

– Идем, – говорит отец.

На протяжении последнего месяца я делала все, что могла, чтобы мы сблизились. Наш прогресс медленный, но обнадеживающий. Он уже не разговаривает со мной так резко, а теперь еще смотрит на меня с беспокойством.

– Ты в порядке?

– Где мама? – спрашиваю, осматривая все в поисках её.

Ничего. Не могу увидеть ничего за пятнами платьев и сверкающих люстр, смешавших все цвета, пока мой папа кружит меня в танце. Почему не настояла на том, чтобы мы остались дома?

Ответ моего отца заставил меня похолодеть.

– Ей пришлось отойти в дамскую ...

– Прости, но мне нужно идти, – говорю, непростительно бросая его. Вырываюсь из его рук и пачусь назад. – У меня болит голова. Мне нужно идти.

Не обращаю внимание на шокированное выражение отца, когда распахиваю ряд танцующих и тороплюсь через зал к двойным дверям. Разговоры людей вокруг меня приостанавливаются; они

шепчутся между собой о моём поведении. Мне плевать. Проскальзываю в коридор и тороплюсь к заднему выходу. Мой пульс учащенный. Не могу получить достаточно воздуха.

Все происходит в том же порядке, что и в прошлый раз. За исключением человека, который дал маме чертополох, все то же самое. Все точно такое же. Я вернулась прямо сюда, и снова буду наблюдать, как она умирает.

Дверь захлопывается за мной, когда я выхожу в сад. Даже не жду характерного вдоха моей умирающей мамы. Несусь через кусты, толчком открываю ворота, и ...

Улица совершенно пуста.

Тяжело дыша, я ступаю в освещенное уличным фонарем пространство, туда, где впервые обнаружила тело мамы. Никакого звука, никакого шепота, нет даже и ветерка. Всматриваюсь в холодную, неподвижную ночь и здесь нет никого, кроме меня.

Пока не слышу шаги позади меня, осторожные и медленные. Затем голос, от которого моё сердце мчится вскачь.

– Кэм.

Зажмуриваю глаза. Его голос. Не смею взглянуть, пока он вновь не произносит моё имя, рваное и наполненное тоской.

Поворачиваюсь, и вот он в свете уличного фонаря, всего в нескольких метрах от меня. Боже, как я скучала по этому маленькому изгибу улыбки, по тому, как прекрасные тёмные волосы свисают с его лба. Когда его яркие лиловые глаза находят мои, он наклоняется голову на бок, как будто бы говоря: "Ну? Так и будешь стоять там?"

– Это ты? Это на самом деле ты?

Когда я осторожно подхожу ближе, замечаю, что его кожа не блестит необыкновенным фейрийским светом. Лёгкий румянец появляется на его щеках, а его грудь поднимается и опадает с быстрым темпом его дыхания, как будто бы он бежал сюда. Занимает мгновение, чтобы понять, что это значит.

Человек. Киаран – человек.

– Это сон, – говорю я.

Он смеётся, и звук такой чудесный.

– Это не сон.

– Я убила тебя, – боль появляется в груди и голос дрожит, когда я добавляю: – Ты мёртв.

– А ты была мертва дважды, – напоминает мне. – Думаю, у меня должно быть еще как минимум два шанса, прежде чем ты откажешься верить, что это я, – затем он движется вперёд, и его ладони обхватывают мои щеки. Закрываю глаза от его прикосновений.

– Чувствуешь это? – бормочет он. – Это реально.

– Ты так же говоришь в моих снах, – шепчу я.

– Тогда мне следует доказать тебе это? – ему, кажется, забавно. – Моя очередь задавать раздражающие вопросы?

Слёзы жгут глаза.

– Я бы с удовольствием послушала их.

– У меня всего один: как, чёрт возьми, ты поспевала за мной во время нашей охоты? Мне никогда не приходилось испытывать такой дискомфорт от отдышки до этой ночи.

Я взрываюсь смехом. Это он. Это он. Обхватываю его руками и крепко-крепко прижимаю к себе.

– Боже, я скучала по тебе. Как? Как ты ...

– Лена говорила тебе, – зовёт голос из тени. Эйтинне, – это требует жертву. Жизнь за жизнь.

Я оглядываюсь и вижу Эйтинне, улыбающуюся нам, она стоит, облокотившись на садовые ворота. Она выглядит ослепительно в ее парчовом пальто, точной копией того, который Деррик сделал для неё. Того, что я надела, когда отправилась на поиски Книги. Полагаю, что она собирается надеть его на коронацию после всего.

– Кстати, Сорча просила передать тебе послание, – говорит Эйтинне. – Она сказала, что это ничего не меняет, и она все ещё ненавидит тебя.

Сорча. Сорча пожертвовала своей жизнью ради Киарана.

Он заслуживает лучшего.

Сорча ошибается. Это меняет все. Все.

Эйтинне с любовью улыбается своему брату.

– Он мог бы выбрать остаться фейри, но решил быть человеком вместе с тобой. И он говорит, что не романтичен.

– Оу, он романтичен, – поддразниваю. – Он прячет это за строгими взглядами и угрозами. Обожаю это.

– А я думаю ...

– Эйтинне, разве тебе не надо где-то быть? – быстро спрашивает Киаран. – Где-то, куда ты говорила, что пойдёшь? – затем он говорит ей одними губами: "Уходи".

Эйтинне ухмыляется.

– Аааа, точно! Я просто схожу, поем десертов и потанцую с людьми. Может леди потанцевать с леди? Неважно: я просто пойду и найду себе леди, или какой-нибудь пирог. Но, вероятнее, и то, и другое. Теперь ухожу, – она торопится пройти через садовые ворота со смехом, следующим за ней.

– О Боже, – говорю я. – Нам ведь нужно будет вернуться в этот полнейший хаос, да?

– Вероятно.

– Следует ли нам ...

– Нет. Не следует. Не заканчивай это предложение, – затем он наклоняет голову и прижимается своими губами к моим.

Целую его в ответ со всеми чувствами, что ощущаю. Я даю обещания этим поцелуем. Передаю послание. Рассказываю ему секреты. Теперь я верю в силу желаний. Наш поцелуй наполнен тысячами возможностями будущего, полностью выбранными нами. Им и мной. Вместе.

Затем отодвигаюсь назад и шепчу у его губ:

– Я люблю тебя, Киаран Маккей, – улыбаюсь ему, и моё сердце чувствуется цельным. – Ты потанцуешь со мной?

Его ответ – дыхание между поцелуев.

– Конечно.

Когда мы кружимся вокруг в танце на улице, клянусь, я ощущаю крылышки Деррика, шуршащие у меня в волосах, намёк его силы в мимолетном зимнем ветерке, и я улыбаюсь.

Киаран прижимается своей щекой к моей, и мы танцуем вместе под звёздами, с мерцающими огнями города вокруг нас.